

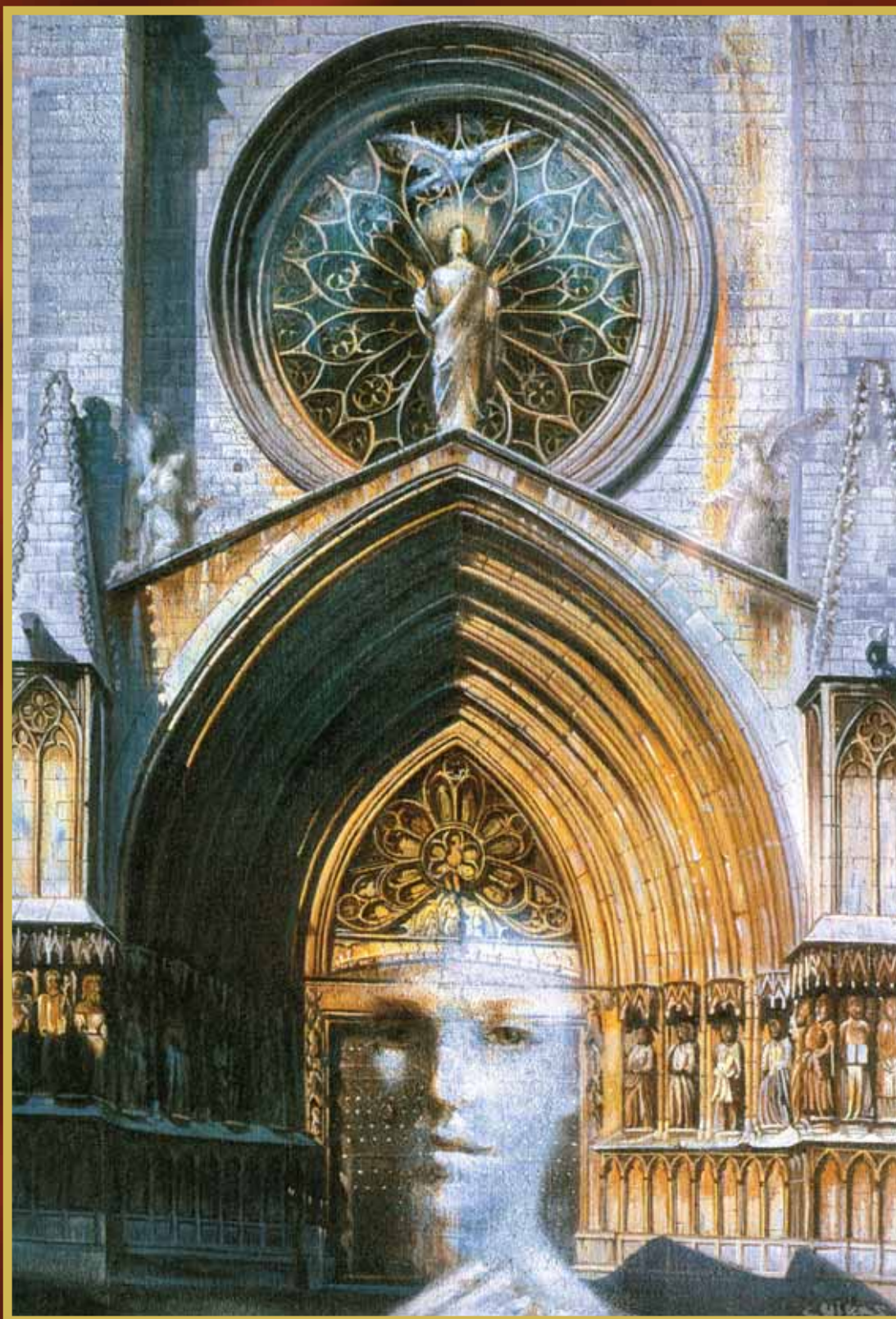
СМЕНА

№ 10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве художника Никаса Сафронова
читайте на стр. 65

Год литературы

<i>Юрий Осипов</i>	Последний приезд (Толстой в Москве)4
<i>Илья Рюмин</i>	Двуглавый буревестник124

Неизвестное об известном

<i>Алла Зубкова</i>	Творец созвучий века16
---------------------	-------------------------------------

Литературные страницы МСПС

<i>Михаил Стрельцов</i>	Своя скрипка32
<i>Отиа Иоселиани</i>	Стихи 42
<i>Юрий Пахомов</i>	Одинокие сны 58
<i>Евгений Касаткин</i>	Сюда не вернуться 112

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Пропала вера в разум Дона... 46
--------------------------------	--

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Никас Сафронов: «Я женат на искусстве» 65
<i>Елена Александрова</i>	Евгений Писарев: «В каждой эпохе — свои тартюфы» 77

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Слава на двоих 84
--------------------------	--------------------------------

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Королева на девять дней 96
----------------------	---

Авантюрная повесть

<i>Татьяна Нилова</i>	Казино 146
-----------------------	-------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Никас Сафронов.
«Автопортрет»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8100

Зак. №1061

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.09.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Он был героем русско-японской войны. В годы Первой мировой войны снискал себе славу «нового Суворова», не проиграв ни одного сражения. Но нам генерал от инфантерии Николай Юденич известен, в первую очередь, как организатор двух неудачных походов на Петроград в годы Гражданской, когда он руководил силами белых на Северо-Западном направлении... и впервые в своей жизни потерпел поражение. Вообще Юденич оказался негоден не только Советам, но и многим своим соратникам по Белому движению и эмиграции. Почему? Ответа на этот вопрос пока еще не найдено...

Светлана **Бестужева-Лада** «Новый Суворов»

« Теплым майским утром 1956 года на втором этаже переделкинской дачи сидел за столом в своем кабинете красивый человек с седой шевелюрой. Перед ним лежал чистый лист бумаги. В одной руке он держал авторучку, в другой — старый потертый наган.

Еще совсем недавно он «рулил» всей многонациональной советской литературой, заседал в ЦК КПСС, был удостоен высших государственных наград. Звали этого человека Александр Фадеев.

Игравшему внизу младшему сыну послышался вдруг из окна второго этажа громкий треск. Когда он влетел в кабинет отца, то увидел его уже мертвым, привалившимся к спинке дивана. Фадеев выстрелил себе прямо в сердце. Револьвер лежал на полу, а в центре стола белел запечатанный конверт, адресованный в ЦК партии...

Юрий **Осипов** «Судьба комиссара»

« Почему-то чаще всего, если копнуть биографию артиста-комика или писателя-юмориста, окажется, что в жизни он был чрезвычайно печальным и несчастным. Американский писатель О'Генри не стал исключением в этом ряду «везунчиков». Однако жизнь его — яркий пример того, как можно оставить после себя огромное литературное наследие, состоящее в основном из комических рассказов, и быть при этом глубоко несчастным человеком...

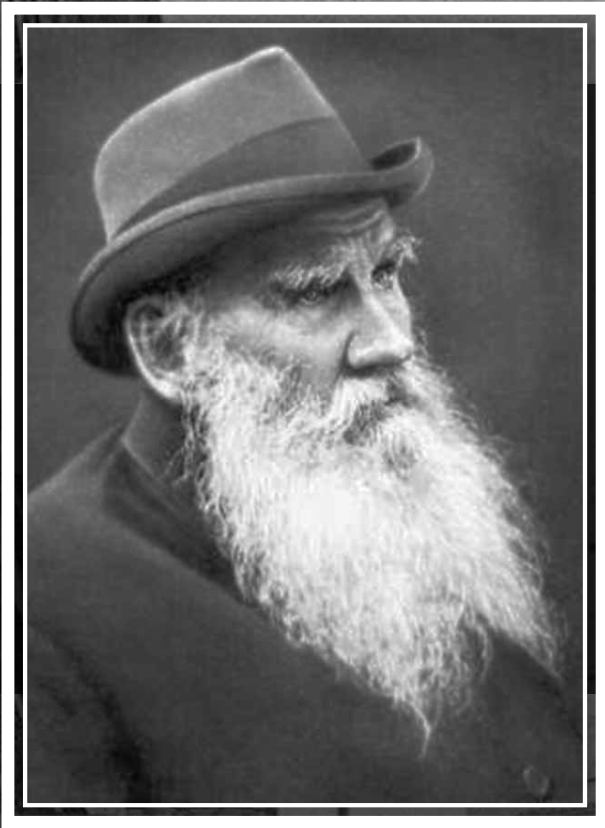
Евгения **Гордиенко** «Грустный веселый писатель»

« Мустай Карим — один из известных поэтов не только в Башкортостане, но и далеко за его пределами. Жизнь его шла в одном ритме с жизнью всей страны — мальчик из глухого села в 1941 году окончил филологический факультет башкирского ГПИ, и сразу — на фронт. Он провоевал с первых дней войны и до самой победы. Служил начальником связи и одновременно был корреспондентом фронтовых газет «За честь родины» и «Советский воин» на татарском языке. У него огромное количество регалий: Народный поэт Башкирии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР... Его не просто любили и почитали, а уважали за мудрость, за простые человеческие мысли, проникнутые глубоким философским смыслом, за беспокойство о судьбе своего народа, за идеи сплоченности и дружбы народов. Скончался Мустай Карим после двух инфарктов в сентябре 2005 года на 86-м году жизни. И навеки остался в поэтической истории России.

Денис **Логинов** «На переломе двух веков»

« Детектив Варвары **Клюевой**, Дарьи **Булатниковой** и Натальи **Рожковой** «Шведский пасьянс»

Юрий Осипов

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД

(Толстой в Москве)

«...Поезд приближался к Москве.

Унылой чередой потянулись железнодорожные мастерские, склады, горы угля, штабеля дров.

Лев Николаевич, не отрываясь, смотрел в окно вагона. Выражение лица его стало меняться, взгляд сделался тусклым и безжизненным.

Над крышами встречного порожняка вынырнула колокольня Новодевичьего монастыря, за ней — невообразимое нагромождение домов и домишек вокруг бесчисленных церквей.

Лев Николаевич совсем помрачнел.

— Вот Вавилон,— тихо и сокрушенно произнес он».

Так описывает добрый знакомый Толстого, литератор А.П. Сергеевко, последний приезд великого писателя в Москву 18 сентября 1909 года. Толстому шел тогда восемьдесят второй год. «Вавилоном» называл Москву и Левин в «Анне Карениной». А Левин — это тридцатилетний Толстой.

Москва сопровождала писателя всю его жизнь, притягивала и отталкивала, олицетворяя Город, сосредоточивший все зло и все блага мира. Давно уже он хотел навсегда распрощаться с Москвой, но разные обстоятельства вновь и вновь приводили Толстого сюда. И вот теперь ему, еще не ведомо для себя, предстояло на следующий день окончательно покинуть ее...

Впервые Толстой увидел Москву мальчиком в год смерти Пушкина. Впечатление от древней столицы было огромным и сохранилось в классном сочинении. Пройдут годы, и герой незаконченного романа «Декабристы», слушая после возвращения из сибирской ссылки торжественный перезвон «сорока сороков», испытает вместе с автором

«детскую радость оттого, что он русский, и что он в Москве».

Нескончаемое познание Первопрестольной начиналось Левушкой в одноэтажном особняке на Плющихе. Оттуда он в сопровождении сменявшихся иностранных гувернеров (Карла Ивановича и Сен-Жерома в «Детстве» и «Отрочестве») каждое утро отправлялся на прогулку

по Пречистенскому, Никитскому или Тверскому бульварам. Забирался попутно в лабиринт арбатских переулков и глазел на народные гулянья под Новинским, с их пестрыми балаганами, захватывавшими дух качелями и сытными запахами пирожковых лотков. А самые драматические события, описанные в «Отрочестве», происходили уже в старом двухэтажном особняке, надменно глядевшем сквозь пилястры на Большой Каковинский переулок.

Покосившийся флигель в Малом Николопесковском переулке, оштукатуренный «под камень» мезонин

Но было в ту пору и другое. Книги из магазина Готье на Кузнецком, переводы иностранных авторов, чтобы «*формировать слог*», первые дневники — отчет о жизни самому себе, «*с точки зрения тех слабостей, от которых хочется избавиться*». Был уже напряженный поиск «задушевной идеи и смысла жизни».

Москва с ее резкими контрастами в разные периоды жизни особенно сильно пробуждала в Толстом неистовые противоречия его могучей натуры. Тяга к культурной среде, красивой обстановке и комфорту, и одновременно — жажда

Москва с ее резкими контрастами особенно сильно пробуждала в Толстом неистовые противоречия его натуры. Тяга к культурной среде, красивой обстановке и комфорту — и одновременно жажда вырваться из привычного круга, освободиться от давления окружающих его людей. В то же время Москва давала побудительный толчок к творчеству

на углу Сивцева Вражка и отреставрированный особнячок на Пятницкой, где попеременно жили в Москве Толстые, помнят юного франта, делившего досуг между балами, светскими визитами, азартной карточной игрой за полночь, шумными поездками к цыганам в Козихинский переулок на Патриарших, гимнастическими занятиями в зале, охотой, верховой ездой в манеже и за городом.

вырваться из привычного круга дорогих, удобных вещей, освободиться от давления людей его круга, сконцентрированных в Городе. Город, однако, часто давал побудительный толчок к творчеству. В Москве, на Сивцевом Вражке, Толстой впервые попытался сочинять: в декабре 1850 года начал повесть из цыганского быта, через год — «Историю вчерашнего дня» и «Четыре эпохи развития». Оба замысла нашли затем

воплощение в трилогии »Детство», «Отрочество», «Юность».

Ну и, наконец, Москва подарила Толстому первый литературный триумф, когда он возвратился после Крымской войны из Севастополя автором, которого сам Тургенев признавал равным себе. Аксаковы, Островский, Григорович, Хомяков, Фет, Аполлон Григорьев, Щепкин... Таков был круг постоянного дружеского общения молодого Толстого в Москве. Видные издатели и журналисты гонялись за ним, светские львицы наперебой зазывали его в свои салоны. А он? *«Отдаюсь работе по восемь часов в сутки, а остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей»*, — сообщал Лев Николаевич в письме дальней родственнице и другу А.А. Толстой.

Пылкий, увлекающийся и переменчивый, писатель в те годы порой забывал за работой про сон и пищу, иногда же целыми днями не притрагивался к перу. Его одолевало любовное томление, он придирчиво искал верную спутницу жизни. И нашел ее тоже в Москве. Ею была Софья Берс, дочь А.Е. Берса, врача придворного ведомства. В 1862 году Лев Николаевич обвенчался с ней и укатил с молодой женой в Ясную Поляну. Москва, казалось, отодвинулась далеко. Впереди маячили необозримые горизонты «Войны и мира».

Работа. Семья. Хозяйство. Триада эта на много лет стала для Толстого определяющей, сдерживая его душевные метания и сомнения. В Мо-

скве он появлялся теперь лишь по делам: собрать материалы, переговорить с книгоиздателями, встретиться с художником М. Башиловым, первым иллюстратором эпопеи, да еще наведаться на выставку скота в Зоологическом саду...

В 70-е годы наезды писателя в Москву участились. Задуманный, но оставленный им роман «Декабристы» требовал встреч с оставшимися в живых участниками восстания, которые не сломленными стариками возвращались «из глубины сибирских руд».

Неожиданно Толстого надолго захватила трагическая история женщины, во имя любви бросившей вызов условностям «света». «Анна Каренина» также печаталась в Москве, и Льву Николаевичу приходилось постоянно бывать в типографии и у издателя.

В те годы Толстой еще не чуждался публичных чтений в Обществе любителей российской словесности, членом которого давно состоял. На заседаниях Московского комитета грамотности он на основе собственной педагогической практики доказывал преимущества буквенного способа обучения грамоте, называя его «способом русского народа», перед звуковым. Чтобы наглядно продемонстрировать этот метод, писатель ездил в начальную школу при фабрике Ганешина и к этнографу Бессонову, с которым собирался организовать Общество любителей русского народного пения...

Существовала, однако, и еще одна важная причина, все чаще обра-

щавшая взор Льва Николаевича к Москве. Подросшим сыновьям требовалось дать гимназическое образование. Поэтому, после недолгих колебаний, решили зимовать всей семьей в Первопрестольной. Дом княгини С.В. Волконской, на углу Денежного переулка и Пречистенки, находился, по выражению Толстого, «забор о забор» с лучшей московской гимназией — Поливановской. Его Толстые сняли в 1881 году, но он оказался слишком шумным для работы, и следующей весной Софья Андреевна подыскала подходящий дом в Долгохамовническом переулке. *«Отцу нравилось уединенное положение этого дома и при нем запущенный сад размером почти в целую десятину, в котором, по его словам, было "густо, как в тайге"»*, — вспоминал Сергей Львович.

В июле состоялась покупка дома, нынешнего мемориального Дома-музея Л.Н. Толстого в Хамовниках. Писателю к тому времени исполнилось 52 года, и он уже стоически нес бремя всемирной славы. Меньять, пусть даже на зиму, спокойный устоявшийся яснополянский уклад и порядок сложного быта, заново обживать в огромном городе ему было тяжело. А тут еще навалилось множество забот по перестройке дома, свидетеля наполеоновского нашествия и пожара Москвы. Большой семье Толстых, насчитывавшей тогда восемь детей, оказалось в нем тесновато...

...Испуганно пискнув, разлетелись высокие створки дверей директорского кабинета, и на пороге

возник кряжистый старик в длинном полом пальто. Прозрачная белая борода, словно стекавшая по развернутой груди, и насквозь сверлящие собеседника из-под клочковатых нависших бровей острые зрачки глубоко посаженных глаз не оставляли сомнения: перед легендарным педагогом-импровизатором Львом Поливановым стоял его гениальный тезка Лев Толстой, который привез к нему на учебу своих сыновей.

Вообще-то Лев Николаевич собирался отдать двух младших отпрысков в обычную государственную гимназию, но там от него потребовали подписку о «благонадежности» поступающих. Возмущенный писатель заявил: *«Я не могу дать такую подписку даже за себя, как я ее дам за сыновей»*, и велел кучеру ехать обратно в Хамовники, где его дожидалась бригада строителей.

Племянница писателя Е.В. Оболенская рассказывает в своих мемуарах: *«Лев Николаевич сам очень внимательно занялся устройством дома и его меблировкой. Сначала он делал это для того, чтобы облегчить Софью Андреевну, но потом увлекся. Очень охотно по всем мебельным магазинам разыскивал старинную мебель красного дерева и покупал все с большим вкусом»*. Вместе с ним приехали сыновья — Сергей, Илья и Лев. Пока шел ремонт дома, с непрерывными письменными отчетами Софье Андреевне в Ясную Поляну, они поселились в верхних комнатах флигеля. Завтракали в трактире, а обеды готовил дворник Василий, с которым Толстой полю-

*Дом
Толстых
в Хамовниках*

бил беседовать вечерами на лавочке перед воротами усадьбы.

Здесь текла совсем иная жизнь, нежели в районе старых дворянских особняков между Поварской и Остоженкой. Гроыхали по переулку ломовые извозчики, возвращались домой после смены фабричные рабочие, шагали в казармы солдаты. *«Я живу среди фабрик, — писал Лев Николаевич в трактате «Так что же нам делать?» — Каждое утро в 5 часов слышен один свисток, другой, третий, десятый. Это значит, что началась работа женщин, детей, стариков...»* Нет, он не отгородился от города в усадебном саду, но пылливо всматривался в его изменчивые черты. Уже в первой дневниковой записи Толстого в тот московский период мы читаем: *«Вонь. Камни. Роскошь. Нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судий, чтобы оберегать их оргию. И пируют...»*

В Хамовники Толстой перебрался из Ясной Поляны уже «опростившимся» — в овчинном тулупе, знаменитой блузе, валенках или в сапогах гармошкой, с железной расческой для бороды, торчавшей из-за голенища. Так и ходил в собрания и на концерты, от которых не в силах был отказаться. *«Ну, что она делает со мной, эта музыка!»* — порой восклицал он со слезами на глазах, сердясь на самого себя.)

Не мог он отказаться в Москве и от простительных «барских» затей. Ездил верхом по аллее и за воротами на двух любимых лошадях, Тарпане и Красавчике. Зимой на площадке в саду перед террасой заливали каток и катались на коньках — и дети, и Софья Андреевна, и сам Лев Николаевич, ни в каких забавах не уступавший молодежи и даже отлично освоивший в старости езду на велосипеде. В застекленную беседку с колоннами, тут же у площадки, он не раз уносил корректуры

Вид со стороны парка

последнего своего романа «Воскресенье».

Томясь городом, Толстой, тем не менее, писал зимами в Москве много. Страстная публицистика и «Холстомер», пьеса «Власть тьмы» и «Хаджи-Мурат», «Крейцера соната»... Всего за 19 лет около ста различных произведений! Причем, как и прежде, Москва давала ему обширный материал для творчества. В Бутырской тюрьме сидит героиня «Воскресенья» Катюша Маслова. Ее судят в Московском окружном суде. Жарким летним днем она идет в партии заключенных от ворот тюрьмы до Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала. Писатель сам проделал с партией ссыльных этот нелегкий путь, расспрашивал в Бутырке надзирателей о тюремных порядках,

встречался с семьями политзаключенных.

Случалось, он уходил от своей хамовнической усадьбы очень далеко, бродил по окраинам Москвы, разговаривал с простыми людьми, запоминал, записывал. Морозным декабрьским утром 1881 года Лев Николаевич пошел посмотреть самое страшное место в Москве — Хитров рынок, с его мрачными ночлежками. Вернулся мрачным, подавленным. Но вскоре отправился с опросным листом московской переписи в жуткие ночлежные дома Проточного переулка. Ездил и в губернии работать «на голоде», окончательно убедившем его, что *«так продолжаться, в таких формах жизнь не может»*, и что *«дело подходит к развязке»*.

Комната дочери Татьяны

Москва обострила давно назревавший конфликт Льва Толстого с женой. «Со мной случился переворот, — говорит он в «Исповеди», — который давно готовился во мне, и задатки которого были во мне всегда. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл...» Для Софьи Андреевны же смысл жизни был как раз в круге «богатых, ученых», в славе мужа, в достатке, позволявшем устроить будущее многочисленных детей.

Зимой в Хамовниках Лев Николаевич сохранял привычку к физическому труду, стараясь, как и в Ясной Поляне, обслуживать себя сам. Умело тачал сапоги, колот в сарае дрова и разносил вязанки по всем пе-

чам дома. Ему нравилось притаскивать поутру на примерзавших полозьями к снегу санках десятиведерную бочку воды от неблизкого колодца у заводской стены, а то и от самой реки (водопровода и электрического освещения в доме не было). Бунин вспоминает в книге «Освобождение Толстого», как встретил его однажды тянущим, выбиваясь из сил, вверх по переулку санки с бочкой воды. И стоявший рядом дворник, «человек суровый и всегда пьяный», глядя вслед Толстому, убежденно произнес: «Какой он к черту граф? Он — шальной!»

Но физический труд не спасал писателя от кризиса мировоззрения, от душевной тоски и отчаяния. Он пытался заглушать их, посещая без стеснения за свой преклонный воз-

раст публичные университетские лекции. Стремился следить за последними научными достижениями и находил время бывать на съездах естествоиспытателей, врачей, на заседаниях Психологического общества. Читал сотни книг и журналов на трех языках, хоть и жаловался в письмах, что *«ужасно устают в городе»*.

В библиотеке Румянцевского музея Лев Николаевич близко сошелся с ее хранителем, Николаем Федоровым, энциклопедистом, оригинальнейшим русским мыслителем, автором знаменитой *«философии общего дела»* — учения о всеобщем братстве людей на основе познания сокровенных законов природы, преобразования космоса и победы над смертью. *«Николай Федорович — святой!.. Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели... Он нищий, все отдает, всегда весел и кроток»*, — писал Толстой в дневнике той поры.

Под непосредственным влиянием Федорова он принял сенсационное решение отказаться от гонораров за все свои произведения, созданные после 1881 года, года переезда на зиму в Москву. *«Что-то есть особенно отвратительное в продаже умственного труда, — замечал Толстой. — Если продается мудрость, то она, наверное, не мудрость»*. Устроенная Софьей Андреевной во флигеле хамовнического дома контора по изданию толстовских сочинений стала Льву Николаевичу *«крайне неприятна»*.

Неприятны ему теперь были и театры, концерты, хотя полностью от-

казаться от них он все же не мог. Подлинное искусство продолжало волновать его до глубины души. В ноябре 1885 года Толстой читал на труппе Малого театра *«Власть тьмы»*. *«Мы сидели ошеломленные, замороженные его чтением»*, — вспоминала актриса Малого В.Н. Рыжова. Потом Льва Николаевича попросили присутствовать на репетициях. *«Поражала его простота, его необыкновенная деликатность и какая-то почти детская конфузливость»*, когда он в своей неизменной блузе и башлыке *«незаметно»* пробирался в темный зрительный зал и смотрел, как мы репетировали».

Его с юности притягивала живопись, и в прежнюю свою бытность в Москве молодой писатель даже ходил на занятия в Училище живописи, ваяния и зодчества, нередко затеывая жаркие споры с преподавателями. В 80-е годы Толстой не пропускал выставок передвижников и зарубежных мастеров в Третьяковской галерее, встречался с ее основателем. *«В моей мастерской, стоя иногда перед начатой мною картиной, — рассказывал И.Е. Репин, — он поражал меня совершенно неожиданными и необыкновенными замечаниями самой сути дела; освещал вдруг всю мою затею новым светом, прибавлял животрепещущие детали в главных местах, и картина чудесно оживлялась... Такое же действие он производил и на товарища моего, художника Сурикова»*.

Зачастую обсуждение новых работ друзей-художников переноси-

лось в залу хамовнического дома, который, как тому ни противился Толстой, всегда был полон народа. Артисты, музыканты, профессора, общественные деятели, причем не только российские, не только из Европы, но из Америки и Австралии, питерские фрейлины, сановники, губернаторы, прокуроры и адвокаты, подруги и поклонники дочерей, товарищи сыновей. *«И рядом с каким-нибудь генералом свиты — другом юности Толстого — социалисты-революционеры, обреченные, быть может, на ссылку в Сибирь или вышедшие из тюрьмы, пострадавшие за*

вое, то ласковое, то остроумное, то участливое, но всегда нужное слово».

А самому ему этого слова получить было не от кого. Вычерпывать на склоне дней себя для других становилось все тяжелее. Мучительные противоречия не желавшей успокаиваться бунтарской природы буквально сводили Толстого с ума. И давно зародившаяся в нем мысль об уходе — от дома, от семьи, от мира — окончательно окрепла. Спустя несколько месяцев он пешком уйдет тайно ночью из своего родового гнезда — Ясной Поляны, и, простудившись на

В

Хамовники Толстой перебрался из Ясной Поляны уже опростившимся — в овчинном тулупе, знаменитой блузе, в валенках или сапогах гармошкой, с железной расческой для бороды, торчавшей из-за голенища. Так и ходил на собрания и концерты, от которых не в силах был отказаться

свои убеждения последователи Толстого. Все, что в жизни и даже в фантазии казалось несовместимым, мирно встречалось здесь за чайным столом». Так описывал традиционные субботние вечера в Хамовниках отец Бориса Пастернака, художник Леонид Пастернак, иллюстрировавший толстовские произведения, которого писатель ставил очень высоко. При этом Лев Николаевич умел *«как истый аристократ души»* каждому из гостей сказать свое *«жи-*

ветру под дождем, умрет через несколько дней в комнате зрителя маленькой железнодорожной станции «Астапово». Последними его словами будут: *«На свете много Львов... а вы смотрите на одного Льва Толстого».*

19 сентября 1909 года Лев Толстой навсегда покидал Москву.

Он был здесь проездом и ночь накануне отъезда провел в хамовническом доме, который теперь

принадлежал одному из его сыновей. Прежде чем лечь, зашел, вероятно, по старой памяти в свой бывший кабинет на антресолях, присел к столу, как в Ясной Поляне огороженному с краю деревянной решеточкой из мелких точеных балясин. Скрипнул жестким стулом, чьи ножки некогда сам подпилил, чтобы

казался мне маленьким, жалким, как будто затерявшимся в городеспруте».

Газеты успели оповестить об отъезде Толстого, и к полудню площадь перед Курским вокзалом загрохотали многотысячные толпы народа. До вагона добрались с трудом. Лев Николаевич, которого едва не задави-

М

учительные противоречия не желавшей успокоиться бунтарской натуры буквально сводили Толстого с ума, и давно зародившаяся мысль об уходе — от дома, от семьи, от мира — окончательно окрепла. Он ночью тайком уйдет пешком из родового гнезда и, простудившись под холодным дождем, через несколько дней умрет в комнате зрителя маленькой железнодорожной станции «Астапово»

близоруко не наклоняться над рукописью (очки из упрямы так и не завел). Повертел в пальцах простенькое перо. То самое, которым были написаны суровые и горькие строки «Ответа Синоду» после отлучения Толстого от церкви в феврале 1901 года.

Утром Лев Николаевич, не отступая от десятилетиями заведенного порядка, отправился на прогулку. А.П. Сергеевко, встретивший его на обратном пути, поразился «несоответствию между ним и городом». Один в безлюдном переулке, «он шел у высокой красной кирпичной стены пивоваренного завода и по-

ли, был бледен, но невозмутимо спокоен и, улыбаясь, любовался ловкими движениями молодых людей, взбирающихся на столбы перронного навеса, чтобы лучше рассмотреть его.

В купе он сел у открытого окна и весь ушел в себя, никак не реагируя на гул разбушевавшегося людского моря, восторженные выкрики «Ура!.. Да здравствует!.. Слава!», магниевые вспышки над штативами фотографов и назойливое стрекотание киноаппарата. В открытое окно на колени ему упали цветы.

Ближайший соратник и лидер толстовского движения В.Г. Чертков

*Кабинет
и рабочий стол
Льва Николаевича*

шепнул, что хорошо бы попрощаться с толпою.

— Да? Ну что ж, — ответил Лев Николаевич и, легко поднявшись, вышел в коридор к окну.

При виде его в воздух полетели фуражки, замахали платками. Толстой снял шляпу и с сосредоточенным выражением лица раскланялся во все стороны.

— Благодарю! Благодарю за... добрые чувства, — произнес он, и голос его дрогнул.

— Тише! Тише! Он говорит... — раздалось вокруг.

Окрепшим голосом Толстой повторил:

— Благодарю... Никак не ожидал такого проявления сочувствия

со стороны людей... Спасибо! Спасибо!

— Спасибо, спасибо вам! — восторженно отозвалась толпа, и при общем ликующем крике поезд тихо тронулся.

Объятые стихийным порывом, люди, словно загипнотизированные, потянулись вслед. Поезд постепенно прибавлял ход, и основная масса отставала, продолжая махать руками. Оторвавшиеся от нее отдельные группы бежали вровень с вагоном.

— Лев Николаевич, наш дорогой!.. Слава!.. Ура!..

Счастливые, сияющие, они бежали и бежали, пока не кончилась платформа. □

Алла Зубкова

ТВОРЕЦ

В июле 1941 года газеты многих стран обошла фотография, запечатлевшая Д.Д. Шостаковича в комбинезоне и шлеме пожарного на крыше ленинградского оперного театра. Увидев

СОЗВУЧИЙ ВЕКА

это фото, один американский миллионер — любитель музыки заявил: *«Если в России не хватает людей для тушения зажигательных бомб, я готов направить туда за свой счет высокопрофессиональную пожарную команду в обмен на Шостаковича».*

Ему выпало счастье при жизни познать мировую славу, услышать о себе определение — гений, стать признанным классиком в одном ряду с Моцартом, Бетховеном и Чайковским. Человек необычайной душевной

чистоты и отзывчивости, он был в то же время личностью сложной и противоречивой. Он никогда не считал себя храбрецом, но в вопросах творчества компромиссов не признавал, порой навлекая на себя гнев сильных мира сего. Довольно робкий в отношениях с женщинами, был, тем не менее, очень влюбчив. Ну а то, что великому композитору и в самом деле ничто человеческое не было чуждо, лишний раз подтверждает его поразительная увлеченность футболом.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович появился на свет 25 сентября (по новому стилю) 1906 года в Санкт-Петербурге. Родители его были родом из Сибири. Отец, Дмитрий Болеславович, после окончания Петербургского университета, долгое время работал в Главной палате мер и весов, основанной Менделеевым. Позднее стал управляющим поместьями крупного землевладельца Ранненкампа. Мать будущего композитора происходила из семьи золотопромышленника из Бодайбо. Софья Васильевна получила хорошее образование, окончив Институт благородных девиц в Иркутске, а затем переехала в Петербург, чтобы продолжить образование в консерватории. Там, в городе на Неве, она и нашла свою судьбу. Шостаковичи были достаточно обеспеченными людьми. Для воспитания Мити и двух его сестер родители наняли гувернантку, обучавшую детей немецкому языку, и няню, водившую их гулять. Семья была хлебосольной, радушной, сохраняла

привязанность к сибирским обычаям, к примеру, часто устраивались обеды с пельменями.

Шостакович не обнаруживал заметных музыкальных склонностей до девяти лет. Обучение началось только с весны 1915 года, причем не без некоторого давления со стороны матери. Спокойно, но настойчиво вводила она ребенка в мир музыки, отнюдь не предполагая сделать из него профессионала. Просто считала, что ее дети должны получить хорошее музыкальное образование. У Мити оказался абсолютный слух, великолепная память. Прогрессировал он удивительно быстро, и вскоре мать решила отдать его на курсы известного педагога И.А. Гляссера. В беседе с преподавателем она заметила: *«Я привела к вам, кажется, необыкновенного мальчика»*. На что Гляссер ответил: *«Какая же мать считает своего сына обыкновенным?»* Впрочем, довольно скоро он изменил свое мнение. В 1917 году одиннадцатилетний Митя сыграл все прелюдии и фуги «Хорошо темперированного

*Митя
Шоста-
кович*

клавира» Баха — такое было в школе событием исключительным. Параллельно он получал общее образование сначала в коммерческом училище, а затем в гимназии. Однажды одноклассница, Ира Кустодиева, пригласила его поиграть ее отцу, знаменитому художнику Б.М. Кустодиеву. Эта встреча стала началом дружбы двух семей. Художник относился к юному музыканту с удивительной нежностью. Написанный в 1919 году портрет будущего композитора с трогательной надписью — первое живописное изображение Шостаковича.

Между тем Митя, уже мечтавший о поступлении в консерваторию на

отделение фортепиано, начал довольно успешно пробовать свои силы в композиции. Пианист — да, но достаточно ли у мальчика таланта, чтобы стать композитором? — тревожились родители. Конец их сомнениям положил известный композитор А.А. Глазунов, прослушавший сочинения Мити. «У мальчика очевидный композиторский дар. Развивать его необходимо», — гласил вердикт маститого специалиста. Еще более лестно высказался он на вступительных экзаменах, заявив о наличии у юного музыканта элементов моцартовского таланта, и тринадцатилетний Митя становится студентом петроградской консерватории. В прошлое ушло время, когда он во дворе играл со сверстниками в лапту. Круг его знакомых радикально изменился. Теперь он общался с людьми гораздо старше его по возрасту, некоторым из них было уже за тридцать. Тем не менее, общность интересов способствовала установлению настоящих товарищеских отношений. Ну а общеобразовательную школу Митя заканчивал экстерном. Времена были нелегкие. Старший Шостакович трудился в нескольких местах, но заработанных денег едва хватало на хлеб. Постоянное недоедание, при умственной и нервной перегрузке, вызвало у подростка острое малокровие. Память слабела от недостатка сахара. Четыре ложки — такова была его норма в месяц. По распоряжению Глазунова Митя получал стипендию из «Боро-

динского фонда», но она не спасала положения. Не очень щедрой оказалась и помощь, которую, опять-таки по просьбе Глазунова, оказали Луначарский и Горький. Особенно тяжелым стало положение семьи после смерти Дмитрия Болеславовича в феврале 1922 года. А вскоре заболел сам Митя. Врачи обнаружили у него туберкулез лимфатических узлов. На шее образовалась опухоль, и ее пришлось удалять. Очередной экзамен Митя сдавал с забинтованной шеей. К счастью, туберкулез лимфосистемы менее опасен, чем заболевание легких, и все закончилось благополучно. Требовалось лечение в Крыму. Одолжили денег, где только можно, продали семейный рояль «Дидерихс», оставшись без инструмента, и отправили Дмитрия со

старшей сестрой Марией в Крым, в Гаспру.

В санатории «Кореиз», куда Митя ходил на процедуры, он познакомился с девушкой, которую звали Таня Гливенко. Школьница из Москвы, дочь известного профессора-литературоведа, она приехала в Крым с сестрой на каникулы. Невысокого роста, довольно полная, с темными пышными волосами и очень миловидным личиком, Таня была веселой, очень общительной и пользовалась большим успехом в молодежной компании. С Митей они были ровесниками. Обоим вскоре должно было исполниться семнадцать. Как и другие молодые люди, Митя не остался равнодушным к обаянию Татьяны, а вскоре понял, что чувства его вызывают отклик. Юно-

Семья Шостаковичей

шеский «курортный роман», завязавшийся в романтической обстановке среди магнолий и кипарисов... Казалось бы, что может быть естественней? Тем не менее, старшую сестру Мити Марию это еще полудетское увлечение взволновало так, что она даже написала о нем матери: «Митя вырос, загорел, весел и влюблен ... Девушка странная, кокетка, мне не нравится, но ведь на сестер так трудно угодить ...» Интересно, что Софья Васильевна тоже встревожилась и написала сыну большое письмо, в котором предо-

С Таней Гливенко

стерегала от поспешных решений и трудностей семейной жизни, которые могут погубить его талант. Мыслей о браке у Мити пока не было. Молодые люди просто наслаждались обществом друг друга и чудесной крымской природой. Правда, не обходилось без проблем. Жизнь в Крыму стоила дорого. Инфляция была чудовищная, деньги обесценивались на глазах. В одном из писем домой Мария сообщала: «Сегодня Митя играет в Алупке, получит миллиард». Но и заработанных миллиардов едва хватило на обратную дорогу.

Возвращение в Петроград к повседневным обязанностям и заботам не отрезвило влюбленного юношу. Он постоянно помнил о Тане, тосковал по ней. Неудивительно, что свое первое трио — для фортепиано, скрипки и виолончели, он посвятил именно ей.

В 1923 году Дмитрий закончил консерваторию по классу фортепиано. Завершение композиторского образования пришлось отложить — нужно было помогать семье. В те годы широкого распространения немого кино во всех кинотеатрах работал пианист. Каждый играл в меру своих способностей — кто импровизировал, кто брал подходящие к случаю пьесы из своего репертуара. Нельзя сказать, чтобы Дмитрию повезло на этом поприще. За два месяца работы тапером в кинотеатре «Светлая Лента» он с трудом получил зарплату лишь один раз, остальные деньги пришлось требовать че-

*Нина Варзар —
первая жена*

рез суд. Примерно то же повторилось и в других кинотеатрах.

Именно к этому времени относится начало его дружеских отношений с маршалом Тухачевским. Услышав о молодом талантливом композиторе, Тухачевский попросил общих знакомых привести к нему Шостаковича, когда тот будет в Москве. Человек разносторонних интересов,

Тухачевский считал музыку своим вторым призванием. Он не только прекрасно играл на скрипке, но даже сам изготовлял эти инструменты, стремясь постичь секреты Страдивари. В Шостаковиче он видел осуществление собственных несбывшихся музыкальных надежд. Восхищался его талантом и характером. Несколько раз маршал тактично

оказывал молодому музыканту материальную помощь.

Закончив факультет композиции в 1926 году, Шостакович поступил в аспирантуру. Он совершенствовался и в исполнительском мастерстве, даже получил почетный диплом на конкурсе пианистов в Варшаве. Однако его успехи как композитора были гораздо более значительны. Завершилась, наконец, работа над Первой симфонией. Ее исполнили сначала в Ленинградской филармонии, а весной 1927 года состоялась берлинская премьера. Затем ей рукоплескали аудитории в Северной и Южной Америке, а немного позднее она вошла даже в репертуар великого Артуро Тосканини.

Успех симфонии привлек к таланту Шостаковича всеобщее внимание. Он начал получать интересные и заманчивые предложения. Оперу «Нос» по повести Гоголя Шостакович написал всего за 2,5 месяца, но подготовка к ее постановке в Ленинградском малом оперном театре заняла почти полтора года. Певцы поначалу с предубеждением отнеслись к опере, где одну из главных партий приходилось петь с ... зажатым носом. Премьера состоялась 1 января 1930 года. Мнения о музыке разделились: одни ее резко критиковали, другие превозносили, как образец решения проблем современной оперы. Итог оказался не в пользу композитора. От огорчения у Дмитрия случился сердечный приступ. На следующий год опера ушла из репертуара.

За время подготовки этой постановки Шостакович создал новую симфонию, музыку к спектаклям «Клоп» и «Выстрел», работал над балетом «Золотой век». Премьера этого произведения состоялась осенью 1930 года. Одну из заметных партий в нем исполнила совсем юная Галина Уланова. Увы, это творение молодого композитора также не снискало одобрения критиков. Острота ее «резала» слух воспитанным на классике балетоманам. Театральная жизнь «Золотого века» оказалась недолгой. Также не имел успеха еще один балет Шостаковича — «Болт». Зато театральные и кинорежиссеры с удовольствием использовали музыку композитора, она очень нравилась зрителям.

Постепенно семья Шостаковича выходила из многолетней нужды. За музыку к фильмам Дмитрий получал посеансовую оплату, что при успехе картины составляло значительные суммы. Подспорьем являлись отчисления от спектаклей и концертов. Денег теперь не хватало не потому, что он их не зарабатывал, а потому, что не умел и не хотел беречь. Дом Шостаковича был открыт всем музыкантам, нуждавшимся в помощи, а Дмитрий с матерью и сестрами по-прежнему обходились немногим, сохраняя неприхотливость в быту. Ничто не изменилось в обстановке их квартиры — стояли те же никелированные кровати, диван с продавленными пружинами и старый буфет. Только рояль появился новый, за

гонорар от фильма «Новый Вавилон» купили чудесный «Блютнер» с мягким матовым звуком. С этим инструментом Шостакович не расстался всю жизнь.

Ну а что же личная жизнь Дмитрия, ведь ему, как-никак, уже исполнилось двадцать пять? Его отношения с Татьяной Гливенко были на редкость сложными, даже мучительными. В 1925 году, когда им исполнилось по девятнадцать, они вместе отдыхали в Анапе, а дальше ... дальше они встречались лишь периодически, во время наездов Дмитрия в Москву, а Тани — в Ленинград. Главным препятствием к их воссоединению была, несомненно, нерешительность Шостаковича, который опасался, что семейная жизнь может помешать его творчеству. Эти сомнения поддерживала его мать. Для Софьи Васильевны Митя был смыс-

лом жизни, кумиром, которому она поклонялась и служила. Она всегда опекала и баловала сына, не зная меры. Именно благодаря этому композитор до конца жизни сохранил непрактичность в повседневной жизни. Неопределенные, мучительные отношения с Татьяной тянулись в течение нескольких лет, пока, наконец, не выдержав, она не вышла замуж за другого. Но и после этого оставались редкие встречи в Москве, всегда волновавшие обоих. Лишь после того, как у Татьяны родился сын, эти свидания прекратились.

Между тем параллельно с этими отношениями у Дмитрия начал развиваться роман с другой женщиной. Он познакомился с Ниной Варзар еще летом 1927 года. Веселая обаятельная блондинка произвела на молодого музыканта большое впечатление. Она училась в университете

*Мargarita
Кайонова —
вторая жена*

на физико-математическом факультете, но несхожесть профессий не мешала их дружбе и зарождавшейся любви. Казалось, все шло к счастливому финалу. Но Шостакович вновь не находил в себе сил для решитель-

ного шага. То он возвращался мыслями к Татьяне и даже вызывал ее, несмотря на замужество, в Ленинград, то вновь решал, что только брак с Ниной может внести в его жизнь стабильность, столь необхо-

димую для творчества. Свадьба то назначалась, то откладывалась, пока, наконец, 13 мая 1932 года, никому ничего не говоря, Дмитрий с Ниной, уехав в Детское Село в сопровождении лишь близкого друга Шостаковича, без всяких торжеств зарегистрировали свой брак.

Нина Васильевна приложила немало сил для того, чтобы создать своему мужу обстановку, необходимую для плодотворной работы. Тем не менее, в первые годы совместной жизни отношения в семье отнюдь нельзя было назвать безоблачными. В 1934 году Шостакович пережил сильное увлечение. Настолько сильное, что даже встал вопрос о разводе. Впрочем, роман с юной переводчицей Еленой Константиновской продолжался не так уж долго. Возможно, в семейных неурядицах того периода сыграло роль и отсутствие детей. Нине врачи запретили иметь их (у нее были больные почки), а Шостакович мечтал о детях, и брак без них считал неполноценным. В конце концов, Нина решила нарушить строжайший запрет медиков — в мае 1936 года у нее родилась дочь Галина, а еще через два года сын Максим.

Еще в 1932 году Шостакович закончил свою оперу «Леди Макбет Мценского уезда», которую посвятил Нине. Произведение очень долго готовили к постановке. 26 января оперу показали в Москве в Большом театре. На спектакле присутствовал сам Сталин. Опера вождю реши-

тельно не понравилась. Раздраженно буркнув: «Сумбур!» — он покинул правительственную ложу, не дождавшись окончания спектакля. Ночью — это было обычным временем работы Сталина — последовал его телефонный звонок в редакцию газеты «Правда». Мнение вождя тотчас же облекли в форму редакционных статей, в которых произведение Шостаковича подвергалось уничижительной критике. Композитор узнал о статьях, находясь в концертной поездке в Архангельске. Утром он, по обыкновению, купил газету в киоске, развернул, прочитал, пошатнулся и услышал язвительное замечание: «С утра набрался!»

Кампания шельмования Шостаковича, которая затем началась, отняла у Дмитрия Дмитриевича немало сил и нервов. Тем не менее, не в обычаях Шостаковича было сгибаться под ударами судьбы. В конце 1937 года он написал свою Пятую симфонию, которую критика признала истинным шедевром мировой музыки. После ее исполнения в Ленинграде на банкете в гостинице «Европейская» А.Н. Толстой провозгласил: «За того из нас, кого уже сегодня можно назвать гением!»

Одновременно Шостакович продолжал работу и в других жанрах. Особенно был значителен его вклад в кино. По количеству саундтреков к фильмам он уступал лишь Исааку Дунаевскому. Только для одной картины из трилогии о Максиме он написал больше тридцати музыкаль-

ных номеров. Интересна судьба песни из фильма «Встречный» — «Нас утро встречает прохладой». Мелодия этой песни прозвучала в качестве гимна Организации Объединенных Наций после ее учреждения в 1945 году.

Дмитрий Дмитриевич с детства обожал футбол, хотя сам спортом не занимался. Был страстным болельщиком ленинградских команд, сначала «Динамо», потом — «Зенита». Не пропускал ни одного сколько-нибудь интересного матча. Являлся на игру в любую погоду. Результаты матчей аккуратно заносил в «гроссбух», который вел всю жизнь. На стадионе болел отчаянно, хотя держал себя в рамках, не кричал, не свистел. Был знаком со многими футболистами и трогательно гордился этим. Однажды даже пригласил к себе на обед команду «Динамо» в полном составе.

Футбол, спортивные страсти были для него прекрасным отдыхом, необходимым отвлечением, так же, как езда на автомобиле. Едва только позволило материальное положение, Шостакович приобрел машину «М-1». Вскоре композиторскую «эмку» стали узнавать в Ленинграде по тихому ходу вдоль тротуаров. Но рассеянность иногда все-таки подводила. Однажды Дмитрий Дмитриевич проделал довольно далекий путь с включенным ручным тормозом, пока, въехав во двор, не услышал голоса мальчишек: *«Эй, очкарик, у тебя горит!»*

Государственная премия, полученная Шостаковичем в 1941 году, была первой из присужденных ему. Всю ее денежную часть он раздал нуждающимся.

После начала войны Шостакович два раза подавал заявления об отправке добровольцем на фронт. Получив отказ, пытался вступить в ряды народного ополчения. Снова отказ. Тогда он записался в пожарную дружину местной противовоздушной обороны. Правда, ни одной зажигательной бомбы Дмитрию Дмитриевичу потушить не удалось, хотя, заслышав звук сирены, он тут же бежал на крышу или на другой опасный участок.

Разумеется, ни на минуту Шостакович не забывал, что он композитор. Он писал песни. Именно они нужны были больше всего для фронтовых музыкальных бригад. Постепенно осознавалась необходимость создания крупного музыкального произведения, посвященного происходящим событиям, и в августовские дни начала складываться первая часть Седьмой симфонии. Шостаковичу неоднократно предлагали уехать, но он отказывался, пока в конце сентября не последовал звонок из Смольного с категорическим распоряжением об эвакуации. Самолетом композитора с семьей доставили в Москву. Затем поездом они долго добирались до Куйбышева. Не без приключений — в дороге их обокрали. Первое время их небольшая квартира была почти пустой, но постепенно жизнь нала-

живалась. Композитор напряженно работал — заканчивал симфонию. Финал был дописан в конце декабря 1941 года. Ну а премьера Седьмой симфонии состоялась 5 марта 1942 года в Москве. В это же время было принято решение исполнить это произведение в блокадном Ленинграде. Из оркестра Радиокомитета, единственного в городе, в живых оставалось лишь пятнадцать человек. Дирижер Карл Элиасберг лежал в стационаре гостиницы «Астория» с тяжелой формой дистрофии. По распоряжению Политуправления Ленинградского фронта из частей действующей армии в Ленинград откомандировали сражавшихся там му-

зыкантов. В воскресенье 9 августа 1942 года состоялась незабываемая премьера. Дата эта была выбрана не случайно — именно на этот день немецкое командование назначило победный марш своих войск на Дворцовой площади. Их планы были сорваны — в этот день над городом звучала бессмертная музыка Шостаковича. Ее слушали ленинградцы, собравшиеся в зале филармонии, у радиоточек в своих квартирах, у репродукторов на улице.

Симфония была исполнена и в США, куда ее партитура была доставлена на военном самолете. А вскоре, в день своего тридцатишестилетия, композитор получил поздравления

Дмитрий Шостакович с Ириной Сухинской — третьей, последней женой

от многих видных деятелей культуры, в том числе и от Чарли Чаплина.

Наконец война окончилась, наступил мир. Но, если поначалу у Шостаковича и были какие-то надежды на то, что идеологический контроль над искусством в стране немного ослабнет, вскоре они рассеялись как дым. В феврале 1948 года было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б), в котором учинялась расправа над всеми крупнейшими композиторами, и, в первую очередь, над Шостаковичем. Его обвиняли в «антинародных формалистических извращениях», началась травля в прессе, выливавшаяся на него ушаты грязи. С концерт-

ных афиш исчезли его симфонии. Он был уволен из консерватории, в которой преподавал еще с тридцатых годов. Отмолчаться, как поступил композитор в 1936 году, теперь было невозможно, да и небезопасно. Требовалось покаяние. Великому композитору пришлось публично «посыпать голову пеплом», признаваясь, что он зачастую «говорил языком, непонятным народу». Пытаясь реабилитировать себя, Шостакович написал музыку к нескольким фильмам, в том числе и просталинской картине «Падение Берлина».

Конец травле положил сам Сталин. В начале 1949 года он позвонил

Шостаковичу домой. «Хозяин» намеревался послать музыканта в США для участия в Конгрессе сторонников мира. Набравшись смелости, Шостакович заявил, что окажется в Америке в сложном положении, ведь на Родине его произведения запрещены к исполнению. В трубке воцарилось молчание. Затем раздался вкрадчивый голос вождя: «Как запрещены? Кем запрещены?»

«Главреперткомом», — ответил Дмитрий Дмитриевич.

«Хорошо, я разберусь», — был ответ. Результат последовал незамедлительно. Руководителя Главреперткома наказали, а произведения Шостаковича и некоторых других композиторов вновь зазвучали в залах страны.

Дмитрий Дмитриевич не считал себя смелым человеком, но, пытаясь помочь попавшим в беду людям, проявлял подлинное мужество. В конце 1950 года по чьему-то навету был арестован композитор Александр

*Ирина
Сухинская —
хранитель фонда
Д. Шостаковича*

Веприк. Шостакович написал Л. Берии, попросив принять его по этому делу. В канцелярии всесильного министра госбезопасности композитора попросили позвонить через месяц. Он позвонил. Ему вновь повторили то же самое. И он аккуратнейшим образом раз в месяц звонил в канцелярию Берии в течение трех лет, пока в конце 1953 года Веприка не освободили.

В декабре 1954 года Шостаковича постиг тяжелый удар. Внезапно скончалась Нина Васильевна, и композитор ощутил неведомое ему прежде гнетущее чувство одиночества. От него не спасала даже работа. Выросший в атмосфере семейной жизни с любящими друг друга родителями, в традициях прочных привязанностей, Дмитрий Дмитриевич не представлял себе холостого существования. Дом нуждался в хозяйке, а Шостакович — в близком человеке, на которого мог бы опереться. Летом 1956 года композитору предложили возглавить жюри музыкального конкурса на Международном фестивале молодежи. Фестивальные дела свели его с комсомольским работником Маргаритой Андреевной Кайновой, и вскоре они поженились. Увы, брак этот не был удачным. Кайнова была слишком решительна и прямолинейна. Ей хотелось навести порядок в этой бескорыстной и безалаберной семье, где всегда не хватало денег, где мало приобретали и много раздавали, а отец относился к детям с непонятной ей снисходи-

тельностью. Брак продолжался всего три года. С Кайновой Шостакович объяснился письменно. Оформил развод, определил ей ежемесячную материальную помощь, позаботился о квартире.

И все-таки великому музыканту удалось обрести семейное счастье, в 1962 году он женился на Ирине Антоновне Сухинской, литературном редакторе издательства «Советский композитор». Своему другу, композитору Шебалину он писал: *«В моей жизни произошло событие чрезвычайной важности... Мою жену зовут Ирина Антоновна. У нее имеется лишь один большой недостаток: ей двадцать семь лет. В остальном она очень хорошая, умная, веселая, простая, симпатичная».*

Шостакович по-прежнему много работал, но здоровье все чаще подводило его. В январе 1965 года он перенес инфаркт, и лишь благодаря заботе Ирины Антоновны все еще сохранял удивлявшую всех работоспособность. Был написан великолепный Второй виолончельный концерт, куда композитор, со свойственным ему юмором, включил любимую мелодию «Купите булочки», продолжалась работа в кино. В 1965 году ему первому среди музыкантов была присвоена Ленинская премия.

Однако здоровье Дмитрия Дмитриевича все больше ухудшалось. В 1972 году у него обнаружили злокачественную опухоль в левом легком, почти рядом с аортой. Она, увы, была неоперабельной. После-

дующие несколько лет Шостакович проводил в основном в санаториях и больницах. И все же, преодолевая мучительные боли, он смог закончить свое последнее сочинение — Сонату для альта и фортепиано, опус 147.

В начале августа 1975 года Дмитрий Дмитриевич вновь лег в больницу. У врачей уже не было никакой надежды. А он корректировал последние листы своей Альтовой сонаты. 8 августа Шостакович попросил жену придти на следующий день пораньше: должен был состояться интересный футбольный матч, и он

хотел послушать репортаж... Но, придя в больницу, Ирина Антоновна уже не застала его в живых.

После прощания с композитором в Большом зале Московской консерватории зазвучала Седьмая Ленинградская симфония, а на улице военный оркестр сопровождал траурную процессию музыкой из фильма «Овод». Из Карелии привезли мрамор для памятника на Новодевичьем кладбище, вычеканили скромную надпись без титулов и званий. У подножья положили неяркие полевые цветы, какие только и признавал Дмитрий Дмитриевич. □

СВОЯ

скрипка

— Мама, я хочу скрипку!

— Опять за свое, — только и охнула мать.

Через год он снова сказал:

— Мама, я хочу играть на скрипке!

— Может, все-таки отдать его в музыкальную школу? — Вопрос завис в воздухе.

— Сама виновата, водила по всяким филармониям, — буркнул из-за газеты отец.

Дорога в музыкальную школу запомнилась как изобилие красок, солнца и грез, они переливались, смешивались в одну невыразимую палитру счастья. Мудрая старая листва в парке в ожидании листопада приветливо перешептывалась: «Он идет! Он идет играть на скрипке!»

Приземистое сероватое здание школы казалось заманчивым просторным дворцом с гулками, пронизанными звуками коридорами. Пока мать говорила о чем-то с невозможно усатым, плотным, запряженным в портупею директором, он всей грудью, всем своим существом втягивал специфический запах недавно побеленного помещения, в который вплетался терпкий аромат лакового покрытия на инструментах.

Внезапно из-за серо-зеленой двери баян закружил «Полонез», ему вторила тяжелая поступь трубы, где-то лениво пробовал свои возможности рояль, и в неразбериху и блаженство звуков ворвалась чарующая скрипка, она заглушила все, взорвала пространство, и он, заколдованный, медленно побрел навстречу своей мечте. Музыка зазвучала громче и отчетливей. Заглянув в щель неплотно прикрытой двери, он увидел крохотную девочку с белым огромным бантом на голове и колышущимся в такт мелодии алым галстуком. Она уверенно прижимала скрипку подбородком и плавно водила смычком. Комната имела три окна, и солнце, казалось, врывалось со всех сторон, стремясь просветить насквозь девочку со скрипкой. Выводя звуки, девочка являлась нереальной из-за яркого светлого простора и танцующих солнечных лучей, она походила на ангела, именно ангела с алым галстуком, белым бантом и скрипкой...

Томительно и неуклюже текли день за днем, и каждый из них стал утомительной нервной борьбой человека и инструмента. Он помнил, как впервые взял скрипку в руки, разместил между плечом и подбородком и шепнул:

— Привет! Будем дружить?

«Ви-и-иы», — ответила скрипка, когда он осторожно коснулся смычком струн. Но позже она заупрямилась и стала выплевывать скрежещущие, рвущие перепонки звуки. Он не мог совладать с ней, пот змейкой скользнул по спине и обильной росой выступал на лбу. Что же это такое? А он-то считал, что, как только начнет играть, скрипка сразу же зазвучит сама, выражая его чувства, мечты и надежды.

— Прекрати, терпеть не могу твоего пиликанья! — сказал отец и ушел, это было его последнее обращение к сыну, потому что домой он не вернулся.

Они возненавидели друг друга, равнодушные скрипки, ее несговорчивость выводили мальчика из себя. Ночами он вздрагивал от утомительного, нескончаемого сна: снилось, будто он — скрипка, не совсем, конечно, скрипка, а просто неподвижный, нелепый инструмент, по которому вместо смычка водят двуручной пилой, с одной стороны за рукоятку тянет огромная скрипка с завитыми в усы струнами, с другой — тянет отец, восклицавший: «Прекратить! В расход! Прекратить! В расход!»

Страх заставлял кричать и выбрасывать из сна.

А сейчас он сидел за длинным, обшарпанным столом, на другом конце которого лежали скрипка и смычок. Больно и горько сжималось сердце, и от тоски он смотрел в окно, где по мутно-дождливой Фонтанке уплывали в безбрежность кораблики из желтой листвы. Коридоры оказались пустыми, узкими и темными, в них не было никакой сказочности, лишь надрывно бухала труба, и маршировал баян, рояль же повизгивал, словно дернутый

за усы щенков. В соседней комнате, как и месяц назад, мать разговаривала с толстоватым директором. Он не слышал, но знал, о чем они говорили.

— У вашего сына абсолютно нет слуха, — скажет директор.

А мама? Мама заплачет, она теперь часто плачет, и ничего не скажет. Подсознательно он чувствовал какую-то связь с исчезновением отца и отсутствием слуха у себя.

— Предательница! — прошипел мальчик, скосившись в сторону невозмутимой коричнево-глянцевого скрипки. — Если бы не ты, если бы ты не упрявилась, папа бы от нас не уехал.

И тут он внезапно понял, почему у него ничего не получилось. Просто это была НЕ ЕГО СКРИПКА! У каждого должна быть своя скрипка, и только тогда она будет играть, как у той пионерки с бантиком. Просто ему дали НЕ ТУ СКРИПКУ! Жестокость обмана потрясла детскую душу, он еще долго сидел, разглядывая, как река медленно покрывается корочкой льда, — его коньки давно уже запылились на комод.

И только когда вдруг, сразу, началось лето, мысли отогрелись, и он решил искать. Где-то есть ЕГО СКРИПКА, она лежит и ждет, ждет гармонии воссоединения со своим хозяином.

И он искал. Месяцы, годы... Первой попала на глаза скрипка двоюродного дяди. Ох, как загорелись глазенки! Как безжалостно и торопливо он схватил инструмент за гриф, но, пройдясь по струнам смычком и услышав знакомые хрипы, понял — эта скрипка тоже НЕ ЕГО. Жалко, что встречалось так мало скрипок, а ему необходимо было найти именно свою. ЕГО СКРИПКА заиграет сразу, выплеснет какую-нибудь затейливую и изящную мелодию, и тогда... тогда вернется отец, и мама станет чаще бывать дома.

В нетерпении он перебирал все, что хоть отдаленно напоминало струны. Так пальцы постепенно привели к гитаре.

Но гитару взрослые слушать не хотели, и он уединялся с подростками-одногодками во дворе и дергал струны, изредка удивляясь своему голосу, потому что помнил про «абсолютное отсутствие слуха». Вскоре маленькие концерты в связи с холодами начали кочевать по разнообразным, но одинаково темным и компанейским подворотням и слюняво-пьяным кабакам-забегаловкам. Гитара, гитары! Сколько он передержал их в руках! Сколько натер мозолей на пальцах о жесткие струны!

Его били часто и жестоко, и он научился драться; на глазах ломали гриф об колено, но теперь всегда находился друг в потертой кепочке, небрежно цыркающий сквозь зубы, который приносил новую гитару и говорил:

— Играй, братишка. А те скоты все равно свое получают.

Появились «сопли» — постоянно сопровождающие, копирующие малолетки. Появились девчонки, заморожено наблюдавшие за размашистым

движением пальцев по струнам, а потом покорно подставлявшие обветренные губы.

Но скрипка! Она оставалась такой же недосыгаемой. Со временем мечта затуманилась, а от возникших ясностей и понятий стала еще неопределенней, это давило, сжимало, пригибало. И потом внезапно вспыхнуло ярким осознанием необходимости любви. Не той, мимолетной, в изобилии подаренной случайными подругами, а именно чистой, гармоничной и ЕГО, ЕГО любви. Ушедшая в детство мечта вернулась горьким признанием, что он никогда не будет играть на скрипке — никогда! Но его девушка должна владеть изысканным инструментом. И часто возникали видения: стройная, аккуратно причесанная, в темном неброском платье, Она стоит у окна и играет, играет...

Как не соответствовал этот образ крикливо одетым, болтающим о шмотках подругам! Где ты, девочка с огромным белоснежным бантом и алым галстуком? Где ты, девочка, окутанная солнцем?

И он встретил ее, случайно, в парке, на гоп-стоп. Те же пухленькие губы, прямой носик, та же ложбинка на остром подбородке и большие темные глаза, над которыми вздрогнули от страха ровные черные брови. Давно был потерян памятный бант, и алый галстук сменился комсомольским значком, но — скрипка! Сжимаемая тонкой, подрагивающей рукой скрипка в футляре!.. А он уже не тот сопливый пацан, учившийся глотать дым противных папирос и развязно цыркать сквозь зубы, одного его слова достаточно, чтобы трое парней с «перышком-выкидухой» в кармане послушались.

— Посторонись, кореша! Пускай топают!

И взгляд, брошенный на долю секунды: в нем была не благодарность — нет! В нем затаилось презрение, прогнавшее напускную браваду. Она ушла, покорно прижимая к груди драгоценный футляр.

— А зря... Место менять надо. Сейчас «мусора» подвалют.

— Думаешь, заложит?

— А то... Чекистка она, батя ейный — энкавэдешник. А ты не знал?

— Мой отец тоже красным командиром был в гражданскую...

— Ты и сам командир, да еще и с гитарой. Тикаем?

Рыжий с Лиговки оказался прав и даже дал нужный адрес.

Одетые в бронзу, тоскующие по старому режиму дома, хватающие трещинами плющ, уютные старички на скамейке за шахматами — и музыка! музыка! Оттуда, со второго этажа, упрятанная за чугунные перила балкона, за паутину оконной занавески, она все-таки вырывалась из-под струн! Касалась тонких бледных пальцев, уходила эхом в высокие потолки и, отражаясь пространством и облаками, попадала прямо во двор, по назначению, за высокий разлапистый клен, помнящий кровавый январский бег и разухаб-гулянье прибывшего на выставку Коровьева. Там, за кленом, чув-

кие уши под вышарканной кепкой с чужой головы ловили каждую ноту, каждое дрожание смычка уже вторую неделю.

— Опять завела свою шарманку, — лениво проговорил уютный старичок, передвигая ферзя.

— Учится девка, пусть учится, — слабо сопротивлялся голос партнера.

— Каждый день ведь пиликает.

— Ну и что?

— А зачем?

— Учится, руку набивает.

— Скажешь тоже. — Старик в задумчивости сунул ферзя на край чужого поля. — Это шашкой махать — надо твердь в руке чувствовать. Заглушает она, ясно?

— Чего ей заглушать? — недоверчиво переспросил собеседник.

— Разговоры ихние бухаринские, да худое про союзников, чтобы народ не услышал.

— Удумал! — уже не так смело возразил второй старичок.

— А то! Зашел как-то... соли попросить — а на столе книжка раскрытая. — Дед вдруг перешел на шепот: — Есенин, видал?! А на днях газетку выкинули, а там речь Самого карандашом кое-где подчеркнута. А ты говоришь — учится! Заговор это.

Музыка оборвалась так внезапно, что подозрительный старичок вздрогнул. Занавеска всколыхнулась и пропала, скрипнула дверка, и Она возникла на балконе, высматривая что-то или кого-то во дворе. Когда их глаза встретились, он понял, что нашла. Ругая себя за неосторожность, заставившую покинуть разлапистый клен, юноша спешно ретировался, а вдогонку ему были посланы улыбка и Чайковский со струн.

На следующий день он вернулся, зная, что играют именно для него. Два обожаемых создания — ЕГО скрипка и ЕГО девушка — слепились в общий восторг, принуждающий забыть веселых дружков и вечно усталую мать.

— Гляди, ухажер-то опять здесь, — толкнул соседа вечно проигрывающий старичок.

— Связой это. Она ему пиликаньем сигналы передает, — проворчал подозрительный дед. — Погоди, недолго им осталось.

А он уже знал номер ее телефона, по которому никто не отвечает.

Как же грустно и неуютно, когда соберешься с духом, нарвешь цветов с городской клумбы и на одном дыхании прибежишь в ставший близким старенький дворик, ожидая наслаждения музыкой и собственной смелостью, а в ответ получаешь оглушающую тишину и ждешь, ждешь, когда же смычок позовет солнце. И утомительность, и неизвестность ожидания постепенно наполняются зловещей тревогой, длящейся бесконечно долго.

Вот же она! — Мелькнул знакомый силуэт за окном, она вышла на балкон, спешно выстрелила потускневшим взглядом во двор и скрылась. — Ну, почему же не играет?!

Любое терпение имеет пределы, и, достигнув такого предела, человек способен на все, даже на решительные скачки по ступенькам и на требовательный звонок в чужую квартиру. Она как будто ждала. Массивная дверь сразу же распахнулась, и в солнечном свете предстала в строгом темном платье, в туго стянутой прическе, с решительно сдвинутыми над переносицей гордыми бровями, с припухшими глазками, в руке — неразлучный футляр со скрипкой. Она шагнула за порог и, прерывисто дыша, приказала:

— Идем! — Отобрала увядающий букет и бросила его на пол лестничной площадки.

Неприветливый душный вечер, перенасыщенный тревогой и пылью, стелил перед ними тротуары. Красная полоска заката затянулась сгустившейся дымкой. Более часа брели по засыпающим улочкам города, вышли на Невский, где неизменный Александрий хмуро и недружелюбно наблюдал поверх Дворца за размеренным, черным, до бесконечности тоскливым движением Невы. Каким же ему еще быть, если воды текут мимо траурной Петропавловки?

— Уйдем отсюда, — прошептала она, и это были первые слова, произнесенные за время спонтанного мрачного свидания.

Как неосторожная кошка, из-за угла прошелестел грибной дождик. Он поволок свою спутницу к трамвайной остановке. Верная гитара почему-то стала лишней, неприятно постукивая по спине, она вдруг приобрела значение желтоватого неудобного горба. А футляр со скрипкой... Ох, этот непреклонный футляр, где хранились чудеса звуков, сжимаемый прохладной девичьей рукой! Почему ты постоянно возникал между ними, как только мальчишка пересиливал в себе робость и решался обнять и прошептать те слова, что звучат чепухой, но только не во сне? Нет, то не футляр и даже не скрипка. Их хозяйка не желала слов. Ее походка, целеустремленная фигура, решительное лицо — выражали неприкрытое желание отдаться на волю судьбы, но огромные жгучие глаза отталкивали пренебрежением, словно он, человек, мечтавший играть на скрипке, был чем-то естественным, постоянным, как старая мебель, и не заслуживающим внимания.

Город уснул. Еще слегка шелестели двери парадных, ворчливой гусеницей сворачивались за окнами мамы, только что звавшие домой всяких Маш, Коль и Свет, сиротливо поскрипывали брошенные качели, вяло зажигались и тухли глаза многоокого чудовища — Питера, позвякивал одинокий трамвай, словно крохотный колокольчик в лапе новогодней ели. Чрево парка, где он так недавно шалил с друзьями, вытрясая мелочь из карманов неза-

дачливых прохожих, принимало их, вернувшихся из пасти дракона, не съеденных в силу ненужности и бесприютности. Скоро — знакомый дворик с вечным кленом и подступающая досада перед прощанием. Ребята поднимут на смех, если узнают, что их «дружбан» часа три таскался с девчонкой, но не только не «обломал», а едва ли перекинулся парой слов. Они шли рядом, но пропасть между ними, бравшая начало в измученных, затравленных девичьих глазах, теряла свои берега за горизонтами. Пропасть ассоциировалась с музыкой, с вечной тоской Шопена и бешеным вальсом Чайковского. Что общего у гитары и скрипки? Что роднит полярную и белую ночи?

Скамейка. Простая, неказистая скамейка, над которой прохладная листва напевает свою неизменную журчащую мелодию. Скамейка, на которую они, не сговариваясь, присели. Бережно уложили инструменты: на одном краю — уставшая от болтанки гитара, на другом — строгая, образцовая скрипка в футляре. А между ними — два слегка продрогших силуэта. Парень накрывает плечи девушки потрепанной курткой, рискуя долго дрожать под промокшей ситцевой рубашкой. И эту дрожь никуда не деть, только выплеснуть, зажечь теплом поцелуя... Вот уже осмелевшая рука ложится поверх плеч, уже стыдливо отворачивается месяц, перевидавший на своем веку сотни тысяч поцелуев... Но плечи уходят вбок, оставляя в судорожно сжатых пальцах куртку.

— Не сейчас. Не надо. Ты прости. Все так... сложно. — Она стоит в полумраке, лицо ее бледнее месяца. — Хочешь, я сыграю тебе?

Тонкие руки музыкантши, не дожидаясь ответа, торопливо раскрывают футляр, нервно и трепетно хватают смычок. Остренький, с ложбинкой, подбородок, вздрогнув, элегантно касается подушки на корпусе. Боже, какое наслаждение созерцать грациозную, почти невидимую, словно несуществующую фигуру, прислушиваться к замирающему шороху листвы, отступающей перед Огинским! Музыка струится из-под пальцев, и каждый звук, вытекающий из темного ночного парка, неземным блищем перемигивается с месяцем и звездами. Но что это? Фальшь? Ошибка? Мелодия перепрыгивает в визгливую браваду, руки-крылья кромсают волшебство, затем — резкое, вызывающее, кричащий от боли протеста инструмент надсадно плачет, не в силах противостоять насилию над ним. Недоумевающий паренек хватается за гитару и подхватывает:

Мурка — ты мой муреночек.

Мурка — ты мой котеночек.

Мурка, Маруся Климова...

Но внезапно, словно опустошенный, останавливается. Зачем?! Это же мелодия не для скрипки!

Гитара больше не поет, брошена наземь. Безжалостно прерывается дуэт и молчанием скрипки, и режущей ухо тишиной, через которую прорывается стон:

— Дрянь! Только ты во всем виновата!

— Не надо! — Дрожь протыкает насквозь ледяными иголками. Он пытается хотя бы криком остановить ее.

Но взмах руки безжалостен, удар слишком силен — гляцевый бок скрипки врезается в шершавый ствол клена. «Брян-н-нг», — на прощание спели струны, и щепки метнулись во все стороны подобно встревоженным голубям.

— Зачем?! За что?!

Одна из щепок отскочила настолько далеко, что проткнула сердце, и даже слезы, брызнувшие из глаз, не залечат эту рану.

Девушка прижалась к нему и долго рыдала на его груди. Но пропасть уже переросла в пустыню. Ведь это была ЕГО СКРИПКА, он почувствовал это. Достаточно было тронуть струны, и музыка зазвучала бы сама. Это была ЕГО скрипка...

— Они посадили моего отца. Они... Сделай что-нибудь, ну! Что же ты? Топчите, вминайте! Пусто же! Противно... Не могу больше! Прости. Не провожай.

Одинокий силуэт в черном платье, только что превратившийся, было, в дьявола, опомнившись, выскользнул и бесшумно растворился в ночи. Возможно, навсегда.

Оставленный на скамейке раскрытый футляр зевом гроба ожидал мертвеца. Юноша опустил на колени и с усердием принялся разыскивать во тьме частички смертельно раненного инструмента...

...Воеет за окном, метет. Стучится в окно пулеметная дробь снежинок. Или опять обстрел? Холодно. Высохшие пальцы с узелками вен тщетно пытаются согреться о бесчувственный бок буржуйки. Слава богу, голод пока отступил, затаился. Но холодно! Старая, ошетилившаяся ветхостью шуба совсем не греет. Шуба, подаренная еще мужем... Шаль, купленная сыном... Огонь замирает, дремлет. Узловатые пальцы перебирают треугольники конвертов. «Мама, мы вчера рыли траншеи, я натер мозоли во всю ладонь. Но это ничего. Я просто представил, что лопата — это моя скрипка, она играет, делает свое дело. Винтовка тоже скрипка, мама. Она так же надежно упирается в плечо. Как ты там? Не волнуйся, вскоре мы разорвем кольцо вокруг города. И начнут возить продукты. Но все-таки почему-то страшно. Не представляю, как я буду стрелять. Может быть, тот, кого я убью, смог бы починить мою скрипку?..»

Треугольники летят в пасть буржуйки, и прожорливый рыжий язык слизывает их за мгновение.

Приезжай, сынок, как можно быстрее! Одиноко и холодно в пустой квартире. Никогда не думала, что она такая просторная. Еще бы: стулья сожрал огонь, старый сервант обменян на буханку, стол — твой письменный стол! — его хватило на четыре дня. Как страшно ночь бухает артиллерией зениток. И этот вой! Это не метель, это зов в убежище. Приезжай, сынок. Только ты... остался... и спасешь.

Трубочкой пепла свернулось «починить мою скрипку», ненасытный язык ждет. Женщина и огонь ждут твоего приезда, а пока должны кормить друг друга, чтобы жить. Непослушные, онемевшие руки раскрывают черный футляр, и слой пыли с его поверхности мечется в холоде пространства. Твои желтые от клея пальцы нерешительно мяли потухшую папиросу в тот жаркий, душный июнь. Не успели! Струны, где же струны?! Без них — как без лица, желтая, клеенная, с зазубринами недостающих щепочек, но целая! хрупкая скрипка вывалилась из женских рук. Почуяв пищу, язык буржуйки востепенулся. Сейчас он погаснет, и тогда — холод, холод, смерть...

Мы ждем тебя, сынок, ты поймешь... Где-то тут был топорик? Гудит, воеет за окном. Пасть печи хищно скалится, шипя: «Я люблю... Я люблю скрипки!» Язычок неуверенно шарит, пробуя на вкус полировку инструмента; впился, разгрыз, покрывая черной слюной гари. Тепло, тепло. Я жду, сынок!

Где этот трезвон? За окном? Нет, дверной звонок. Неужели почта? Скрипят под ногами пыльные половицы. Как тяжелы метры до прихожей! Как ломит суставы от каждого движения! Шуба, подобно медведю, навалилась на плечи. Огонь в одиночестве пьет клей.

Какая-то девушка. Почему она плачет? Слезы индевеют прямо на щеках. Сейчас холод по ним заберется в глаза — единственное, что можно рассмотреть на бледном лице, и тогда эти большие темные озера превратятся в сплошной лед. Мертвые, заледенелые глаза, как на фотоснимке. Это не девушка! Фотография! Та самая, что стояла на его письменном столе. Те же черточки бровей, ложбинка на восковом подбородке, губы что-то шепчут. Мохнатая варежка скользнула по тощей сумке с эмблемой «МИНСВЯЗЬ» и упала на порог. В руке протянутый кусочек бумаги.

Как тяжела шуба! Какой знакомый голос, его голос:

— Мама, не читай! Не мешай мне играть на скрипке! □

Отца Цоселиани

ПРОЛОГ

Где суждено родиться и расти —
туда душа до старости стремится.
Мы к матерям привязаны всю жизнь,
словно телята к колышку веревкой,
и все права, что в жизни нам даны,
зависят только от ее длины,
и как бы нас по свету не носило —
нам эту связь вовек не разорвать.
Душа болит, но не хватает воли...
Иное дело — Люций Цинциннат,
что в пятом веке жил до нашей эры,

ни громким званьем не кичась ничуть,
и не гордясь накопленным богатством...
Он — консул был. (Сегодня этот чин
принадлежит повсюду президентам.)
С мечом в руке он сокрушал врагов — так, чтоб никто не
возжелал вернуться;
от частых ссор удерживал Сенат,
чтоб меж собой никто не передрался,
судил народ, политиков мирил...
И вдруг — исчез. Покинул Рим вельможный.
Раздал долги и навсегда уехал
к родной земле, где он когда-то рос.
Но тут страна подверглась нападенью,
и стал всем нужен пламенный стратег.
Он — в это время находился в поле
и что-то сеял, стоя в борозде.
Гонец смутился, но сказал неловко:
«Ужель не мир важнее, а — морковка?
Иль больше нет работников в селе?..»
«Я этим долг свой отдаю земле», —
ему на то ответил полководец,
от борозды не отрывая взгляд.
«Прорвались к Риму эквы и сабины, —
сказал гонец, — а римляне — теснимы,
и без тебя врага не победят...»
Тогда ступни от глины Цинциннат
омыл водой, надел на плечи тогу,
сел на коня и за гонцом в дорогу
помчался в Рим — империю спасти.
Шестнадцать дней — как тамаде для пира —
понадобилось консулу, чтоб вновь
над центром Рима встало солнце мира
и воцарились праздник и любовь.
И он сказал: «Я выполнил свой долг
перед своей страной и народом.
Теперь в долгу я перед огородом —
во всем ведь должен чувствоваться толк».
И он ушел домой. Туда, где густо
всходили свекла, брюква и капуста...

...Я — не солдат. Вояка из меня —
по сути, никакой. Мой долг — огромен!
Кто ж дал мне право в кресле восседать,
а не пахать родительское поле?
Кто мне позволил позабыть свой сад,
не поливать деревья молодые,
не сеять кукурузу, и отдать
свой отчий дом ветрам на разоренье?
Земля моя! Я всем тебе обязан.
Я, — как телок, — навек к тебе привязан...

Если кто-нибудь скажет
«люблю» тебе —
ты не спеши
принимать это сладкое слово
в объятья души.
Ну за что нас любить — вместе
с тем, что мы слышим, чем дышим,
что творим каждый день,
в чем горим, как в огне,
и что пишем?..

Ну, за что нас любить —
никаких, незначительных,
невосхитительных,
прозябающих в жизнях
растительных?..

Для любви — надо
переродиться.
Надо много душою трудиться.
Ибо — не меньшее таинство,
чем священным помазанье
миром...

Если жаждешь любви —
то себя к встрече с нею готовь:
развивай ясновиденье, ум
и все прочие чувства,
чтоб освоить их все, как науки,
иль, может, искусства.
Тренируйся угадывать, верить,
жалеть, исцелять и прощать.
Будь достойным ее.
Соверши что-то очень великое!

Ведь, встречая любовь —
ты вторично рождаешься в мир,
создавая себя, как художник
ваяет скульптуру,
выпуская из мраморной глыбы
на свет существо,
что, как будто в темнице,
томилось столетия
в камне...

А без этого в жизни —
не будет любви никогда.

Я исходил весь мир. Не знаю даже,
где не был я, чего не повидал...
От шарканья подошв моих ботинок
на свете прохунилось сто дорог!
Моря, ручьи и вспененные реки —
я, словно лужи, вброд переходил.
Я на Памир всходил.

 Был на Тянь-Шане — глядел
на мир в клубящемся тумане
с вершин, где только горные козлы
в снегу тропинки вяжут, как узлы.

На ста дорогах я мог быть убитым,
но я не помню их — они забыты!
Одну лишь тропку память
бережет,
ее я ясно вижу пред собою —
ту, по которой я ходил с тобою...
Она и ныне жаром душу жжет.
Как след костра, что виден
среди поля,
так я ношу на сердце — оттиск
боли...

Тебя никто не назовет богиней,
не вскрикнет:
 «Боже, как ты хороша!»
Никто рукой не схватится
 за сердце,
от красоты твоей остолбенеет.
Никто, тебя увидев ненароком,
не позабудет обо всем
 на свете,
не задохнется, испытав восторг.
Ты мимо них пройдешь —
 и не заметят,
на твой привет и словом не ответят
и не отметят твой горящий взор.
Лишь я один, лишь я, тебя
 встречая,
впадаю в транс, в тебе души не чая,
другую видя сквозь лицо твое —
 ты так похожа чем-то на нее!..
Ты для других — бесцветна
и бесцветна,

ты для других — как воздух,
 незаметна,
мужчины смотрят взглядом
 сквозь тебя,
в упор не видя (где уж там — любя!).
Ты для других — одна
 из миллионов,
неотличима от таких же клонов,
и одному лишь мне ты вновь
 и вновь
напоминаешь ту, что и поныне
жжет мою душу, как песок
 в пустыне,
смущая ум и будоража кровь.
(О, сколько лет живет во мне
 любовь!..)

Для всех других — любить тебя —
 нелепо,
а для меня ты — как для поля —
 небо... □

Перевод с грузинского **Николая Переяслова**

Светлана Бестужева-Лада

А. М. КАЛЕДИН

Прошла вера в разум Дона...

В мае 1917-го года на Донском Войсковом круге казаки провозгласили его своим атаманом — первым, избранным с 1709 года. Это была огромная честь, но герой войны принял атаманскую булаву, словно тяжкий крест. История сохранила его слова:

«Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, может быть, с проклятиями...»

Ему действительно пришлось уйти. Добровольно. В небытие.

И вернуться героем лишь несколько лет назад. И то — символически.

Через год, 26 октября, исполнится 155 лет со дня рождения героя Первой мировой войны, генерала от кавалерии, легендарного донского атамана Алексея Максимовича Каледина.

Четыре года назад была найдена его могила, но до сих пор ведутся жаркие споры о том, ставить ему памятник или нет.

Хотя жизнь и судьба донского казака и русского офицера, «рыцаря без страха и упрека», вполне достойны, чтобы память о нем была увековечена...

Алексей Максимович окончил воронежскую Михайловскую военную гимназию, переименованную в Михайловский кадетский корпус, а затем 2-е военное Константиновское училище, и 1 сентября 1879 года был выпущен офицером в Конно-артиллерийскую батарею Забайкальского казачьего Войска.

Пройдя подготовку в Михайловском артиллерийском училище, он поступил в Николаевскую Академию Генштаба и окончил ее в чине штабс-капитана, с причислением к Генеральному штабу Русской Императорской армии.

В 1893 году во время поездки в Варшаву Каледин познакомился с Мари Гранжан, швейцарской гражданкой, прекрасно знавшей русский язык. Через полгода они обвенчались. Их единственный сын, имя которого не известно, утонул в одиннадцатилетнем возрасте.

В 1903–1906 годах он совмещал военную службу с подготовкой молодых кадров в Новочеркасском юнкерском училище.

Все это сформировало облик Алексея Максимовича как военачальника: мудрость полководца, казаческая храбрость, кавалерийская лихость, личное мужество. В отличие от остальных генералов, он не посылал войска сражаться, а лично вел их в бой. Эти качества ярко проявились во время Первой мировой войны, которую Каледин встретил на посту командира 12-й кавалерийской дивизии. За бои под Львовом он был награжден Георгиевским оружием, а в октябре 1914 года получил орден Святого Георгия 4-й степени.

И везде, где войска воевали под руководством А.М. Каледина (февраль 1915 — Бендеры, март 1915 — позиции 9-й армии), противник не мог рассчитывать на успех, а сама дивизи-

зия А.М. Каледина получила прозвище «пожарной команды 8-й армии».

Когда война на Восточном фронте приняла позиционный характер, долгое время прорвать оборону и провести глубокое наступление не удавалось ни одной из сторон, и чрезвычайно востребованными оказались такие генералы, как А.М. Каледин. Именно кавалеристы нашли ключ к позиционной войне: прорыв фронта на всю глубину с окружением частей вражеских армий.

Поэтому А.М. Каледина, как одного из лучших генералов-кавалеристов, поставили во главе 8-й армии накануне Брусиловского прорыва. На эту армию была возложена задача нанесения главного удара — на Луцк.

За 9 дней наступления 8-я армия продвинулась на 70 верст, наголову разбив 4-ю австро-венгерскую армию. Наступление шло такими темпами, что эшелоны не успевали вывозить раненых и толпами сдававшихся в плен австрийцев.

В итоге Брусиловский прорыв сорвал планы пережившей ужасный разгром Австро-Венгрии на Итальянском фронте, а престиж России непомерно вырос в глазах союзников по Антанте. Русская Императорская армия вошла в историю как самая первая армия, которой удалось прорвать долговременную оборону противника, а Брусиловский прорыв стал фундаментом для теории фронтовой войны.

Но это была, к сожалению, последняя крупная победа России...

Удивительно, правда, что, повествуя о Брусиловском прорыве, почти все историки обходят молчанием фигуру генерала Каледина и его роль в этом прорыве. Этот прорыв вполне могли бы назвать Калединским. Именно его 8-я армия стала острием меча, пробившим броню австрийской обороны. За первые две недели боев «калединцы» наголову разгромили войска эрцгерцога Иосифа Фердинанда, захватив Луцк, Дубно и сорок пять тысяч пленных. Брешь во фронте, созданная армией Каледина, составляла почти 80 километров.

Прорыву под Луцком было суждено стать поворотной точкой Первой мировой, обеспечившей победу над Германией, которой России, увы, не суждено было воспользоваться. Наступил 1917 год.

Февральская революция, в отличие от подавляющего большинства соотечественников и сослуживцев, не вызвала у А.М. Каледина абсолютно никаких симпатий, как раз наоборот. За отказ проводить «демократизацию» в армии, Алексей Максимович был отстранен от командования армией весной 1917 года. Напомню: новации Керенского предполагали, что солдаты сами будут избирать себе командиров и сами решать, идти им в атаку или сидеть в окопах. До такой анархии даже Махно впоследствии не додумался.

С такой армией генералу Каледину было не по пути. Свою отставку он прокомментировал так:

«Вся моя служба дает мне право, чтобы со мной не обращались как с

затычкой различных дыр и положений, не осведомясь о моем взгляде».

Редкий офицер в то время мог высказаться столь прямо и честно.

Решение новой революционной власти, в общем, нужно признать оправданным: Алексей Максимович действительно не желал кланяться появившимся в войсках комитетам и, должно быть, прозорливо оценивал ситуацию в целом и перспективы ее развития.

С другой стороны, создается впечатление, что генерал Каледин

К тому времени, как А.М. Каледин уехал в Новочеркасск, где продолжил службу в Донском войсковом круге, казачество решило добиться для себя максимума независимости и провести выборы атамана войска Донского. Первой и едва ли не единственной кандидатурой была уже тогда харизматичная фигура Каледина.

Но первоначально Алексей Максимович так отреагировал на это предложение:

«Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет, — это

В

а отказ проводить «демократизацию» в армии, Каледин был отстранен от командования армией и уехал в Новочеркасск, где продолжил службу в Донском войсковом круге. Казачество решило провести выборы атамана войска Донского, и первой, едва ли не единственной кандидатурой была уже тогда харизматичная фигура Каледина

по масштабу личности был наиболее значительной фигурой на политической сцене тогдашней России, пожалуй, единственным, способным в качестве «диктатора» стать сильным и прозорливым правителем. В неразрывности судьбы атамана с избравшим его казачеством, слугой которого он будет себя считать до последнего дня жизни, уместно увидеть даже своего рода оковы, удержавшие выдающегося человека на роли, которая не вполне ему соответствовала.

будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может».

Но потом А.М. Каледин был все-таки вынужден согласиться принять на себя это бремя — просто потому, что других желающих нести его не нашлось, а Дон бурлил.

Только общее желание войскового круга, назвавшего имя прославленного генерала как единственное, на котором смогут объединиться донцы, заставит его вскоре изменить свое решение и принять должность,

ставшую для него тяжелым крестом и приведшую к роковому концу.

19 июня Круг вручил Каледину грамоту:

«По праву древней обыкновенности... избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом».

13 августа 1917 года А.М. Каледин неожиданно выразил благодарность Временному правительству, а на следующий день потребовал у него наведения порядка в армии (отстранить армию от политики, запре-

тить митинги, убрать всякие советы, оставив только ниже полковых и ограничить их только хозяйственными вопросами).

Получившая широкую известность «Декларация казачьих войск», оглашенная Калединым на московском Государственном совещании, фактически отражала позицию не только мыслящих государственно кругов казачества (уже не единойдушной), но и Главного командования, а также тех офицерских кругов, кто больше

не верил в честность и добрую волю Временного правительства.

Текст декларации, выработанный казачьими делегатами совещания, незадолго до оглашения обсуждался Калединым с прибывшими в Москву генералами и предварял разработку планов действий на случай крушения фронта и окончательного развала армии — планов, которые в значительной мере предвосхищали тактику Белого движения на его начальном этапе.

После этого обсуждения Каледин внес поправку в текст «декларации»: *«вместо требования ограничить компетенцию армейских комитетов областью лишь хозяйственных распоряжений (как было в первом тексте), новый текст этого пункта требовал полного упразднения армейских комитетов, соглашаясь лишь на сохранение полковых и ротных (сотенных) с функцией только хозяйственного свойства».*

Один из сотрудников Каледина, резонно обеспокоенный, что новая редакция вызовет всплеск ненависти «слева», спросил о причинах изменения, услышав в ответ: генерал *«только что вернулся от Л.Г. Корнилова, который прочитал ему проект своей речи на Государственном совещании, — в пункте о комитетах ген[ерал] Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной»;* Корнилов этим и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому из тактических соображений, чтобы подкрепить Верховного главноко-

мандующего, необходимы еще более радикальные требования, в свете которых требования ген[ерала] Корнилова покажутся умеренными и относительно приемлемыми».

Этот поступок говорит не только о самоотверженности Каледина — противостоять общему настроению толпы бывает трудно даже очень смелым людям, — но и о согласованности действий, при которой выступление Донского атамана становилось частью общей программы возрождения России.

Сама же декларация может считаться своего рода предшественницей «программы» Белого движения. Она звала на трудный жертвенный путь, проповедовала внепартийность армии, укрепление дисциплины, дополнение «прав солдата» — его обязанностями, единство государственной власти и недопустимость сепаратизма, необходимость нормализации тыловой жизни, уже начинавшей погружаться в разруху.

«Нужно делать великое дело спасения Родины!» — были завершающие слова речи Каледина.

Естественно, что правительство, состоящее из людей, желавших России только гибели и делавшее все для развала страны, на такое не пошло, а после Корниловского выступления даже предприняло попытку арестовать генерала за моральную поддержку Корнилова, но за своего атамана заступился Донской войсковой круг.

Не прислушавшись к голосу вождей армии и казачества, Временное правительство обессилило само се-

бя, а провокацией против генерала Корнилова — открыло дорогу большевицкому перевороту. Одним из первых решительно выступивший с заявлением о непризнании власти узурпаторов, атаман Каледин вскоре должен был прибегнуть к вооруженным мерам противодействия, причем установившиеся взгляды на его роль в организации сопротивления большевизму нуждаются в значительной корректировке.

25 октября большевики захватили власть в Петрограде. В этот день А.М. Каледин, кавалер орденов Святого Георгия IV-й и III-й степеней

Октябрьский переворот принес на Дон отголоски всероссийской смуты. Уже в конце ноября власть в Ростове и Таганроге захватили большевики. Каледин и тут долго не решался вступать с ними в бой.

«Я опасаюсь первым пролить кровь соотечественников», — писал он. Но выхода уже не оставалось.

Со всех концов бывшей империи в Новочеркасск бежали офицеры «на Дон, к Каледину», формируя Добровольческую армию. 31 декабря был создан Донской гражданский совет для руководства Белым движением на всей территории бывшей

С

о всех концов бывшей империи в Новочеркасск бежали офицеры «на Дон, к Каледину», формируя Добровольческую армию. При нем Дон стал центром притяжения всех антибольшевистских сил, и в декабре 1917 года здесь был создан Донской гражданский совет для руководства Белым движением на всей территории бывшей империи

и Георгиевского оружия, выступил перед казаками с осуждением мятежа и призвал взять в свои руки всю власть в пределах Донской области. Однако начинать борьбу с большевиками генерал пока не стал, и на это были веские причины: казачество негативно относилось к Временному правительству и всему, что с ним связано, и в то же время... сочувствовало большевикам, наивно полагая, что большевизм направлен только против «аристократов».

империи, который претендовал на роль всероссийского правительства. С ним вступили в контакт страны Антанты, прислав в Новочеркасск своих представителей.

Но казаки, прежде единая сила, уже разделились на белых и красных. Сойдясь в братоубийственной войне, станичники насмерть бились друг с другом за идеалы, которых сами не понимали до конца. Казачество уже не могло быть опорой зарождавшейся Добровольческой ар-

мии. Единственным отрядом в распоряжении А.М. Каледина был партизанский отряд из юнкеров и учащих в военных училищах казаков.

В обстановке роста революционных настроений среди уставшего от войны и ожидающего реформ казачества Каледин, по утверждению Деникина, *«едва ли не трезвее всех смотрел на состояние казачества и отдавал себе ясный отчет в его психологии. Письма его дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий»*.

Каледина принято представлять человеком кристально честным, но, по сути, пассивным, полным благородных побуждений, но фактически не проявившим себя, исключительно трагической фигурой, в которой трудно угадать волевого полководца. На самом же деле с первых дней активной конфронтации он выступает решительным военачальником — уже 2 декабря Ростов-на-Дону был очищен от противника, и атаман шел в первых рядах наступающих.

«Он один разоружил целый полк, — рассказывал о Каледине участник операции. — Так поступает тот, кто умеет повелевать. Он пришел — и его не посмели послушаться».

Проявлял генерал и стратегическое мышление, формулируя идею создания широкого фронта сопротивления, с привлечением Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского и Оренбургского казачьих войск, сил Кавказского фронта и войск украинской Центральной рады. Допускалась даже задержка в Херсонской или Екатеринославской гу-

бернии частей 3-й Донской дивизии, возвращавшихся домой с фронта (задержать их, впрочем, оказалось задачей невыполнимой).

Действительность вскоре доказала, что столь масштабный план в сложившихся условиях реализовать было нельзя — не удалось достичь даже единства казачества, и обещанные подкрепления с Кубани так и не прибыли на Дон.

— Необходимо нашим казакам показать, что Кубань с нами... Необходимо получить для Ростова хотя бы два только пластунских батальона, — говорил Каледин офицеру, командируемому в Екатеринодар. Увы...

Оценивая обстановку, атаман приказал приступить к формированию партизанских сотен, вкладывая в это понятие совсем другой смысл, чем принято считать: речь шла не о «самодеятельных» отрядах из необязанных службой лиц, а о скрытом выделении из состава действующих Донских частей наиболее надежного элемента:

«...По возможности сформировать в каждом полку по одной партизанской сотне в составе не более ста коней каждая. Сотни должны формироваться из охотников всего полка, должны быть снаряжены так, чтобы свободно могли отделяться от полков для выполнения боевых задач».

По сути дела, предполагался перенос на донскую почву методов «ударного движения» 1917 года, причем партизанские сотни, «по Каледину», в известной степени соответствовали «частям смерти». Но в основной своей массе казаки уже

«потеряли сердце», а некоторые начали склоняться к большевизму, образовав Донской ревком и развернув агитацию в полках за присоединение к нему.

Атаман Каледин сделал последнюю попытку открыть донцам глаза, пригласив в Новочеркасск на переговоры руководителей «революционного казачества» и перед представителями Дона гласно изобличив их в действиях по указке Совнаркома. Но и этот призыв к сопротивлению, к отстаиванию хотя бы своих рубежей и своей независимости и самобытности, не встречал уже отклика в казачьих душах.

Поражение отряда полковника Чернецова под станцией Глубокой 21 января 1918 года стало еще одним ударом, а решение Главкомандующего Добровольческой армией генерала Корнилова перебазироваться на Кубань (вопреки предложению Каледина, призывавшего собрать все силы к Новочеркасску и драться насмерть) — довершило трагедию атамана.

В начале 1918 года части большевиков уничтожили отряд Чернецова — единственную боевую единицу Каледина. Казаки массово прикалывали на папахи красные ленточки. Понимая, что падение Новочеркасска неминуемо, генерал Лавр Корнилов решил отвести Добровольческую армию на Кубань.

Собрав в опустевшем Атаманском дворце совет, Каледин констатировал: для защиты города осталось всего 147 человек, казаки не последовали за своим атаманом. В таких

условиях он не может далее руководить, а потому слагает с себя атаманские полномочия.

— Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно... Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия... Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

Слова о неминуемом крахе утонули в панической дискуссии.

— Господа, говорите короче! От болтовни погибла Россия! — пытался образумить генерал.

Но его не услышали.

Покинув заседание, генерал Каледин прошел в комнату отдыха, поцеловал подаренную ему много лет назад матерью иконку, достал из кобуры револьвер и выстрелил себе в сердце.

— Он мыслил и чувствовал как русский патриот; жил, работал и умер как донской атаман, — так оценил его поступок генерал Деникин. — В то время как Корнилов и Алексеев, ничем не связанные, могли идти на Кубань, Каледин, кровно связанный с казачеством и любивший Дон, мог идти только вместе с донским войском. Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, он ушел из жизни. Ждать исцеления Дона у него не было сил.

В своем предсмертном письме генералу Алексею Каледин объяснил свой уход из жизни *«отказом казачества следовать за своим атаманом»*.

Распространенное в 1918–1919 годах на Дону, и позднее — в эмиграции, толкование «калединского

*А.М. Каледин
с супругой*

выстрела» как «калединского сполоха», упрека и сигнала к восстанию, вряд ли полностью соответствует истине. До общедонского восстания оставалось еще более двух месяцев, а преемник Каледина на атаманском посту генерал А.М. Назаров испил ту же горькую чашу, был брошен

отказавшимися от борьбы казаками и убит по приказанию председателя донревкома Ф.Г. Подтелкова. В действительности причины самоубийства Каледина более глубоки — и более трагичны.

Алексей Максимович не мог не сложить с себя атаманства, коль

скоро Дон отказывался сражаться за свою свободу. Но формальная отставка ничего не значила в глазах наступающих красных, для которых Каледин при любых условиях оставался атаманом, и уйти с Добровольческой армией или остатками донских партизан ему тоже было нельзя, чтобы не навлечь этим новых репрессий на головы казачества. Это понимал Каледин, но не понимали многие из его приближенных, остававшиеся ему верными и подумывавшие о насильственном увозе генерала...

Недовольство Калединым нарастало и в самой Добровольческой армии. Русские общественные деятели, собравшиеся со всех концов в Новочеркасск, осуждали медлительность в деле спасения России. Это обвинение на одном собрании вызвало горячую отповедь Каледина:

«...Я лично отдаю Родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни... имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы рассчитывать на широкое народное движение?.. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голоса против большевиков... Войсковое правительство, ставя на карту Донское казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной».

28 января Каледин обратился к казакам с призывом, в котором признавал: *«Развал строевых частей достиг последнего предела...*

в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение».

В тот же день Каледин застрелился. Жить с этим он не мог.

Вдова генерала после его самоубийства осталась в Новочеркасске, где скончалась в августе 1919 года, предположительно от воспаления легких.

Спустя несколько дней в беззащитный Новочеркасск ворвались части Сиверса. Первым делом большевики разорили свежую могилу ненавистного атамана. Но, вскрыв гроб, красные опешили: тела генерала в нем не было.

Сподвижники Алексея Максимовича хорошо понимали, что ожидает его прах, как только большевики захватят город, поэтому они создали в разных местах пять ложных могил. Самого же генерала похоронили тайно, а землю над ним заровняли. Верные Каледину казаки надеялись, что скоро вернуться в Новочеркасск с победой и тогда перезахоронят своего атамана со всеми положенными почестями.

Не сложилось. Место захоронения генерала Каледина оставалось неизвестным более девяноста лет. Лишь в начале нынешнего века было обнаружено место настоящего захоронения первого с петровских времен избранного, а не назначенного сверху донского атамана, героя Первой мировой, кавалера множества орденов. Исходных данных было немного. От потомков немного-

численных свидетелей похорон генерала удалось узнать семейное предание: Каледин был упокоен близ старой церкви в цинковом гробу. Это стало серьезной зацепкой: в те времена в таких не хоронили. После долгих поисков в указанном месте близ церкви мощный металлодетектор, которым пользовались поисковики, подтвердил: под землей большой металлический объект. Это и был цинковый гроб с телом атамана.

Оставалось немного: вскрыть могилу и убедиться, что здесь лежит

неважно, в каком месте почитать память Каледина — здесь он упокоен или где-то еще. Похоже, что могила одного из самых талантливых русских полководцев, даже будучи найденной, так и останется безвестной.

Изданный в США на русском языке в 1968 году «Казачий словарь-справочник» характеризует Каледина как честного человека высокой культуры, большого русского патриота, который *«не мог сразу стать политическим светилом революционного времени, не мог найти отвечаю-*

С

образ в опустевшем Атаманском дворце совет, Каледин доложил, что казаки не захотели последовать за своим атаманом. Покинув заседание, он прошел в комнату отдыха, поцеловал подаренную ему много лет назад матерью иконку, достал из кобуры револьвер и выстрелил себе прямо в сердце...

генерал. Но против этого категорически выступили казаки.

— Принято решение, что могила не будет вскрыта ни в коем случае. Мы уверены, что там лежит именно он, тревожить его прах нет необходимости. Более того — казаки против обнародования места захоронения.

О том, где именно находится могила, не удалось узнать: казаки считают, что слишком многие ее хотели найти, причем неизвестно, с какими целями. С их точки зрения,

щие моменту идеалы и провозгласить лозунги, способные поднять усталый от пережитой войны народ на новую борьбу. Соблюдая по привычке преданность России, атаман готов был не щадить живота своего для спасения отечества».

«Атаман-печаль» — называли Каледина современники, памятуя о его непростой судьбе, поначалу полной славы и подвигов, но в конце обернувшейся драматическим финалом. □

ОДИНОКИЕ СНЫ

Когда я говорю молодым врачам, что слушал лекции академика Воячека, на меня смотрят, как на ископаемое. А я не только слышал голос Владимира Игнатьевича, но даже ощущал на себе прикосновение его рук, тонких, сухих и легких, как крылья бабочки.

На втором курсе, зимой, нас, курсантов, частенько выгоняли на мороз скалывать лед на тротуарах улицы Рузовской. В результате я простудился и с воспалением пазух носа угодил в академическую клинику отоларингологии, что и по сей день размещается в здании на улице Клиническая. Сначала меня обследовал личный врач Сталина профессор Засосов. Огромного роста генерал, за одну ночь поседевший в тюрьме во время знаменитого «дела врачей», гулким голосом спросил: «Ну, что, морячок, будем долбить пазухи? Что морщишься?»

А еще через день меня осматривал седенький старичок с ласковыми глазами и манерами земского доктора. Я и понятия не имел, что это знаменитый академик, сделавший в области болезней уха, горла и носа столько, что последующим поколениям специалистов осталось лишь усовершенствовать его идеи. «Давайте с операцией повременим, уважаемый коллега, — сказал он мне, девятнадцатилетнему мальчишке. — Сначала сделаем проколы, проведем консервативное лечение, а там посмотрим...»

В начале семьдесят первого года на улице Клинической можно еще было встретить старичка в поношенной шинели с погонями генерал-лейтенанта. Слегка пришаркивая мальчуковыми ботиночками, он медлен-

но направлялся к зданию клиники, доставал из кармана ключ и открывал дверь парадного входа. Уже много лет этим входом пользовался он один. Персонал клиники ходил через гардероб, так было удобнее.

В кабинете Владимира Игнатьевича стоял его бронзовый бюст и, когда академик усаживался за письменный стол напротив своего изваяния, сразу было видно, что бронзовое подобие значительно проигрывает подлиннику. У Воячека, после того как ему перевалило за девяносто, в лице появились черты, отмеченные тем духовным совершенством, которые можно было увидеть разве что у последних Оптинских старцев.

Как-то утром я шел по Клинической улице и увидел Воячека у подъезда клиники, он никак не мог открыть дверь. Я подошел и предложил помощь.

— Что-то ключ заедает... А может, сил уже нет, — сконфуженно глянул на меня старик.

Я нажал на старинную бронзовую ручку, легко повернул ключ — замок солидно щелкнул, и дверь отворилась.

— Спасибо, дружок. Как ловко у вас получилось. Вы слушатель факультета усовершенствования врачей?

— Так точно.

— И кто по специальности?

— Эпидемиолог.

— Как странно... — удивился Воячек. — Ведь я тоже чуть было не стал эпидемиологом. И этой ночью как раз думал об этом.

Когда тебе за девяносто, сны кажутся реальной жизни. В них странным образом сохраняется прошлое: лица, события, краски, звуки и даже запахи канувшей в Лету эпохи. Лет пять назад, кажется, в канун девяностолетия, он попросил молодого адъютанта отвести его в Мариинку. Нет, опера или балет ему уже были не по силам, — а просто постоять в фойе. Лучше бы он не ездил. Все здесь было так, как и прежде, десятилетия назад, когда знаменитый театр был его вторым домом, но изменился запах, словно просторное фойе, коридоры, замысловатые переходы обработали дезодорантом, а потом долго проветривали. Вместе с запахами театр покинули и тени прошлого. Все это, конечно же, была чепуха, старческая блажь. Но этой же ночью он увидел сон, настолько отчетливый, настолько ясный, что, проснувшись, долго лежал во тьме, ощущая на щеках слезы. Он видел свой дом неподалеку от театральной площади, отца, профессора Петербургской консерватории и капельмейстера Мариинского театра, — они стояли вдвоем у распахнутого окна, внизу, в сквере цвела, благоухала сирень, а за спиной, в глубине квартиры сестра София исполняла скерцо номер два Шопена. Во сне не было обычной зыбкости, когда видения уплывают, раздваиваются, смещается сюжет. Была, пожалуй, только одна несообразность: он выглядел старше отца. Отец, поправляя на груди накрахмаленную манишку, спросил:

«Ты в самом деле доволен жизнью?» «О да, я счастливый человек, отец», — ответил он. Отец с укоризной глянул на него: «Занятия музыкой забросил?» «В профессиональном смысле — да. Но играю... Скрипка, виолончель... Недавно вот сочинил «Вестибулярный вальс». «Какое странное название...»

Этот сон стал началом целого цикла сновидений, и Владимир Игнатьевич уже без страха ожидал ночь, загадывая, что же приснится ему на этот раз. Иногда это были развернутые картины — он называл их «полотна» и пробовал даже записывать, — иногда небольшие фрагменты. Как в минувшую субботу: Пасха, ветреный апрельский денек, голуби в ясном небе, перезвон колоколов, он, слушатель академии, и его учитель, профессор-биолог Холодковский, стоят на набережной Невы. Лед сошел, но изредка проплывают мимо рыхлые, изъеденные солнцем льдины. «Как поживает ваш батюшка?» — спрашивает профессор. «Здоров, слава богу. Намедни интересовался, над какой частью «Фауста» вы работаете...»

Иногда Владимир Игнатьевич думал: сны ли это или наполненные красками и звуками воспоминания? Мозг, привыкший работать с максимальной отдачей, отмирая, выплескивал напоследок потоки энергии, и они вспыхивали в сознании. Когда живешь почти век, уже ничему не удивляешься. Он помнил конку на Литейном, помнил выезд государя императора Александра Александровича... А вот уже Гагарин в космосе, и американцы на Луне. Майор, что помог ему сегодня утром открыть дверь, напомнил, что в его, профессора Воячека, жизни, в которой, казалось, все выверено до последней детали, все же определенную роль сыграл случай. Было это, правда, давно, страшно подумать, в прошлом веке.

29 декабря 1899 года военный министр Куропаткин вручил выпускникам Военно-медицинской академии врачебные дипломы. Прощай, академия! Увязший в снегу лазарет 199-го сибирского пехотного полка, лай собак по ночам, сиплый звук трубы, треск барабанов на утрамбованном плацу, серые тени солдат, ядреный запах казармы и нескончаемый ручеек больных на приемах.

Офицеры считали его, доктора Воячека, «военной косточкой» — строен, красив, подтянут, на коне сидит не хуже полкового командира, хоть сейчас назначай ротным — не оскандалится на маневрах. А то, что Владимир Игнатьевич водки не пьет, так это даже оригинально, другие младшие врачи не просыхают, на прием придешь, так тут же и закусить хочется. Непьющий лекарь такая же диковина, как силач из второй роты унтер Агатов или полковой священник отец Иоанн, умеющий вещать чревом. А Владимир Игнатьевич к тому же музыкант, на скрипке играет.

С приходом Воячека в полк в офицерском собрании появились накрахмаленные скатерти, и денщики обрели образ божий, перестали даже сосать пальцы в тарелки со щами, подавая господам офицерам. «А ведь эдак, господа, мы и к культуре приобщимся, — заметил поручик Ракитин. — А культура, как известно, приводит к вольнодумству. Вы, любезнейший

Владимир Игнатьевич, случаем, не бунтарь?» «Был, господа, честно признаюсь. Добился, чтобы академия наша перестала выписывать черносотенную газету «Новое время».

И вот надо же, заштатный полк посетил инспектор Главного военно-медицинского управления Министерства обороны профессор Иван Федорович Рачевский. О Рачевском младший врач полка Воячек знал: крупный эпидемиолог, бактериолог, строг, суховат, но справедлив. После осмотра полка столичный инспектор пригласил Воячека к себе. В комнате было жарко натоплено. Он предложил молодому врачу сесть в кресло и сказал:

— Наслышан о вас от профессора Симановского, знаю, увлекаетесь отоларингологией. Так-с? А бактериологией заняться не хотите? В нашем управлении создана бактериологическая лаборатория. И есть вакансия врача. Ежели согласитесь, постараюсь как можно быстрее оформить ваш перевод. Сразу же оговорюсь: врачу-бактериологу не возбраняется заниматься болезнями уха, горла и носа. Не упустите возможность, коллега, вернуться к научным занятиям. Когда-то еще такой случай представится?

Воячек согласился. Через месяц пришел приказ о его переводе в Петербург.

Бактериологическая лаборатория размещалась в бельэтаже мрачного здания Главного военно-медицинского управления на Караванной улице. Сладковатый запах агар-агара, из которого готовили питательные среды для выращивания микробов, сухое потрескивание спиртовых горелок, в углу стол профессора Рачевского, на стене статистические графики, цифровые выкладки. В те времена это был единственный всероссийский эпидемиологический центр, сюда стекались данные об инфекционной заболеваемости в различных военных округах и губерниях обширной империи, отсюда отправлялись вакцины и сыворотки. Магия цифр Владимира Игнатьевича не увлекала, его тянуло в клинику, к больным...

А в другой раз приснился как-то Кисловодск. Да так отчетливо. 1910 год, двугорбый Машук в голубой дымке, в недавно открывшемся павильоне «Храм воздуха» отдыхающие пьют кофе. Пестрые шляпки дам, канотье мужчин, гуляние в парке и у игрушечного вокзала, слух, что вот-вот приедет Шаляпин, а окраинные, карабкающиеся в горы улочки, хранят память о поручике Тенгинского полка. Так и кажется, затрещат сейчас кусты шиповника, и возникнет всадник на черкесской лошади. Праздные люди толпятся у странного сооружения: горы белого кирпича, изогнутые трубы, невиданные аппараты.

— Господа, что это такое строят?

— Какой-то ингаляторий, будут лечить людей сухим туманом.

— От чего лечить?

— От похмелья, милейший.

Стройкой руководит приват-доцент Военно-медицинской академии Владимир Воячек. Странно видеть себя со стороны. Кто же ему помогал

тогда? Студент Борис Чунин, весельчак и прекрасный организатор. Борис умер в восемнадцатом году от тифа...

Иногда его терзали сны о войнах: русско-японская, Первая мировая, финская, Великая Отечественная. Изуродованные лица, вырванные гор-тани, глухие, немые... Мертвенный свет софитов над операционным столом, и жуткое ощущение, что многим ты не в силах помочь, а значит, твоя жизнь бессмысленна. В такие дни Владимир Игнатьевич был по утрам хмур, неразговорчив, сердился на экономку Наталью, ухаживающую за ним — опять прикасалась к письменному столу! А укладываясь спать, мечтал увидеть, скажем, Давос — маленький городок на северо-востоке Швейцарии, где довелось ему побывать в 1912 году, или Вену, клинику профессора Полицера и хорошенькую медицинскую сестру... Господи, как же ее звали? Но опять снились война и эта жуткая эвакуация в Среднюю Азию, где он потерял жену. Тени, тени... Нет, человек не должен жить так долго, не должен переживать свое время.

На работе видения оставляли его, в клинике все было привычно: обходы больных, практические занятия со слушателями, подготовка к операциям. Он уже давно не оперировал, но обстановка в операционной создавала иллюзию его участия. Наконец, можно было укрыться в своем кабинете. Воячек любил свой кабинет, где десятилетиями ничего не менялось, каждая вещь лежала на своем, обжитом месте, где все было под рукой, а это важно, когда начинает сдавать память, и где, казалось ничто не подвластно времени. Смуцал, пожалуй, бронзовый бюст — бездушный идол, символизирующий эпоху вождя, страдающего гигантоманией. Когда Воячек увидел фотографию макета Дворца Советов, который собирались поставить на месте взорванного храма Христа Спасителя, с ним впервые случился сердечный припадок. Если это капище дьявола утвердится в центре Москвы — России конец. И когда бредовая идея отпала, и на месте котлована построили бассейн, Владимир Игнатьевич, бывая в столице, обязательно сворачивал к этому сооружению. В бассейне, среди желтоватого, пропитанного хлором тумана возились черные, напоминающие мелкие картофелины в котле, люди, и он злорадно думал, что вот также в аду будут вечно кипеть грешники, виновные в содеянном святотатстве.

Журналисты, слава богу, перестали его беспокоить, а тогда, в девяностолетний юбилей, от них не было никакого спасения. Одна девица с крашенными хной волосами настойчиво добивалась ответа на свой вопрос: «Назовите самое значительное событие в вашей жизни». Он задумался. Таких событий за девяносто лет произошло немало. Но «самое?»

...Может, тот вечер, когда они с профессором Тонковым сидели у «буржуйки» в кабинете, ожидая звонка от наркома Семашко? Решалась судьба академии. Печка дымила, и пламя толстой церковной свечи колебалось от сквозняка. За окном постреливали. Дрова Воячек добыл на вмерзшей

в Неву барже и, добираясь до заснеженной Пироговской набережной, едва не угодил в полынью...

...Или день, когда он узнал, что его назначили начальником академии? Пустое. К власти он никогда не стремился, новая должность только добавила забот. И он вздохнул, когда освободился от этого бремени...

И вдруг вспомнил.

...1903 год, май, холодный ветер с залива. Самая большая в академии аудитория кафедры химии — та самая, где читали лекции «дедушка русской химии» Николай Николаевич Зинин и профессор Александр Порфирьевич Бородин — заполнена полностью. Профессора, врачи, студенты. Стоят даже в проходах. С минуты на минуту должна состояться публичная защита докторской диссертации. Но не имя скромного соискателя вызвало такой ажиотаж. Главный цензор диссертации — профессор Иван Петрович Павлов, он и выступит с оппонентской речью, а его выступления всегда неожиданны.

Учитель Воячека Симановский сказал накануне о Павлове: «Учтите, голубчик, он любознателен до въедливости и прямо до резкости». С Павловым соискателю уже приходилось встречаться. Несколько месяцев назад Владимир Игнатьевич обратился в Общество русских врачей с просьбой разрешить ему сделать доклад на одном из заседаний, сообщить о результатах произведенных им исследований вестибулярного аппарата человека с помощью сконструированной им центрифуги. Председатель Общества профессор Павлов обещал подумать и на другой день сам явился в мастерскую при клинике.

— Вот что, любезный коллега, покажите-ка мне вашу штуковину в действии, — сказал лауреат Нобелевской премии и стал снимать сюртук.

— Иван Петрович, ведь здесь не прибрано, испачкаетесь.

— Полноте, полноте! Нам ли, физиологам, грязи бояться. Прокатите на этом чертовом колесе?

— Как пожелаете.

— Пожелаю. А как иначе пойму?

Профессор встал на колени и принялся рассматривать станину центрифуги, осматривал дотошно, приборматывая: «Так-с, понятно. Умно, ничего не скажешь...» Затем поднялся, вытер руки ветошью:

— Неужто сами смастерили?

— Отдельные узлы заказывал. По моим чертежам рабочие делали. Опытный образец, оттого и нескладна карусель.

Павлов, вцепившись в бороду, хмыкнул:

— Станину я бы укрепил. А так — прекрасно. Редкий, знаете ли, случай, когда врач с техникой управляется. Кстати, откуда у вас такая необычная фамилия — Воячек?

— Отец — чех.

— Понятно. Так вот, я думаю, вы еще не до конца оценили огромную значимость вашего изобретения. Авиация развивается, а главным в авиа-

ции, как ни крутите, все же человек остается, с его вестибулярным аппаратом. Что ж, как говорили древние: «Через тернии — к звездам!» Ждем вашего доклада на ближайшем заседании Общества...

...Свою речь на защите диссертации Воячек не запомнил, от волнения периодически начинало звенеть в голове, как перед обмороком. А вот заключение Павлова запомнилось на всю жизнь: «Главная ценность рассматриваемой диссертации — в ее соответствии понятиям современной научной физиологии. А это, господа, огромный шаг вперед!»

По-видимому, Владимир Игнатьевич на мгновение уснул, потому как ему открылся простор аудитории, сотни глаз устремлено на него, а за окном — гранит набережной, отсекающий вороненую сталь Невы. Голос корреспондентки пробился сквозь немоту: «Простите, вам нехорошо?» А рядом встревоженное лицо ученика, профессора Константина Львовича Хилова.

— Самое главное в моей жизни, уважаемая, — тихо рассмеялся Воячек, — это ученики. Да! И знаете, сколько их? Взвод докторов наук и, как минимум, два взвода кандидатов. Вполне боеспособное стрелковое подразделение.

Воячек скончался на моем дежурстве. Еще в пять часов вечера, заступив помощником дежурного по академии, я видел старика, а где-то в начале четвертого утра позвонила его экономка. Дежурный отдыхал, потому трубку взял я: тихий, увядший голос сообщил о горестном известии. Сделав необходимые распоряжения, я разбудил дежурного, сказал ему о кончине академика и попросил доложить начальнику академии.

Дежурный, подполковник с кафедры фармакологии, испуганно заморгал: — Вы с ума сошли? Сейчас четыре утра, генерал еще спит.

— Полагаете, будет лучше, если Николай Геннадьевич узнает о случившемся из других источников? Сомневаюсь.

Я учился на командно-медицинском отделении факультета усовершенствования врачей, сам собирался стать начальником, и нрав начальства мне был известен.

— Как хотите, но я звонить не буду. Боюсь.

Я набрал нужный номер и тотчас услышал знакомый голос, генерал, похоже, уже не спал. Выслушав меня, хмуро спросил:

— А где дежурный?

— Проверяет караулы. — Я подмигнул протирающему очки подполковнику.

— Хорошо, что вы мне позвонили. Спасибо. Нужна моя помощь?

— Основные распоряжения сделаны, товарищ генерал-полковник. Остальное — до утра терпит.

— Всего доброго, до встречи.

Начальник академии положил трубку, а у меня перед глазами возникла легкая, как бы уже лишённая плоти, фигура старого академика, постепенно растаявшая в сумраке, затопившем Клиническую улицу. □

САФРОНОВ: НИКАС

я женат

На

И

искусстве

Заслуженный художник России, академик Российской академии художеств, профессор Ульяновского государственного университета, почетный член Украинской академии художеств, почетный член Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова — всеми этими регалиями обладает удивительный, яркий человек — Никас Сафронов. За свою профессиональную, общественную и благотворительную деятельность он отмечен государственными и общественными наградами: орденом Святого Константина Великого, орденом Святого Станислава, орденом Святой Анны II степени, орденом Российского мецената, орденом «Служение искусству» I степени («Золотая звезда»), орденом Преподобного Серафима Саровского III степени и многими другими.

Диапазон творчества Никаса Сафронова обширен: от психологических портретов и классического символизма до кубизма и экспериментов DreamVision.

В августе этого года в Москве, в Историческом музее, открылась выставка картин мастера, которая вызвала огромный интерес почитателей его таланта. Мы тоже не могли обойти вниманием это событие и встретились с известным художником.

— Никас, вы создали большое количество портретов знаменитостей. Сегодня более 900 ваших картин приобретено коллекционерами и западными галереями. Вы писали портреты президентов, звезд мировой величины, таких как Монтсеррат Кабалье, Клинт Иствуд, Мадонна, Дайана Росс, Роберт де Ниро... Чем они вам интересны, как художнику?

— В моей портретной галерее много узнаваемых лиц — президенты различных стран, кинозвезды, политики, предприниматели, руководители разных уровней. Все они — люди, сделавшие себя сами и продолжающие себя совершенствовать. Такие личности интересны для художника не только потому, что знамениты. Как правило, известность — результат упорной работы, стойкости, умения держать удар. Вообще,

*«Воспоминания
о Брейгеле,
или древо
жизни»*

глубоко убежден, что портреты обладают собственной энергией. Они могут быть талисманами для тех, кто на них изображен, оберегая их, в первую очередь, от внутренних разрушительных сил. Если созданный на полотне образ подчеркивает духовность человека, позитивное начало в нем, или пусть даже внешнюю красоту, человек начинает тянуться за своим изображением, стремится ему соответствовать, и зачастую

становится лучше и внешне, и внутренне. Я искренне люблю тех людей, чьи портреты пишу.

Можно верить или не верить в мистику, но знаменитый автопортрет Ван Гога с отрезанным ухом поменял уже десяток владельцев, и ни один из них не избежал разрушительного влияния, исходящего от картины. Трагедии следовали одна за другой. Видимо, то, что заложил художник в свой автопортрет, до сих

«...он вернется...»

*«Впечатления
о поездке
по Италии»*

Справа:
«Живая вода»

пор воздействует на людей. Сколько раз я слышал, что на моих портретах люди выглядят гораздо моложе и милее. На самом деле я не лакирую действительность, а просто наблюдаю человека и передаю его на холсте в самом выгодном проявлении. Я всегда говорил, что нет некрасивых лиц, а есть плохие фотографы и художники.

— У вас одаренные сыновья: Стефано живет в Англии, учится в Лондоне, в престижном университете, Лука Затравкин, пи-

нист, в 12 лет он уже был профессором Швейцарской консерватории, сейчас учится в Парижской консерватории. Самый младший — Ландин, живет в Австралии, талантливый фотограф... Наверное, вы хотели, чтобы ваши дети тоже стали художниками?

— Нет. Не каждый родитель хочет, чтобы дети повторили его путь. Труд художника тяжелый. Есть статистика: на десять миллионов человек рождается двести талантливых, и только пять из них «выживают», и это во всех

областях искусства. Так что состояться как большой художник очень нелегко. Многие начинающие вроде бы и талантливы, но не могут пробиться — слишком жесткая конкуренция, и она сохраняется постоянно, даже на моем уровне известности.

Как-то я узнал, что некоторые мои коллеги даже платят деньги за негативные статьи обо мне. Это не удивительно, многие творческие люди сознательно не хотят, чтобы кто-

то был удачливее их, потому что, когда уходят таланты, бездарностям легче жить.

— Вы никогда негативно не отзывались о своих коллегах по ремеслу?

— Я уже говорил, что хлеб художника труден. Каждый год по всей стране институты выпускают до десяти тысяч художников, но настоящими профессионалами стано-

«Дедал и Икар. Свобода во время царя Миноса»

«Вильнюс. Цветы в честь Анны»

вятся единицы. Состояться непросто, а быть известным еще сложнее. Я прошел этот путь и могу это подтвердить. Если снять документальный фильм о жизненном и творческом пути некоторых наших мастеров, то многим завистникам было бы не до колкостей и упреков. Быть настоящим художником — это очень большое испытание, поэтому те, кто сумел состояться в творчестве, вызывают у меня только огромное уважение.

— Знаю, что вам приходится много заниматься благотворительностью...

— Это божье дело, и себе в заслугу я его не ставлю. Да, я участвовал в строительстве храма, построил часовню, помогаю больницам и детским домам, часто участвую в различных благотворительных аукционах, и не важно, в какой стране они проводятся. Я горжусь, что по отцовской линии у меня в роду было несколько поколений священников, мама всю жизнь проработала медсестрой в детских больницах, а моя бабушка лечила травами людей в деревне, где жила. Так что у меня генетическая предрасположенность делать добро. Зла я не

*«Вечерняя Венеция
в стиле дрим-вижен»*

держу ни на кого. Именно поэтому люди на моих портретах получаются более красивыми и добрыми.

— Как вы считаете, достаточно ли поддерживаются с помощью социальных программ талантливые дети?

— Такие программы существуют, но не в том масштабе, в каком хотелось бы. Эффект от них не всегда доходит до адресата. Обязательно нужно поддерживать талантливых детей, студентов, выделять им специальные гранты. И не только так называемых творческих профессий.

Почему бы не поддержать и молодые таланты в науке и медицине? Почему замечательный врач от бога должен бегать из больницы в больницу, унижаться перед работодателем, если он по праву заслуживает работу в хорошей клинике или даже собственного кабинета? Творческим людям нужно выделять мастерские, галереи, привлекать к ним внимание СМИ. Я не жалею, но помимо творчества мне самому приходится «выбивать» залы, приходится бороться с недоброжелателями... Мне хочется, чтобы люди приходили в музеи, на выставки, чтобы у школьников

и студентов была возможность не только приобретать льготные билеты, а чтобы их пускали бесплатно — молодежи нужно прививать вкус к прекрасному. И постепенно во всем обществе возрастет интерес к искусству.

— Ощущения детства остаются с человеком на всю жизнь. А каким было ваше детство?

— Воспоминания о детстве ностальгически грустные, но невероятно приятные. Я родился в Ульяновске, рос с четырьмя старшими братьями и сестрой.

В Ульяновск семья переехала после ухода отца в отставку с военной службы. Родители познакомились на Сахалине. Маминих близких из Литвы сослали в те края за то, что семья считалась зажиточной — имела свою мельницу.

Мама работала медсестрой и дома всегда рассказывала печальные истории больных, с которыми ей приходилось работать. Слушая ее, я думал, что наша семья счастливая, нам очень повезло, что Бог оградил нас от болезней. Я действительно был счастлив, потому, что у меня был отец, а в послевоен-

Слева:
**«Вавилон
в Поднебесной»**

**«Лето
в Крыму»**

**«Встреча духа Барбары с хранителем
своего замка Сигизмундом-Августом
10 лет спустя»**

ные годы далеко не все дети могли этим похвастаться. Это был постоянный праздник жизни — у меня есть родители! И этот праздник тогда казался мне вечным...

Благодаря родителям я не стал рабом дурных привычек. Отец мой никогда не пил и не курил. Маму я всегда старался защитить, пусть и наивно. Помню, как-то зимой она пришла домой очень усталая после изнурительного рабочего дня и сразу заснула. Глядя на нее, я подумал, что маме холодно, поверх одеяла она укрылась еще и пальто, снял с вешалки свое детское пальтецо и накрыл им ее. Утром она рассмеялась, узнав о моих заботах, и расцеловала меня...

Вообще отношение родителей друг к другу отличалось особой теплотой и доброжелательностью, которая распространялась на всех вокруг. Соседям всегда помогали делом и словом, живя на скромную зарплату, часто одалживали им деньги. Мы, дети, в этой атмосфере участия и чуткости впитывали простые уроки человеческих отношений, уроки заботы о ближнем.

— Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь случай из детства, который остался в памяти...

— Помню, как летом мы круглые сутки проводили на речке. Никто за нами не следил, мы были предоставлены сами себе. Мне было пять лет,

*«Место,
где отдыхает луна»*

Справа: *«Автопортрет
в костюме капитана Блада»*

я не умел плавать. Однажды я шел по дну вдоль берега, и вдруг... провалился в яму. Стал тонуть, водный поток относил меня на глубину. Почувствовав, что погибаю, я вдруг ощутил огромное желание жить! От страха стал барахтаться изо всех сил и каким-то чудом вынырнул! На берегу было полно людей, но, увы, как я тонул, никто не заметил. Все были заняты своими делами, пока маленький человечек учился выживать. Через месяц старшие ребята «научили» меня плавать: выбросили в Волгу из лодки, над большой глубиной, и я выплыл. После этого я уже мог спокойно переплыть Волгу в самом широком месте.

— Рисовать вы начали еще в детстве?

— Да, а в школе на уроках рисования я рисовал для своих друзей, девочек-отличниц, которые хотели получить пятерку. Сам же получал четверку, так как для себя уже не хватало времени. Как-то в 11 лет в пионерском лагере меня попросили сделать татуировку, у меня получилось, но мальчику, которому я ее набил, было, видимо, так больно, что он потерял сознание. Я очень испугался и больше к этому жанру не возвращался.

— А вы помните, что было вашим первым творением?

— Конечно. В восемь лет нашел гипсовый камень и ножичком вырезал из него замок с башенками, бойницами, окошечками. Первая моя «скульптура» всем очень понравилась. Меня похвалили, но и все, тут же забыли о моих скульптурных устремлениях. Я уже в детстве понял, что любое безразличие или непонимание нужно пережить, перемолчать про себя, тогда оно обойдет тебя, не поранив...

— Как вы считаете, тем, кто хочет учиться живописи, лучше проходить учебу за границей?

— Нет, ни в коем случае! Пока наша российская художественная школа еще очень сильна. В первую очередь Суриковский институт, ректор которого, мой хороший друг Анатолий Андреевич Бичуков, — прекрасный человек и прекрасный скульптор.

Кстати, в подобных институтах на Западе более свободная система обучения, и студенту не обязательно уметь хорошо рисовать графически, там учатся на таких художниках, как Матисс, Паул Касс, Шагал, что, в общем, неплохо, но только при условии, что ты уже хорошо владеешь графикой.

В России система более жесткая. Бичуков пытается подобрать педагогов, которые досконально знают классику, и мечтает вернуть Суриковку к историческому академизму, который всегда был там в чести. Есть еще хорошее учили-

ще имени 1905 года, а что касается Питера — там есть Репинка. Прекрасные училища в Пензе, в Ростове-на-Дону.

Я бы посоветовал живопись осваивать все-таки в России. Наш студент обязан, в первую очередь, знать классику, а уж потом заниматься чем угодно — хоть абсолютной абстракцией. Вот, например, сюрреализм — самый сложный жанр, и чтобы его постичь, нужно быть и пейзажистом, и портретистом, и мастером натюрморта. Без классики не обойтись.

— Многих людей, и вроде бы вполне интеллигентных, зача-

стую интересует не творчество знаменитого музыканта, актера или режиссера, а личная жизнь — количество жен, любовниц... Как вы думаете, почему это происходит?

— Я думаю, это от психологической и материальной неудовлетворенности тех, кто спрашивает, и тех, кто интересуется такой информацией. В человеке иногда пробуждаются низменные инстинкты, и хочется покопаться в чужом грязном белье.

— О вас тоже говорят и пишут немало. А как вы относитесь к женщинам, какую роль они играют в вашей жизни?

— Я художник и поэтому восхищаюсь женщинами, люблю их, считаю, что некрасивых женщин нет, а если есть какие-то недостатки, то я сам домысливаю ее до идеала. Конфуций говорил, что ему не нужны новые женщины, ему нужны новые впечатления. Каждая женщина по-своему интересна, и каждая — новое впечатление, вдохновение, ассоциации, которые потом вытекают в работе. Я хотел бы любить одну женщину, с которой легко и всегда хочется улыбаться, которая сумеет создать в доме уют и тепло... И которая сможет развеять мое чувство одиночества в толпе. Но, наверное, это не моя планета. Каждый вносит за талант свою плату. Моя единственная женщина — это моя работа. Я женат на Искусстве.

— Многие современные люди больше думают о карьере, деньгах, забывая, что главное предназначение человека в любви. Верите ли вы в нее, и что она для вас значит?

— Любовь — это движение природы, это ее гармония. Любовь Солнца к Земле, любовь Матери-Земли к людям, ее порочным детям, уничтожающим ее труды — все есть Любовь.

Это чувство имеет такое обширное толкование, что его можно развивать до бесконечности. Любовь Вселенной ко всем микрокосмам, незаметным на ее просторах, любовь Бога к людям, которые порой и не задумываются о Его чувстве к ним и суетятся в бесконечном круговороте мироздания. Все это — стимул к дальнейшему человеческому совершенствованию. Человек движется вперед, творит, создает, преодолевает собственное невежество, предпринимает какие-то шаги, ошибается, снова стремится вперед. Это постоянное движение заставляет душу трудиться и обязательно выводит человека на дорогу «к Храму».

Когда я бываю оглушен любовью, я не думаю, как выгляжу со стороны, не думаю о карьере, живу, что называется, одним днем. И каждый день, прожитый с любовью, оставляет след на картине моей жизни. Любовь — чувство, в котором масса противоречий, но без него человек не может состояться как личность, как художник. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Евгений Писарев — самый молодой художественный руководитель театральной Москвы. Вот уже пять лет он возглавляет драматический театр имени Пушкина, а также преподает актерское мастерство в школе-студии МХАТ. Лауреат театральных премий «Чайка» и «Хрустальная Турандот», национальной театральной премии «Золотая маска» и других.

ЕВГЕНИЙ ПИСАРЕВ:

«В каждой эпохе — свои Тартюфы»

— Евгений Александрович, каким был для вас, самого молодого театрального художественного руководителя Москвы, прошедший сезон?

— Успешным. Интересным. Насыщенным. Мы выпустили в стенах нашего драматического театра имени Пушкина пять постановок. Это большие работы: «Доходное место» Островского, «Вишневый сад» Чехова, «Обещание на рассвете» по ро-

ману Ромена Гари, «Тартюф» Мольера, камерный мюзикл «Рождество О'Генри».

— В 2014 году в вашем театре прошла премьера «Женитьбы Фигаро» — драматического спектакля по одноименной пьесе Бомарше, а весной этого года в Большом театре на Новой сцене вы поставили театральную версию оперы Вольфганга-

Амадея Моцарта — «Свадьба Фигаро».

Сложно ли драматическому режиссеру ставить оперный спектакль?

— К опере я обращаюсь не впервые. Еще в 2013 году в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко прошла постановка оперы Джоакино Россини «Итальянка в Алжире». А предложение поработать над «Свадьбой Фигаро» мне поступило из Большого театра от генерального директора Владимира Георгиевича Урина. Ставить спектакль в Большом театре — это очень ответственно. Мне было чрезвычайно интересно работать уже со знакомым материалом, но в другом жанре — музыкальном, и я буквально влюбился в музыку Моцарта, прослушав это произведение. Композитор меняет ракурс этой комедийной истории: в драматическом спектакле она водевильная, празднично-радостная, а в опере — более серьезная, более духовная. Мне не очень нравится определение жанра «Свадьбы Фигаро» как «опера-буфф». Хотелось сохранить реальность существования, показать человеческие отношения. У нас нет точно определенного места действия в спектакле, ведь композитор — австриец, автор пьесы — француз, все события происходят в Испании, а поют на итальянском языке.

В истории Большого театра это уже четвертая постановка «Свадьбы Фигаро», наиболее известен спек-

такль 1956 года — режиссера Бориса Покровского. В репертуаре театра он прожил более двадцати лет.

— Интересный факт — впервые на русский язык либретто этой оперы перевел Петр Ильич Чайковский. На сцене Большого театра «Свадьба Фигаро» впервые исполняется в оригинале?

— Да, опера Моцарта исполняется на итальянском языке.

— В постановке заняты молодые артисты?

— И для некоторых из них это первые главные роли в Большом

*Спектакль
«Женитьба Фигаро».*

Фото В. Лебедева

театре. Артисты понимали, что пришел режиссер драматического театра, и он хочет сделать спектакль увлекательно, чтобы роли на сцене, что называется, всеми актерами «проживались». Спектакль получился, потому что все артисты сыграли замечательно, да и генеральный директор Большого театра Владимир Урин удовлетворен результатом.

— Партию Фигаро исполняет Александр Миминошвили, приглашенный артист Большого театра, выпускник РАТИ — ученик доцента Сергея Терехова, мастерская профессора Дми-

трия Бертмана. Вы довольны его дебютом ?

— Александр — настоящий артист! Вообще, постановка «Свадьбы Фигаро» для меня интересный опыт. Я удивлен, что спектакль имел успех не только у зрителей, но и у критиков, все рецензии были позитивными и написаны с разбором постановки.

— В вашем репертуаре теперь есть «Тартюф» в постановке французского режиссера Брижит Жак-Важман?

— Мы получили предложение о сотрудничестве от французского

культурного центра и с радостью его приняли. Для постановки выбрали самую классическую пьесу Мольера, потому что она актуальна и по сей день. А местами даже до неприличия актуальна. Триста лет назад были те же проблемы: что такое истинная вера, каково влияние религии на людей, и что может находиться под ее маской? В каждой эпохе — свои тартюфы. Жан-Батист Мольер рассказал все это так, что сегодня не надо исправлять ни одной строчки. Очень интересная и важная для нас работа.

— А кто исполняет роль Тартюфа в вашем спектакле?

— Обычно эту роль исполняют пожилые характерные актеры. У нас же Тартюф — молодой актер Владимир Жеребцов. Он играет Тартюфа нового поколения. Стоит отметить и прекрасную работу наших звезд — Веры Воронковой и Андрея Заводюка, а также совсем молодых, недавно пришедших в наш театр актеров Анастасии Мытражик и Артема Ешкина.

— Евгений Александрович, на ваш взгляд, кто может называть себя по-настоящему творческой личностью?

— Я учился в школе-студии МХАТ, в девяностые годы, у Юрия Николае-

*Спектакль
«Великая магия».*

Фото В. Лебедева

вича Еремина. В какой-то мере он мой наставник и по сей день. Будучи еще студентом, я как-то рассказывал ему, что собираюсь выразить в своем творчестве. На что он ответил: «Молодой человек, советую называть то, чем вы собираетесь заниматься, не творчеством, а работой». Я не люблю такие слова, как художник, мастер, творчество, и рассу-

ждать об этом не берусь. Стараюсь все делать честно, так, как подсказывает душа, совесть и мой профессиональный долг. У человека искусства должна быть своя определенная тема, своя позиция. Мне интересно работать с артистом-личностью, а не просто с исполнителем роли. На сцену надо выходить тогда, когда, помимо роли, есть что

сказать зрителю. Я преподаю актерское мастерство в Школе-студии МХАТ, и мне хочется воспитать будущих артистов настоящими личностями.

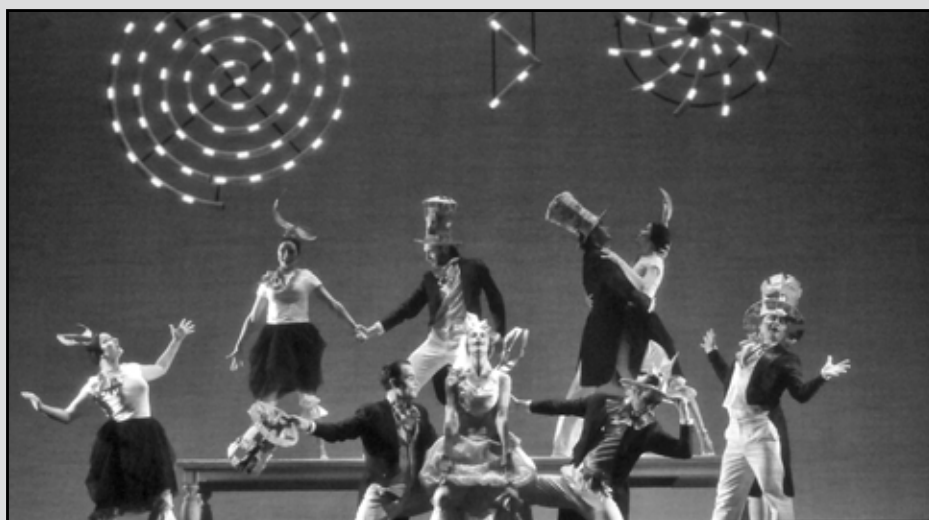
— Как вы отбираете для себя репертуар? И вообще, на ваш взгляд, есть сегодня интересные, талантливые пьесы?

— Конечно, есть много интересных современных драматургов, но, увы, сейчас пьесы пишутся на небольшие залы — максимум, на 150

зрителей... Откровенно коммерческие пьесы меня не устраивают, поэтому мы делаем основной упор на классику. Но я все время нахожусь в поиске хорошей современной пьесы, она сегодня очень нужна театру!

— Некоторые худруки не любят, когда артисты параллельно работе в театре снимаются в сериалах, в кино, а как вы к этому относитесь?

— Лично я — очень хорошо! Сам когда-то участвовал в телевизион-

*Камерный театр.
100 лет.
Спектакль-
посвящение.*

Фото В. Лебедева

ных проектах. За все время работы худруком я никогда этому не препятствовал, а если еще артисту роль удалась, это лишь приносит дополнительную популярность театру.

— Вы ставите в основном праздничные спектакли, позитивные, а сами вы — веселый человек?

— Мои спектакли действительно в основном радостные, светлые, я считаю, что они даже обладают терапевтическим действием.

А когда после спектакля встречаюсь иногда с друзьями, они и от меня ждут такого же веселья, как и от героев моих постановок. Но я всегда говорю, что все комики в жизни были мрачными, угрюмыми людьми...

— Что хотели бы пожелать самому себе?

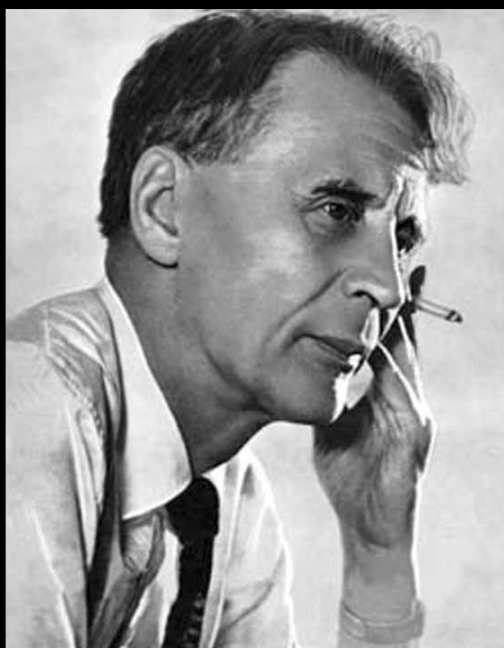
— Здоровья и как много больше счастливых, радостных минут! □

Беседовала **Елена Александрова**

Эта пара всегда шла «вровень» с другой звездной четой советского кинематографа — Любовью Орловой и Григорием Александровым, и между

СЛАВА

на ДВОИХ

«половинками» — как мужской, так и женской — шло извечное соперничество. Правда, в жизни Марины Ладыниной и Ивана Пырьева было гораздо больше выяснения отношений и скандалов, нежели у Орловой и Александрова, тем не менее, они прожили вместе пятнадцать лет. Как они сошлись и почему разошлись?

Иван Александрович Пырьев родился в 1901 году в селе Каменьна-Оби на Алтае, где прожил до десяти лет. Родители его были крестьянами. Когда мальчику было три года, отца убили в драке. Матери пришлось уехать на заработки, а

сына оставить в семье деда Осипа Колмогорова. Семья была старообрядческой, и Ваню с малых лет приучали помогать по хозяйству, работать пастухом. Затем его отправили учиться, однако после третьего класса за Ваней вернулась мать и забра-

ла его в небольшой городок Мариинск, где жила с неким торговцем фруктами по имени Ишмухамет Амиров. Тот сына подруги недолюбливал и частенько бил. Однажды в ответ на удары Иван схватил топорик и погнался за обидчиком. Ишмухамет успел убежать, но и Ване оставаться в доме матери больше было нельзя.

Четырнадцатилетним мальчишкой он отправился на фронт, где дважды был ранен и даже получил Георгиевские кресты III и IV степени.

После революции Пырьев недолго раздумывал над тем, к какой стороне примкнуть. В 1918 году он вступил в партию и записался в Красную армию. Но его живая натура требовала и иного выхода: он поступил в театральную студию Губпрофсовета, где познакомился с Григорием Александровым, ставшим его другом на долгие годы.

Вместе они были одними из организаторов Уральского пролеткульта и довольно успешно трудились в Екатеринбурге, пока в этот город не приехал на гастроли МХАТ. Пырьев и Александров были так поражены игрой столичных артистов, что, недолго думая, сразу решили отправиться в Москву.

Там они некоторое время пребывали в учениках у Сергея Эйзенштейна, но затем рассорились с мастером. Пырьев успел сыграть у него в спектакле «Мексиканец» и в короткометражке «Дневник Глумова».

Он довольно быстро понял, что ему гораздо больше нравится ставить фильмы, нежели играть в них, и начал оттачивать свое мастерство. В 1923 году Иван окончил режиссерское отделение ГЭКТЭМАС и поступил в ассистенты режиссера. Вскоре о нем пошла слава как о «короле ассистентов», способном помочь снять хорошую картину даже самому бездарному режиссеру.

Но Пырьев, разумеется, видел себя не помощником режиссера, а самим режиссером, и вскоре ему представилась такая возможность. Заканчивалось лето, а на студии не успевали доснять «летнюю» картину «Посторонняя женщина» по сценарию Эрдмана и Мариенгофа. Пырьев сумел закончить ее за рекордные три недели.

После этого он снял еще несколько картин, но «споткнулся» на ленте «Деревня последняя», снимавшейся в 1931 году. Фильм был о возникновении колхозов и борьбе с кулачеством, но режиссера отстранили от съемок, с формулировкой «за противопоставление интересов картины интересам государства», что бы это ни значило.

К тому времени Иван Александрович уже был женат на красавице-актрисе Аде Войцик, у пары рос сын Эрик.

В Москве для Пырьева работы не было, и они с Адой отправились в Ереван. Однако жизнь там их не устроила, и они, невзирая на отсутствие перспектив, вернулись в Москву.

Здесь Пырьев смог снова встать на ноги и снял картину, получившую название «Партийный билет». Фильм понравился руководству страны, поскольку основным посылом была важность аккуратной работы с партийными документами. Однако среди коллег уважения за эту ленту Иван Александрович не снискал.

Не найдя понимания на «Мосфильме», он решил отправиться в Киев, чтобы там снимать свой новый фильм — музыкальную комедию

она все равно успевала уделять внимание двум главным своим увлечениям: книгам и сцене.

С раннего возраста Марина обожала пересказывать прочитанные книги и по праву считалась лучшей рассказчицей в школе. А любовь к театру вылилась в то, что она стала постоянным суфлером на школьных спектаклях. Правда, так при этом входила в роль, что слышно ее было гораздо лучше, чем актеров, находившихся на сцене. Пришлось пере-

«Богатая невеста». Именно эта картина и стала первой совместной работой режиссера Ивана Пырьева и актрисы Марины Ладыниной...

Она родилась в 1908 году в деревне Назарово, в Сибири, как и Пырьев, и была старшей из четверых детей Ладыниных. Несмотря на то, что ей приходилось и присматривать за младшими, и помогать по дому, и даже работать на дойке коров,

браться «наверх», тем более что она умела и петь, и танцевать, и играть на балалайке.

После школы Марина осталась в родном селе — работать учительницей. В театр, конечно, тянуло, но необходимо было зарабатывать и помогать семье. Однако тяга к искусству все же победила — она перебралась в Смоленскую губернию, на родину отца, чтобы быть,

как говорила сама, «поближе к культуре». Здесь Марина и познакомилась с Сергеем Фадеевым, артистом театра Мейерхольда, который приехал на отдых. Они часто беседовали о театре, и, разглядев ее дар, Фадеев дал ей адрес ГИТИСа и подарил книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве», тем самым определив будущее сельской учительницы.

Адрес пригодился — в ГИТИС ее приняли после первого же тура, когда приемная комиссия, состоявшая из Ивана Москвина, Серафимы Бирман, Леонида Леонидова и Михаила Тарханова, отметила абитуриентку как «особо одаренную».

Все складывалось: сначала ГИТИС, затем, еще во время учебы, — первые съемки. В кино Ладынину пригласил Юрий Желябужский. В картине под

названием «В город входить нельзя» (в другом варианте — «Просперити») Марина играла слепую цветочницу.

Несмотря на то, что роль была небольшой, красавица Ладынина оказалась и на плакате, вывешенном у кинотеатра. Она стояла возле него и ждала, узнает ее кто-нибудь

или нет, хотя всерьез заниматься кино будущая актриса не планировала — знала, что ее ждет театр. Именно поэтому она не стала сниматься у Юлия Райзмана, который впоследствии рассказывал всем, что «у этой белобрысой отвратительный характер».

Характер характером, а в театр ее приняли сразу после учебы. Да не просто в театр — во МХАТ. К тому времени Марина успела выйти замуж за однокурсника Ивана Любезнова.

Попасть на знаменитую сцену было мечтой почти каждого молодого актера — и она у Ладыниной сбылась. Здесь блистали Качалов, Книппер-Чехова, Москвин, Кторов, Леонидов. Но вчерашняя студентка не растерялась в компании таких знаменитостей и первую свою роль — монашки Таисии из пьесы Горького «Егор Булычов и другие» — сыграла прекрасно.

Тот ее, конечно, отпускал, понимая, что нужно зарабатывать, только очень просил не оставлять сцену: «Никогда не забывайте, что вы наша, никогда не бросайте театр». Ладынина об этом и не помышляла. Но судьба распорядилась иначе.

В 1936 году произошла знаковая в ее жизни встреча. Вместе с подругой она вышла из театра. Встретив знакомого, подруга представила их с Мариной друг другу и позвала всех к себе в гости. Девушки сели в автобус, а мужчина не успел. «Видно, не судьба», — пробурчал он себе под нос. Но автобус, про-

Даже Станиславский, который в ту пору еще активно участвовал в жизни театра, писал, что именно с Ладыниной связывает будущее МХАТа. Предсказание классика, увы, не сбылось...

Она периодически снималась, отпрашиваясь у Немировича-Данчен-

ехав всего несколько метров, неожиданно остановился. «Судьба», — сказал Иван Пырьев и вскочил на подножку автобуса.

Весь вечер он смотрел только на нее, а под конец, провожая до дома, предложил выйти за него замуж. Ни наличие у Ладыниной мужа, ни соб-

ственная семья Пырьева не останавливали.

К Марине он смог уйти не сразу — долго не расставался с Адой, то покидал ее, то снова возвращался. Она переживала их разрыв очень

там ни было, любила она все-таки Пырьева.

У нее начались проблемы в театре — к середине тридцатых многие театры закрывались, а те, что остались, вынуждены были ставить не

тяжело, даже пыталась покончить с собой. Однажды она сказала Марине: «В один прекрасный день он отбросит вас, как и меня...» Ладынина терпела, но постоянно ссорилась с Пырьевым из-за его неспособности сделать, наконец, выбор. Их сын Андрей был рожден вне брака и носил фамилию матери.

Гордая Ладынина сначала долго не говорила Пырьеву о своей беременности, а затем, сердясь на него, не обсуждала ее. Из роддома ее забирал бывший муж Любезнов, предлагавший, кстати, восстановить отношения. Наличие чужого ребенка его не останавливало. Однако Марина отказалась — как бы

классику, а «современность», причем выгодную власти. Сам Станиславский писал о МХАТе: «Этот театр уже не мой». А Ладынину вызвали на Лубянку и безо всяких объяснений сказали, что в театре она больше не работает.

Чтобы как-то выжить, она брала на дом стирку и ставила с домработницами партийных чиновников домашние спектакли. Встреча с Пырьевым именно в это время поддержала ее — ей показалось, что он поможет ей выбраться из всех этих трудностей.

Он и помог — позвал ее на главную роль в картине «Богатая невеста», которую собирался снимать

Иван Пырьев и Марина Ладынина с сыном Андреем

в Киеве. Шел 1937 год, уровень подозрительности и сумасбродства зашкаливал. Руководителям «Украинфильма» показалось, что московская группа в своем фильме издевается над украинским языком. С Пырьевым перестали сотрудничать, и доснять картину удалось с огромным трудом. Но не зря же Ивана Александровича в свое время называли «королем ассистентов» — он сумел все организовать так, чтобы не выпасть из графика.

В 1938 году фильм показали руководству в Москве. Поначалу он не понравился, но вмешался случай. Руко-

водителем Кинокомитета вместо Бориса Шумяцкого стал Семен Дукельский. Ему фильм понравился, и он показал его Сталину, который тоже пришел от картины в восторг. Выйдя в прокат, она имела огромный успех.

Вообще простые персонажи Ладыниной всегда были близки зрителю. Тогда не было слова «мюзикл», но то, что снимал Пырьев (да и Александров тоже), — фильмы, полные музыкальных и танцевальных номеров, — без сомнения можно отнести к этому жанру.

Несмотря на известность, Ладынина не заносилась и хорошо пони-

мала то время, в котором жила. Узнав о том, что один из соавторов «Богатой невесты», Аркадий Добровольский, арестован и сослан, Марина Алексеевна посылала ему в тюрьму передачи. Когда через 25 (!) лет он вышел, то пришел к ней — первой — упал на колени и сказал, что только ее имя светило ему все эти годы.

«Богатая невеста» «обогатила» и режиссера, и актрису — они получили по ордену Ленина.

Следующей их совместной картиной стали «Трактористы», где Ла-

ной-жены, и не давал ей спуска на площадке. Однажды она от переутомления упала в обморок, и он спросил: «Ну, как ты, Машенька?» Она лишь ответила: «Какая разница? Ты ведь все равно съемку не отменил». Как-то во время съемок у нее никак не получалась одна сцена, а Пырьев был настолько груб с ней, что она просто встала и вышла из павильона. Через несколько минут, успокоившись, режиссер сказал ассистенту: «Пожалуйста, попросите Марину Алексе-

дынина играла бригадиршу Марьяну Бажан, — она сама водила трактор и ездила на мотоцикле. Между тем этот образ все равно оставался нежным и женственным. За этот фильм они получили Государственную премию СССР.

На съемках Пырьев был очень жестким человеком. Он четко отделял Ладынину-актрису от Ладыни-

евну вернуться. Скажите, я ее приглашаю».

Фильм «Свинарка и пастух» с участием Ладыниной и Владимира Зельдина начал сниматься в феврале 1941 года, и был закончен к октябрю. Хотя Пырьев и многие из актеров стремились на фронт, «сверху» было получено указание доснять картину, что и было сделано в рекорд-

ные сроки. Критики ругали фильм, называя его «лубком», однако зрителям он понравился.

Не переставали Ладынина и Пырьев работать и во время войны. В 1943 году вышла картина с оптимистичным названием «В шесть часов вечера после войны». Она давала измученным войной людям надежду, что рано или поздно ужасная война все же закончится, и наступит долгожданный мир.

После победы Пырьев понял, что снимать комедии он устал. Ему

но отличалась от всего того, что ей приходилось играть прежде. В конце концов, она нашла нужные краски для своей героини. Фильм имел оглушительный успех: Ладыниной-Пересветовой писали письма и просились на работу в такой прекрасный колхоз, как у нее.

Эта картина принесла своим создателям пятую Государственную премию. Всего на семью Пырьева и Ладыниной пришлось одиннадцать таких премий. Даже у Орловой и Александрова столько не было.

хотелось ставить классику — Достоевского, «Мертвые души», «Войну и мир». Но от него ждали комедий, и приходилось соответствовать.

Очередным фильмом стали «Кубанские казаки», где Ладынина играла председателя колхоза Галину Пересветову. Актриса боялась не справиться — эта характерная роль силь-

Вместе они прожили около пятнадцати лет. Он ценил ее как актрису, как жену, как свою музу. Когда в 1953 году вышел запрет для режиссеров снимать своих жен, Пырьев, готовившийся к съемкам фильма «Испытание верности», собрал все кинопробы и принес в Госкино. Комиссия вынуждена была признать, что пробы Марины Ладыниной — лучшие.

Однако семья режиссера и актрисы испытания верностью не выдержала. Несмотря на то, что Иван Александрович очень любил жену, он был человеком увлекающимся, и часто увлекался молодыми актрисами. В этот раз его избранницей стала Людмила Марченко. Ладынина долго терпела, но, в конце концов, потребовала развода. Пырьев взвился: «Хорошо, я с тобой разведусь, но так, что тебе и во сне не приснится... Больше тебя никто и никогда снимать не будет!»

Действительно — власть директора «Мосфильма», которым к тому времени стал Пырьев, была велика. Ладынина не снялась больше ни в одной картине.

С Людмилой Марченко у Пырьева так и не сложилось — ее семья была против брака с такой большой разницей в возрасте. Отчаявшись, режиссер, недолго думая, тут же женился на юной Лионелле Скирде, приехавшей с Украины.

В 1968 году Ивана Пырьева не стало. Марина Алексеевна пришла

*Марина Ладынина с Михаилом Роммом,
Иваном Пырьевым и Николаем Черкасовым,
начало 1950-х гг.*

на похороны бывшего мужа: ей разрешили — как и двум сыновьям Ивана Александровича — проститься с ним без свидетелей. Не имея возможности сниматься в кино, она вернулась на сцену. Не мхатовскую, разумеется. Ее приняли лишь в Театр-студию киноактера. Там она была занята в спектаклях «Варвары», «Русские люди». Освоила Ладынина и эстраду: читала стихи, пела, ездила по стране.

Ей делали предложения, но замуж она так больше и не вышла, ограничиваясь лишь общением с друзьями — Фаиной Раневской, Юрием Олешей, Лидией Руслановой, Исааком Дунаевским. Она любила путешествовать и с удоволь-

ствием путешествовала одна, пока это позволяли возраст и здоровье.

В девяностых годах из театра ее уволили с формулировкой «За прогул без уважительной причины». Оставим эту фразу на совести увольнявших...

Последние годы она провела в одиночестве, редко выходя на улицу, так что многие считали, что звезда советского кино Марина Ладынина давно умерла. Однако скончалась она лишь в 2003 году. Похоронили Ладынину на Новодевичьем кладбище.

Ее и Пырьева сын Андрей стал режиссером и много работал в детективном жанре. А своего сына он назвал Иван — в честь деда. □

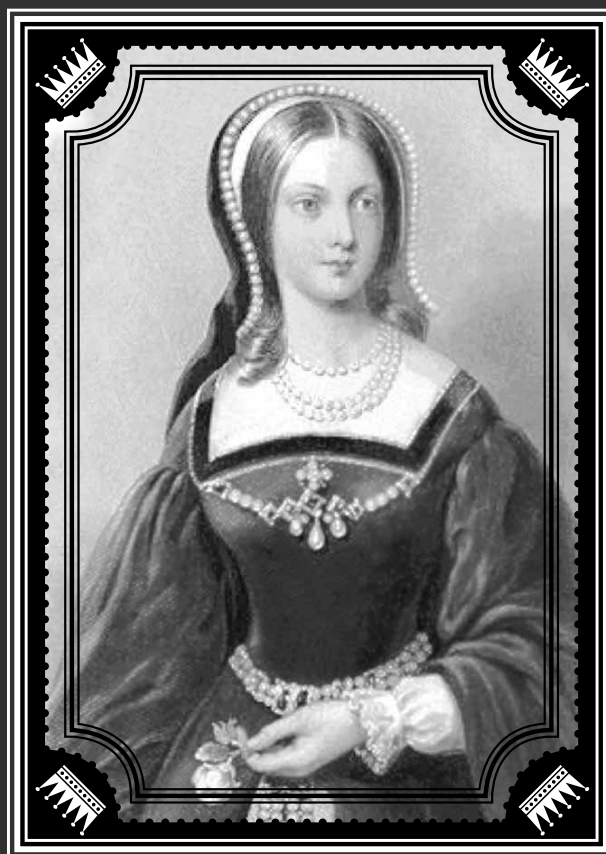

Денис Логинов

КОРОЛЕВА

на девять дней

Мало кому известно о том, что в промежуток после смерти юного короля Эдуарда VI и восшествия на престол его сводной сестры, старой девы и яркой католички Марии, вошедшей в историю с прозвищем «Кровавая», уместились девять дней правления внучатой племянницы короля Генриха Восьмого леди Джейн Грей (в замужестве — леди Дадли). Она окончила свою короткую жизнь на плахе по обвинению в захвате государственной власти 12 февраля 1554 года, хотя была виновна лишь в том, что в ее жилах текла королевская кровь, и что ее родители отличались бешеным тщеславием.

Октябрь 1537 года принес в знатную семью маркиза и маркизы Дорсет очередное разочарование. Маркиза благополучно разрешилась от бремени здоровым ребенком — и это нужно было считать Божьей милостью, поскольку первые две бе-

ременности закончились неудачно: младенцы не выживали. Но... родилась девочка, и раздосадованным родителям оставалось только надеяться, что следующим обязательно будет мальчик — наследник титула и богатств.

Маркиза Фрэнсис Дорсет, в девичестве — леди Фрэнсис Брэндон, была дочерью Марии Тюдор, сестры короля Генриха VIII, считавшейся самой красивой принцессой в Европе. Мария должна была выполнить свой долг принцессы и выйти замуж за того, кого выбрал ей брат, а это был престарелый король Франции Людовик XII. Но к тому времени она уже была влюблена в друга своего брата, Чарльза Брэндона, которому король пожаловал титул герцога Саффолка, и поставила брату условие: если она овдовеет, то ей позволят выйти замуж по собственному усмотрению.

Мария овдовела через три месяца после свадьбы, и после долгих проволочек стала, наконец, герцогиней Саффолк. В этом браке родилось трое детей — сын Генрих и две дочери: Фрэнсис и Элеонора. Генрих умер совсем юным, об Элеоноре и ее супруге Генри Клиффорде практически ничего неизвестно, кроме того, что оба их сына умерли в младенчестве, дочь благополучно вышла замуж, а сама Элеонора скончалась в возрасте 28 лет, почти одновременно с королем Генрихом VIII.

Но вот брак леди Фрэнсис с маркизом Дорсетом имел совершенно непредсказуемые последствия, прежде всего, потому, что маркиза ни на секунду не забывала: в ее жилах течет королевская кровь, и она — четвертая в очереди наследников английской короны после Эдуарда, Марии и Елизаветы.

К тому же горечь от рождения дочери слегка подсластило изве-

стие о том, что у короля Англии наконец-то родился сын от третьего брака короля с Джейн Сеймур, которая умерла вскоре после его рождения от родильной горячки. Если поженить наследника престола и Джейн... о, тогда род Дорсет засияет королевским блеском.

Нужды не было, что король меньше всего думал о будущем браке сына, потеряв любимую жену. Да и невест наследникам престола обычно выбирали из королевских же семей. Леди Дорсет была твердо уверена: раз в ее жилах (а, следовательно, и в жилах малышки Джейн) течет кровь Тюдоров, то они принадлежат к высшей знати.

Сыграло свою роль и то, что Фрэнсис Дорсет почти сразу после замужества стала придворной дамой и пережила в этом статусе многих королев. Что не мешало ей «выполнять свой долг», то есть пытаться, во что бы то ни стало, родить сына. Увы, вскоре после Джейн родилась еще одна девочка, а еще через несколько лет — в тяжелейших родах — еще одна, к тому же — горбунья, что в те времена считалось карой Божьей.

Оставалось надеяться только на Джейн, поскольку она с самого раннего возраста проявляла признаки незаурядного ума, в отличие от своей младшей сестры — Екатерины, которую с превеликим трудом научили читать основные молитвы. Зато Джейн в четыре года бегло читала по-английски и по-латыни и вполне могла поддерживать светский разговор с гостями родителей.

С самого раннего детства ее больше всего на свете волновало лишь собственное развитие и совершенствование. После Реформации, проведенной Генрихом VIII, церковь перестала быть монополистом в вопросах образования, и женщины получили возможность заниматься не только рождением детей, хозяйством и домом, но и самообразованием.

Конечно, подобное могли позволить себе только аристократки. Далеко не все стремились к этому, однако среди англичанок XVI века исследователи насчитывают полтора десятка высокообразованных женщин (в их числе и дочери Томаса Мора, канцлера Англии). Они не только пели и танцевали, играли на музыкальных инструментах, но и свободно читали по-латыни и по-гречески, изъяснялись на итальянском и французском языках. Правда, в жены их брали не слишком охотно...

Джейн Грей выделялась даже на их фоне. Латынь, греческий, французский и итальянский она изучила еще в детстве, позже дополнив этот перечень испанским языком. Этого ей показалось мало, и впоследствии она освоила древнеавилонский, древнееврейский и арабский языки.

Но ее детство не было счастливым, ей часто приходилось сталкиваться с деспотизмом отца и жестокостью матери. Леди Фрэнсис в качестве воспитательных мер признавала только три: пощечину, трость и кнут. Провинности находились часто: Джейн терпеть не могла охоту, танцы, пышные наряды, а ее родители любили все это до самозабвения.

За каждый отказ от развлечений, за слишком скромное платье без украшений следовала порка.

На свою беду, Джейн сносила наказания молча, чем еще больше раздражала мать. Лишенная материнской любви и заботы, девочка находила утешение в занятиях искусством, чтении книг и изучении древних языков. Благо у матери хватило ума взять для нее настоящих учителей, а не только преподавателей танцев и рукоделия.

А время было смутное: порвав все отношения с Ватиканом и став главой так называемой «англиканской церкви», король вверг страну в хаос раздоров, религиозного самоопределения и политической нестабильности. Такого количества узников туманный Альбион не знал ни в один другой период. Родителям Джейн было безразлично, какую религию исповедовать, но Джейн постепенно становилась яркой протестанткой, причем в том возрасте, когда многие девочки еще играют в куклы.

В 1546 году, в возрасте девяти лет, Джейн Грей была отправлена ко двору королевы Екатерины Парр — последней жены Генриха VIII. Там она познакомилась со своими королевскими родственниками: Марией, Елизаветой и Эдуардом. Королева была очень доброй и заботливой женщиной, и годы, проведенные под ее опекой, Джейн Грей считала лучшими в своей жизни.

Но король скончался, и его вдова удалилась от двора в тихую провинцию, а спустя недолгое время вышла замуж за Томаса Сеймура, вто-

*Родители Джейн — Генри Грей,
маркиз Дорсет и леди Брэндон*

рого дядю короля Эдуарда, которого давно любила. Джейн снова вернулась в родительский дом.

Пока на престоле был юный король Эдуард, она могла не опасаться преследований за свою фанатичную веру. Эдуард сам был убежденным протестантом, подробно интересовался всеми государственными делами и был хорошо образован: знал латынь, греческий и французский. С кузиной его связывали очень теплые, более чем дружественные отношения, и как-то раз он со вздохом признался гостившей при дворе Джейн:

— Если бы меня не заставляли обручиться с французской принцессой, я бы сделал тебе официальное предложение. Но мой опекун этого не позволяет.

Эдуард был уже королем — его венценосный отец скончался, когда мальчику исполнилось девять лет. Но королем номинальным — правил от его имени опекун, лорд Сеймур, граф Хертфорд, старший брат его покойной матери. Правил жестко и жестоко, заботясь только о своих интересах. Именно он затеял длительные переговоры с Францией, дабы получить в жены королю Эдуарду одну из французских принцесс. Пусть девицы Валуа были католичками — за корону веру можно и сменить. А богатое приданое пополнит вечно пустую английскую казну.

Он же приказал бросить в Тауэр, а потом обезглавить своего родного брата — Томаса Сеймура. Екатерины Парр уже не было в живых, и помешать лорду-протектору никто не

мог. Фактически, он правил Англией, как собственным поместьем.

Генрих VIII в своем завещании не предусмотрел поста единоличного регента (лорда-протектора) государства и назначил шестнадцать душеприказчиков коллективными регентами до совершеннолетия Эдуарда VI. Однако вскоре после кончины короля, 4 февраля 1547 года, все душеприказчики, подкупленные, по крайней мере, отчасти, землями и титулами, назначили графа Хертфорда лордом-протектором и «опекуном особы короля», а вскоре он, от лица малолетнего государя, присвоил себе титул «герцог Сомерсет».

родственнице и ее супругу. Родители Джейн стали герцогом и герцогиней Саффолк, что было почти пределом их честолюбивых мечтаний. Почти... потому что нужно было достойно выдать замуж двух дочерей (третью, горбунью Екатерину, держали подальше от людских глаз).

Лорд-протектор, отчаявшись дожидаться согласия от французского двора на брак короля Эдуарда VI с одной из принцесс, задумал выдать за него замуж Джейн. Родители девушки были в восторге от того, что вот-вот сбудутся их мечты, но...

Но Джейн и не помышляла о замужестве. Воспитанная в строгих

К

ак только юный король умер, леди Джейн Дадли объявили, что отныне она — королева, и девушка тут же упала в обморок. Понадобилось значительное время, чтобы убедить ее принять корону, к которой она вовсе не стремилась

С марта 1547 года граф получил королевские полномочия единолично назначать членов Тайного совета и консультироваться с ними по желанию. С этого времени Сеймур правил Англией фактически как неограниченный монарх, издавая прокламации и созывая Тайный совет лишь для формального утверждения своих решений.

Скончался и дед Джейн — герцог Саффолк, чей титул, по английской традиции, перешел к ближайшей

нравах пуританства, она практически не принимала участия в светской жизни, если только ее к этому не принуждали. Кроме того, она отличалась добротой, покладистым нравом и необыкновенной религиозностью. Джейн была воспитана в протестантской вере, и все ее ближайшее окружение было враждебно настроено против католицизма.

А звезда лорда-протектора уже закатывалась. В 1549 году группой наиболее знатных лордов он был об-

Джейн Грей

винен в государственной измене, лишен своего поста и отправлен в Тауэр, где был казнен два года спустя по указу нового лорда-протектора герцога Нортумберлендского, кстати, близкого друга герцога и герцогини Саффолк, родителей Джейн.

Хотя впоследствии молва заклемила герцога как подлого интригана, при нем положение в стране было относительно стабильным. Он прекратил неудачные войны с Францией и Шотландией, начатые Со-

мерсетом, провел важные финансовые реформы, но предопределил собственное падение тем, что готовил королевский трон для своего младшего сына, причем намеревался сделать это весьма хитроумным способом.

Юный король Эдуард VI, унаследовавший от своей матери хрупкое здоровье, слабел на глазах у придворных. Вскоре стало ясно, что ни о какой королевской свадьбе и речи быть не может — у короля обнару-

Король Эдуард VI

жился прогрессирующий туберкулез. В начале 1553 года уже ни у кого не было иллюзий относительно состояния короля, вопрос был лишь в том, сколько недель или, возможно, месяцев ему осталось дышать.

Джейн к этому времени из нескладного подростка превратилась в очаровательную стройную девушку, сероглазую, с «тюдоровскими» темно-рыжими волосами. Ее по-прежнему интересовали только наука и молитва, но в один далеко не прекрасный день родители объявили, что ее руки просит младший сын герцога Нортумберлендского, молодой красавец Гилфорд лорд Дад-

ли, и что свадьба состоится в ближайшие дни.

Джейн восприняла эту новость с подобающим христианке смирением: сама она о замужестве не думала, но понимала, что это неизбежно, и что супруга ей будут выбирать родители.

В начале мая 1553 года герцог Нортумберлендский объявил о женитьбе своего сына на леди Джейн. Никто не увидел в этом ничего подозрительного. Венчание состоялось 21 мая 1553 года, то есть за полтора месяца до смерти короля Эдуарда. Молодожены провели вместе только одну ночь, после чего Гилфорд вернулся к прежнему образу жизни, весьма далекому от благопристойного, а Джейн переехала во дворец герцогов Нортумберлендских, где никто не мешал ей читать книги и молиться, и уж тем более — не бил.

Существует версия, что герцог Нортумберлендский силой принудил Джейн к замужеству со своим сыном, зная о пошатнувшемся здоровье молодого короля. Тогда, возможно, является правдой и то, что к смертельной болезни Эдуарда VI он имел самое прямое отношение.

Умело играя на ненависти короля к католичеству, герцог заставил Эдуарда подписать «Закон о наследии». По нему дочери Генриха VIII — принцесса Мария и ее сводная сестра принцесса Елизавета — из претендентов на престол исключались, как незаконнорожденные. Королевой должна была стать герцогиня Фрэнсис Саффолк, внучка короля Генриха VIII.

Под давлением герцога 21 июня 1553 года подписи под новым документом о наследовании поставили все члены Тайного совета и более сотни аристократов и епископов.

Но леди Фрэнсис, вовсе не желавшая исполнять нудные обязанности главы государства, категорически отказалась от престола (на что лорд-протектор и рассчитывал). Она предпочитала охоту, балы и молодых любовников, тем более, что ее муж любезно закрывал на все это глаза: врачи уже вынесли вердикт, что больше детей у леди Фрэнсис не будет, а только это и имело значение в их браке.

Объявление Джейн Грей наследницей престола было полным разрывом с английской традицией престолонаследия. По аналогичному закону, подписанному Генрихом VIII в 1544 году, Эдуарду, при отсутствии у него детей, наследовала Мария, ей — Елизавета, а уже потом — наследники Фрэнсис Брэндон и ее сестры Элеоноры.

Определяя в качестве наследников детей Фрэнсис и Элеоноры, а не их самих, Генрих VIII, очевидно, надеялся на появление у них потомства мужского пола. Поэтому решение Эдуарда VI, отстранив от наследования сестер и саму Фрэнсис Брэндон, объявить своей преемницей Джейн Грей было воспринято в английском обществе как незаконное.

Более того, очевидная заинтересованность герцога Нортумберлендского в коронации Джейн Грей породила опасения английской аристократии в том, что реальная власть

будет принадлежать ему, уже проявившему себя авторитарным регентом в период правления Эдуарда VI.

Летней ночью 1553 года Эдуард VI умер в возрасте шестнадцати лет в Гринвичском дворце так тихо и спокойно, что факт его смерти можно было скрывать всю эту ночь и весь следующий день.

Требовалось лишь не разглашать о смерти Эдуарда прежде, чем Мария, дочь Генриха VIII от первого брака, будет заточена в Лондонской Башне, и все будет готово для провозглашения королевой леди Джейн Грей.

Леди Джейн, шестнадцатилетняя девушка, которая была слишком далека от политических игр своего свекра, даже не старалась понимать происходящее. Она, конечно, сознавала, что стала всего лишь пешкой в руках клана Дадли, но ничего сделать уже не могла. Разве что молиться.

Когда стало ясно, что Эдуард умирает, Совет послал за Марией, и она уже находилась в 25 милях от Гринвича, но тут до нее дошли слухи о новой претендентке на трон, и она решила на какое-то время уехать подальше от Лондона и собрать вокруг себя своих сторонников.

Как только король умер, герцог Нортумберлендский отправил своего старшего сына сэра Роберта с отрядом конной стражи за леди Джейн Дадли. Когда ей объявили, что отныне она — королева, девушка упала в обморок. Понадобилось значительное время, чтобы убедить ее принять корону, к которой она не

стремилась. Когда ее все же удалось уговорить, она встала и заявила собравшимся лордам, что «если ей суждено царствовать, то она просит Божьего благословения на управление страной во славу Бога и на пользу своего народа».

Юную леди Джейн привезли в загородный дом свекра на Темзе. Прибыв туда в лодке, леди Джейн не застала никого. Но вскоре начали съезжаться великие лорды: сам президент Совета герцог Нортумберлендский, маркиз Вильям Парр, граф Франциск Гастингс, граф Пемброк, граф Арундель. Арундель и Пемброк первые преклонили колени перед леди Джейн и поцеловали ей руку,

приветствуя как королеву. (Они же через несколько дней первыми покинули юную королеву и отправились присягать на верность Марии).

Прибыл и лорд Гилфорд Дадли, после чего его отец объявил, что Гилфорд будет коронован вместе со своей супругой. Таким образом, подразумевалось, что будущий сын Джейн и Гилфорда Дадли (внук герцога Нортумберлендского) станет королем Англии. Это было весьма опрометчиво со стороны герцога, поскольку большинство его коллег-лордов о таком повороте пока даже не задумывались. Юность же будущих короля и королевы, их полная неискренность в придворных и политических

делах позволяла с уверенностью предположить, что некоронованным королем станет герцог Нортумберлендский.

Высокопоставленные лорды стали потихоньку покидать леди Джейн, которую, согласно обычаю, 10 июля перевезли в Тауэр. Жители Лондона не выказывали никакой радости при виде кортежа — они были уверены, что истинная претендентка на трон — это принцесса Мария. А по спине у Джейн пробежал холодок, когда она случайно узнала, что особые покои, в которых ее со всей пышностью поселили в ожидании коронации, повидали двух приговоренных к обезглавливанию королев: Анну Болейн и Екатерину Говард, дожидавшихся здесь своего смертного часа.

В пять часов вечера того же дня официально объявили о смерти короля и огласили его последнюю волю. Джейн провозгласили королевой. После ужина маркиз Винчестер, лорд казначей, принес ей королевские бриллианты и корону, которую попросил примерить. Корона оказалась ей впору. Тогда Винчестер спросил, когда она прикажет заказать другую корону?

— Для кого? — изумленно осведомилась Джейн.

— Для лорда Гилфорда, вашего супруга, — ответил маркиз. — Предполагается ведь и его коронация.

— Корона — не игрушка для мальчиков и девочек, — отрезала леди Джейн.

Она прекрасно знала, что возвести ее супруга в королевский сан имел право только парламент, и не

*Гилфорд лорд Дадли —
муж Джейн*

желала нарушать законы. Присутствовавший при этом разговоре лорд Гилфорд расплакался и вышел из ее комнаты.

Разъяренный герцог Нортумберлендский заявил королеве, что она обязана короновать и своего супруга — Гилфорда. Джейн отказалась, объяснив свое желание тем, что, раз она королева, то может пожаловать своему супругу титул герцога, но уж никак не короля. Мать Гилфорда Дадли была вне себя от гнева и сказала сыну, чтобы тот больше не делил с женой постель, что весьма порадовало леди Джейн, которая в первую супружескую ночь не испытала ничего, кроме боли и отвращения.

На следующий день пришли дурные вести из восточных графств. Лорд Роберт не сумел захватить Марию. Лорд Арундель поспешил уве-

домить ее о смерти короля, и она заперлась в Кенингском замке, провозгласила себя там королевой и разослала письма во все графства и города, призывая к себе на помощь свой верный народ.

Герцог Нортумберлендский, при всей своей дальновидности, не рассчитывал на то, что принцесса Мария избежит ареста и соберет армию. В официальном письме Мария объявляла о своих правах на престол. Кроме того, значительная часть знатнейших аристократов Англии двинулись из Лондона в Кенинхолл, чтобы примкнуть к армии сторонников принцессы Марии. Города и графства Англии один за другим объявляли Марию своей королевой.

Все говорило о том, что наступит жестокая борьба между дворянами и простолюдинами Англии: сквайры и народ стояли за королеву Марию, и лишь небольшая горстка аристократов — за королеву Джейн. Герцог Нортумберлендский по просьбе Совета возглавил спешно собранное войско, которое послали против королевы Марии. Но первый отряд в 600 человек со многими орудиями выступил из Лондона лишь три дня спустя.

Мария не стала ждать его прихода, она предпочла бежать, и за один день преодолела 40 миль. В дороге она едва не попала в плен неприятельскому отряду под предводительством сэра Роберта, но нескольких ее слов было достаточно, чтобы побудить весь отряд перейти на ее сторону. Многие знатные дворяне в тот день встали на защиту королевы Марии.

Чем дальше углублялся лорд Дадли в восточную Англию, тем упорнее становилось сопротивление местных жителей. Мария была теперь в Фамлингамском замке. Несколько кораблей, посланных арестовать Марию, перешли на ее сторону и доставили ей оружие и продовольствие. Дадли послал в Лондон за свежими войсками, поспешно двинулся вперед и занял к ночи Кембридж.

Герцог Нортумберлендский стоял во главе войска, насчитывавшего не более 3000 человек, которому надлежало одержать победу над армией мятежной принцессы, чьи войска в десять раз превосходили его собственные силы. В условиях массового дезертирства он, в результате, вынужден был отступить и признать свое поражение.

В это время знатные лорды в Лондоне покидали Джейн, как крысы покидают тонущий корабль. В Королевском совете не было согласия. Англия тоже разделилась. Джейн сочувствовали, но все же большинство народа стояло за Марию. На девятый день Королевский совет отступился от королевы. Только Крамнер и Грей, ее отец, остались ей верны. Армию также точила измена.

2 августа герцог Саффолк вошел к дочери в тронный зал и произнес историческую фразу:

— Сойди, дитя мое. Здесь тебе не место.

Джейн, которая восседала на троне в полном одиночестве, как послушная дочь немедленно повиновалась. Ее девятидневное царствование закончилось.

На следующий день принцесса Мария торжественно въехала в Лондон. Леди Джейн, ее муж Гилфорд Дадли и отец герцог Саффолк были заключены в Тауэр и приговорены к смерти.

Однако Мария долго не могла решиться на подписание приговора суда — она сознавала, что шестнадцатилетняя девушка и ее юный супруг не самостоятельно узурпировали власть, кроме того, ей не хотелось начинать репрессиями свое царствование в разделенной

зато она горько оплакивала судьбу своего несчастного отца, который из любви к ней, как она считала, дошел до плахи.

Родственники и советники Джейн почти все, мало-помалу, перешли в католическую веру. Герцога Саффолка неожиданно для всех вскоре помиловали, однако уже в следующем году он принял участие в восстании против королевы Марии. Это была новая попытка свергнуть «католическое» правительство Марии I и, возможно, возвести на престол

3

натные лорды в Лондоне покидали Джейн, как крысы покидают тонущий корабль. Англия разделилась — Джейн сочувствовали, но все же большинство народа стояло за Марию. На девятый день Королевский совет отступился от королевы. Армию тоже точила измена

между католиками и протестантами Англии.

Герцога Нортумберлендского казнили 22 августа 1553 года. Его сын, сидя в соседней с женой камере, целыми днями вырезал на стене ее имя. До свадьбы они были знакомы лишь несколько дней, а женаты всего пару месяцев. Он не мог стать королем без одобрения парламента, но должен был пойти вместе с ней на плаху. Гилфорда Джейн знала до свадьбы лишь несколько дней, вышла замуж из послушания родительской воле и никогда не была его женой в полном смысле этого слова,

томящуюся в Тауэре Джейн, попытка, закончившаяся бесславным провалом и окончательно определившая судьбу «девятидневной королевы». Но Мария никак не могла решиться отдать приказ о казни девушки, ни в чем, кроме своего происхождения, не виноватой.

Окружение настойчиво убеждало ее, что леди Джейн необходимо казнить, поскольку она неизбежно станет знаменем и символом протестантских мятежей, пусть даже против своей воли. Елизавета уже приняла католичество, присягнула на верность Марии и, от греха подальше,

отбыла в самое дальнее свое поместье, ее можно было не опасаться как соперницы. Последняя прямая законная наследница короны — шотландская королева Мария Стюарт — вышла замуж и вскоре стала французской королевой. Оставалась Джейн...

Мария решила прибегнуть к последнему средству, чтобы спасти жизнь своей юной родственницы: обратить ее в католичество и отправить в ссылку под надежной охраной. В этом плане не было ничего нереального, кроме того, что леди Джейн предпочитала смерть перемене веры и была в этом вопросе непоколебима, как все фанатики. Попытки священников, посылаемых к ней королевой Марией, дабы спасти ее бессмертную душу, не увенчались успехом. Они говорили Джейн о вере, о свободе, о святости, но она была лучше них знакома со всеми этими вопросами и кротко попросила позволить ей провести немногие часы своей жизни в молитве. Обратить ее в католичество за короткий срок оказалось невозможно. Казнь пришлось отложить на неопределенное время.

Джейн огорчила дарованная ей отсрочка смертной казни — умирать ей не хотелось, в семнадцать лет никому не хочется умирать, но она не желала, чтобы королева подарила ей лишний день жизни в надежде заставить ее отступить от своей веры. Вполне возможно, что она так и осталась бы в заключении до конца своих дней (или дней королевы Марии), но тут произошло со-

бытие, резко все изменившее. Руки Марии — безнадежной старой девы, всю жизнь мечтавшей о муже и детях, — попросил испанский инфант Филипп, молодой, красивый, амбициозный. Разумеется, в ответ последовало «да» потерявшей голову от счастья королевы.

Но жених выдвинул одно условие: свадьба состоится лишь после казни Джейн Грей. Сохранять жизнь закоренелой еретичке, отвергающей все попытки обратить ее в истинную веру, недостойно католических монархов.

Мария не нашла в себе сил отказаться от вожаемого брака, и через семь месяцев после заключения в Тауэр, наконец, решилась передать соперницу в руки палача. Она не смогла заставить Джейн отступить от веры и подвергла ее жестоким душевным мукам: велела казнить Гилфорда и провезти его труп мимо окон темницы, приказала воздвигнуть плаху для несчастной Джейн прямо под окнами ее темницы, запретила пастору готовить Джейн к смерти и заставила лорда Грея присутствовать при казни дочери.

Рано утром 12 февраля 1554 года, до рассвета, раздался стук молотков: это были плотники, воздвигавшие эшафот, на котором леди Джейн должна была умереть. Взглянув в сад, она увидела роту стрельков и копейщиков и Гилфорда, которого вели на казнь. Джейн села у окна и начала спокойно ждать. Прошел час, долгий час, и вот до ее слуха донесся стук колес по мостовой. Она знала, что это была телега

с телом Гилфорда, и встала, чтобы проститься с мужем.

Через несколько минут пришли и за ней. Обе ее фрейлины громко рыдали и едва волочили ноги; Джейн, вся в черном, с молитвенником в руках, спокойно вышла к эшафоту, прошла по лужайке мимо выстроенных строем солдат, поднялась на эшафот и, обратившись к толпе, тихо произнесла:

— Добрые люди, я пришла сюда умереть. Заговор против ее величества королевы был незаконным делом; но не ради меня оно совершено, я этого не желала. Торжественно свидетельствую, что я не виновна перед Богом. А теперь, добрые люди, в последние минуты моей жизни не оставьте меня вашими молитвами.

Она опустилась на колени и спросила у католического священ-

*Надпись «Джейн»,
выцарапанная
Гилфордом на стене
его камеры в Тауэре*

ника, единственного духовного лица, которому Мария дозволила присутствовать при казни Джейн:

— Могу я произнести псалом?

— Да, — пробормотал он.

Тогда она внятным голосом проговорила:

— Помилуй меня, Господи, по вещи милости твоей, по множеству щедрот твоих очисти меня от беззаконий моих...

Окончив чтение, Джейн сняла перчатки и платок, отдала их фрейлинам, расстегнула платье и сняла вуаль. Палач хотел помочь ей, но она спокойно отстранила его и сама завязала себе глаза белым платком. Тогда он припал к ее ногам, умоляя простить его за то, что должен был совершить. Она прошептала ему несколько теплых слов сострадания, а потом громко сказала:

— Прошу вас, кончайте скорее!

Джейн опустилась на колени перед плахой и стала искать ее руками. Солдат, стоявший возле нее,

взял ее руки и положил на нужное место. Тогда она склонила голову на плаху и произнесла:

— Господи, в руки твои передаю Дух мой.

Секира палача ярко блеснула под солнцем, и жизнь «девятидневной королевы» завершилась. Спустя одиннадцать дней был казнен и ее отец, лорд Грей.

Через полгода Мария вышла замуж за Филиппа — сына Карла V. Он был на двенадцать лет моложе своей жены. По брачному договору Филипп не имел права вмешиваться в управление государством; дети, рожденные от этого брака, становились наследниками английского трона. В случае преждевременной смерти королевы Филипп должен был вернуться назад в Испанию.

Мария I правила всего пять лет, но за это время успела заслужить прозвище «Кровавая». Все годы ее правления лондонские тюрьмы были переполнены. Однако усилия

по борьбе с новой верой пропали впустую. Королева оказалась бездетной.

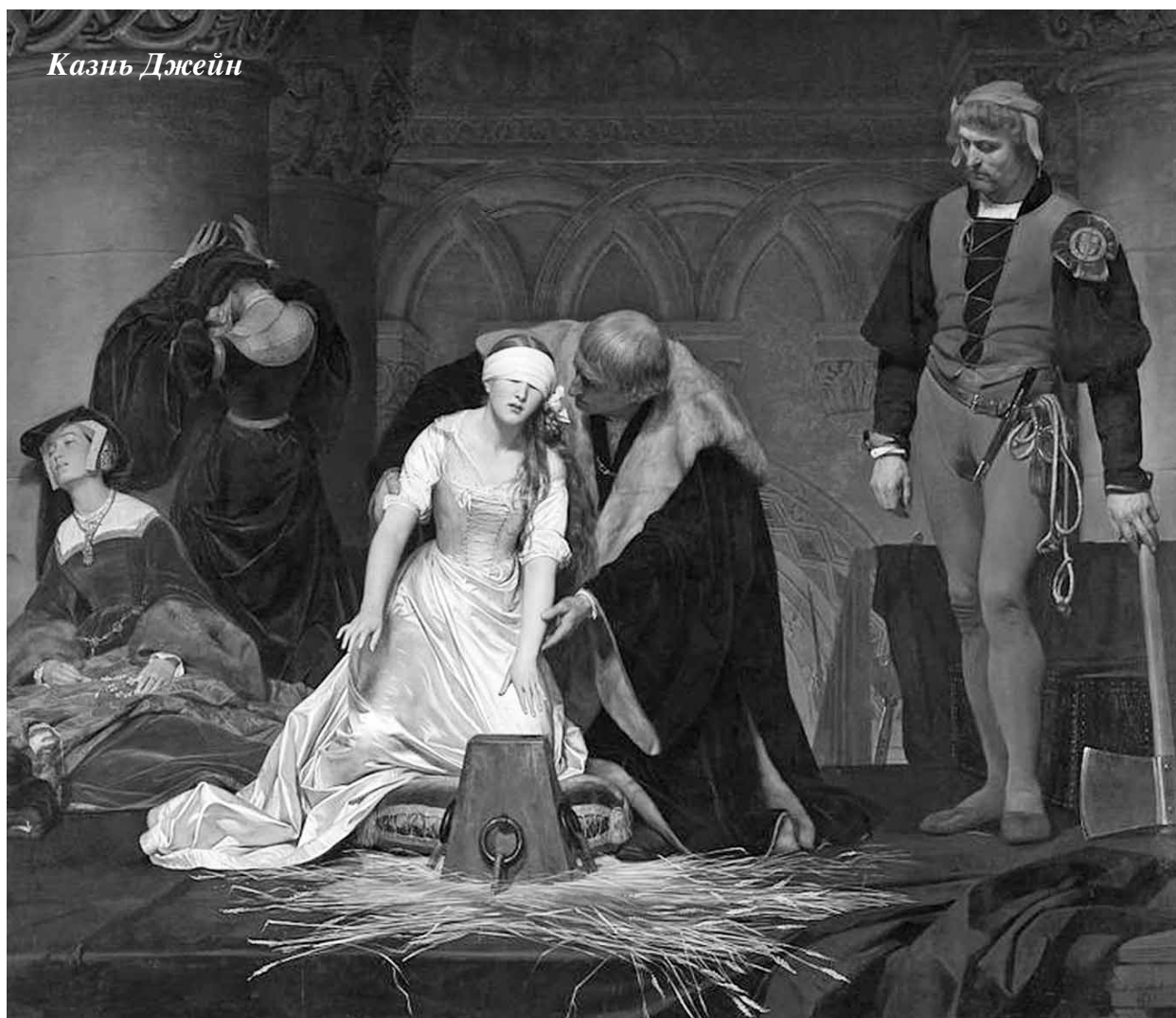
Через четыре года после свадьбы Мария серьезно занемогла. Почти одновременно с этим, в октябре, в Лондон пришли вести о смерти Карла V. Филипп, ставший королем Испании, интересовался теперь лишь бескровной передачей английской короны Елизавете и сохранением дружественных отношений с новой королевой.

Мария тоже беспокоилась за судьбу страны. 28 октября она утвердила завещание в пользу Ели-

заветы. 8 ноября, когда она уже впала в бессознательное состояние, ее посланники передали Елизавете устное благословение королевы. Рано утром 17 ноября Мария ненадолго пришла в сознание, отслушала католическую мессу и вскоре тихо скончалась.

Ей наследовала сводная сестра, та самая Елизавета I Тюдор, которая была протестанткой, перешла в католичество, но на трон взошла вновь убежденной протестанткой. Уверена, что о Джейн Грей она даже не вспомнила.

К чему? □

СЮДА

НЕ ВЕРНУТСЯ

В тот год стояло очень жаркое лето. Дождей не было больше двух месяцев. Под горячим солнцем на дорогах плавился асфальт, растекаясь к обочинам черными застывающими волнами. Трава в парках и скверах превратилась в желтые, колючие иголки, а с повисших блеклых крон деревьев облетала по-осеннему сухая листва. В ежедневных новостях показывали раскаленные от зноя, затянутые едким дымом горящих торфяных болот, задыхающиеся города. Бесчисленные лесные пожары выжигали дотла стоящие у них на пути деревни.

Поэтому, когда в начале августа мне пришлось срочно ехать в один город, я совершенно не испытал радости. Прохлада работающего днем и ночью кондиционера стала единственным спасением в эти дни, и не хотелось лишний раз выходить на улицу. Но, к сожалению, поездка была важной, и отменить ее было невозможно.

Вечером я тщательно вымыл машину и оставил ее на ночь под окнами своего дома. Ранним утром на стеклах и зеркалах сверкали редкие капли росы, и казалось, что дорога будет легкой. Но стоило мне выехать, как весь автомобиль сразу покрылся ржавым налетом. В полдень термометр на приборной панели уже показывал температуру +39,8.

До конечного пункта оставалось еще половина пути, когда у меня закончилась питьевая вода. Сзади под сиденьями с глухим стуком перекачивались две пустые пластиковые бутылки. Я смотрел направо, стараясь не пропустить придорожный магазин или заправочную станцию. И вдруг

в листе мелькнул едва заметный указатель с названием какой-то деревни. Я перестроился в крайнюю полосу и сбросил скорость — возле домов обязательно должны быть водопроводные колонки или колодцы.

Пыль из-под колес облаком взметнулась вверх и заволокла все вокруг, лишь только машина съехала на обочину. Я остановился и заглушил двигатель. Несколько минут просто сидел, откинувшись на кресле и закрыв глаза, пережидая, когда воздух снаружи станет чище. До этого момента я даже не догадывался, как сильно вымотался за рулем. На меня навалилась усталость, и нужно было хотя бы немного отдохнуть и размяться, прежде чем двигаться дальше.

Я потянулся, с хрустом расправляя спину и плечи, нашарил рукой бутылки, подобрал их и вышел из машины. Мне пришлось пройти немного назад, чтобы найти тропинку, которая проходила под деревьями и вела к домам за ними. Местами она так сильно заросла, что совсем пропадала в сухой траве. Я перешел через канаву с обвалившимися краями и покрытую потрескавшейся от палящего солнца землей. На дне валялись кучи веток и мусора, накопившиеся там за многие годы. Сразу за деревьями начинался бурьян, где дорожка окончательно исчезала. Я осмотрелся. До ближайшего дома было метров двадцать. От забора остались только столбы и четыре-пять перекладин, почти целиком скрытые кустами малины и высокой травой. Окна были заколочены крест-накрест досками, а сам дом перекосялся на левую сторону. Правее, на соседнем дворе, на фоне темно-голубого неба чернели останки сгоревшей стены с зияющими дырами и обуглившимися рамами без стекол. Скрюченные скелеты деревьев почти вплотную подступали к ней. Чуть дальше виднелась небольшая насыпь с редкими березами. Я решил, что там был выкопан пруд. За ним шли еще полдюжины разваливающихся от старости домиков. Я посмотрел налево, где выстроились в ряд точно такие же избышки. Все они были серыми, потрепанными и запущенными. Некоторые даже не были обнесены заборами. В глубине дворов росли заброшенные яблони и вишни. Через два дома стоял деревянный колодец.

Мне не хотелось идти назад к машине и искать другое место, чтобы набрать воды. Повернув к колодцу, я стал продираться сквозь густой репейник и чертополох. Где-то невдалеке слышалось негромкое кудахтанье кур. Вокруг стрекотали кузнечики. Белые капустницы разлетались у меня прямо из-под ног. Солнце нещадно припекало мне спину и голову, пока я шел, спотыкаясь о кочки и корни.

Колодец выглядел таким же старым, как и все здесь. Навес из досок прогнил и вряд ли защищал от дождя. Ведра нигде не было, а цепь свисала прямо вниз. Я с опаской взялся за ручку и попробовал повертеть вал.

Опоры опасно зашатались и заскрипели, когда цепь внезапно натянулась, и где-то глубоко внизу послышался тихий плеск. Я начал медленно крутить ручку, осторожно вытягивая ведро с водой, которое плавало внутри.

Недалеко от меня что-то тихо стукнуло. Обернувшись, я увидел на пороге дома напротив седого старичка в шароварах и выцветшей рубашке с закатанными до локтей рукавами. Прикрывая ладонью глаза от солнца, он пристально разглядывал меня. Когда наши взгляды встретились, он опустил руку и, мне показалось, разочарованно поник. Я отвернулся, чтобы подтянуть ведро и поставить его на край колодца. Мне никогда не нравилось внимание незнакомых людей и хотелось быстрее уйти от них. Открыв бутылки, я стал торопливо наполнять их водой.

— День добрый! — послышалось негромкое приветствие со стороны дома.

Я увидел, как старичок аккуратно спускается по ступенькам, чтобы подойти ко мне, и неохотно отозвался:

— Здравствуйте.

— Далеко едешь, сынок?

— В город.

— Понятно, — кивнул он головой, подходя ко мне ближе и становясь рядом. — Все туда едут... А по делам или просто?

— По делам.

— Вода холодная тут всегда была. Самое то нынче.

Он протянул руку и потрогал навес:

— Ремонтировать бы его надо...

Я не обращал на деда внимания и закручивал крышки. Если бы не он, мне не пришлось бы спешить, и можно было бы попить воды прямо здесь. А так придется потерпеть до машины и потратить ее из бутылки. Жаль...

Дед медленно обходил колодец, осматривая его со всех сторон.

— Ты оставь ведерко на земле, мы потом сами его пристроим куда-нибудь.

Я пожал плечами и переставил ведро вниз.

Дед взглянул на мои бутылки с водой и неожиданно попросил:

— Послушай, сынок, наполни и мне ведерко. Давно я не пил из колодца. Не поднять уже. Тяжело. Оно ведь пуд теперича весит... — Он засуетился, как будто боялся опоздать. — Я сейчас принесу. Подождешь?.. — И, переваливаясь с ноги на ногу, заспешил к дому, даже не дав мне ничего ответить.

Внутри что-то рухнуло, раздался звон, и через минуту дед появился в дверях с двумя ведрами в каждой руке. Тяжело хромя, он уже с порога начал беззлобно ругаться:

— Забыл я, что они вместе стояли, сукины дети... Вот ведь память стала! И глаза не видят...

Следом за ним на крыльцо выглянула маленькая старушка, одетая, не смотря на обжигающее солнце, в темную юбку, темную телогрейку и белый платок на голове. Она с любопытством посмотрела на меня.

— Дед! Да стой ты! Никуда я не уйду!.. — Я, не выдержав, подскочил к нему и отобрал ведро. — Ух, дед! Ты чего? Так ведь и убится можно! Наберу я тебе воды!

— Да ведь мало ли что? А вдруг ты торопишься? — Он озорно улыбнулся мне, показав редкие зубы.

— А чего у вас ведро в колодце-то плавало? — улыбнулся я в ответ. — Тиной покрываться уже стало.

— Так ведь некому поднять его! Оно упало вниз, а вытянуть — ни у кого сил уже не хватает.

— А где же вы воду берете?

— Да тут за Михалычем пруд есть. Так мы к нему с бидонами ходим. — Дед медленно ковылял за мной к колодцу, часто останавливаясь, чтобы перевести дух. — Оно еще в ноябре туда свалилось. Ветер был сильный. Моя вон даже переживала — слива-то у нас открытая стоит, снега нет. Так она чуть не замерзла. Слива, то есть, — уточнил он. — А ведро так и осталось внизу. За ночь примерзло, а отодрать днем уже не смогли.

— Ну, ясно...

Хотя дед и перестал меня раздражать, тратить время на разговоры с ним я не хотел. Нужно было ехать дальше.

Он прислонился к колодцу, наблюдая, как я достаю воду, и думая о чем-то, а затем как-то виновато обратился ко мне:

— Слушай, сынок, ты все равно ведь в город едешь — может, отправишь весточку там?

Я со скрежетом наматывал на вал цепь и замешкался с ответом.

— Подождешь пару минуток? Мы сейчас быстро управимся...

Прежде чем я успел открыть рот, он заторопился назад, сказал что-то старушке, и оба исчезли в доме.

Я едва не накрутил на вал ведро вместе с цепью.

Шли минуты. Из дома никто не показывался. Вытерев со лба пот и проклиная про себя деда, я перелил воду и пошел с ведрами к крыльцу. Деревянные ступеньки у него прогнили, просели и заросли мхом, а перила и вовсе отсутствовали. Вблизи дом выглядел совсем старым. Возле входа стоял рассыпавшийся веник, покрытый паутиной, и пара ржавых металлических тарелок. Я толкнул носком ботинка дверь. Петли жалобно скрипнули, и она тяжело распахнулась внутрь. После яркого солнца я почти

ослеп в темных сенях. Воздух там был влажный и душный. Пахло плесенью, и где-то с жужжанием бились о стекло мухи.

— Дед! — позвал я. — Куда ведра поставить?

— Заходи, заходи. Вот тут на скамейку поставь их, — откуда-то из-за угла вынырнул старик. — Извини, замешкались мы. Не найдем никак одну бумажку...

— Вась! А когда ты ее в последний раз видел-то? — перебил его голос бабки где-то за стенкой.

— Не помню. В шкафу лежала точно. В коробке! — громко отозвался дед и снова обратился ко мне. — Ты проходи, сынок. Мы сейчас все сделаем. Может чайку тебе пока налить?

— Нет, спасибо. Жарко ведь, да и идти мне уже надо.

— Ну, хоть присядь на минутку, — попросил он, уступая мне проход.

Я вошел в небольшую комнату. В одном углу почти полстены занимала облупившаяся печка, прикрытая разноцветной шторкой. Рядом с ней у окна приютился маленький столик с иконками и тускло горящей лампадкой на полке. Вдоль противоположной стены выстроились старый потертый сервант и коричневый шкаф, в который почти наполовину залезла старушка, а посередине комнаты под красным абажуром с одной единственной лампочкой стоял стол, накрытый кружевной скатертью, со свечкой и несколькими огарками на блюде, и три стула вокруг него. В комнате царил сумрак из-за узких окошек, которые, к тому же, были закрыты занавесками из марли.

— Здравствуйте, — поздоровался я.

— Ой! — раздалось в ответ, и бабка исчезла в шкафу.

— Ты чего это, старая? — Дед протиснулся сбоку от меня и поспешил к ней на помощь.

— И не говори... — В шкафу послышалось кряхтение. — Ноги как чужие уже стали.

— Вы там живы? — поинтересовался я, подходя к ним. — Не ушиблись?

— Там мудрено ушибиться-то, — ответил дед, стараясь вытянуть бабку за руку из вороха одежды и тряпок. — Барахла до верха набито.

Я подхватил старушку под вторую руку, и мы вдвоем поставили ее на ноги. Стоя у шкафа, она отряхивала юбку и поправляла сбившийся на голове платок.

— Здравствуйте, — наконец ответила она мне. — Вы уж извините нас, что так заставили ждать из-за пустяка.

— Ерунда, — отмахнулся я. — Вы не ударились?

— Бог миловал, — вздохнула бабка и посмотрела на деда: — Ступай, сам ищи. Второй раз я туда не полезу.

— А что вы ищите-то?

— Да бумагу, на ней адрес записан был, — отозвался дед, заглядывая в шкаф. — Ведь помню, как сам сюда ложил. Значит, тут она и лежит.

Мне начинала надоедать вся эта волокита. Я посмотрел на окна и вдруг вспомнил, что на улице остались бутылки с водой, которые было невозможно унести вместе с ведрами и которые грелись на солнце.

— Пойду, воду свою принесу пока, — сказал я. — Сейчас вернусь.

— Ты только не уходи, сынок, — попросил меня дед, вытаскивая из шкафа какой-то перевязанный сверток и передавая его бабке.

— Не уйду.

Я добрался на ощупь до двери, открыл ее, и меня сразу обдало сухим горячим воздухом с улицы. Шурясь от яркого света, я смотрел на колодец, на краю которого стояли две мои наполненные бутылки, и вдруг подумал, что могу со стороны очень странно выглядеть — незнакомый человек выходит один на крыльцо чужого дома. Соседи еще решат, что я что-то сделал со стариками.

Я поскорее поспешил к колодцу, взял по бутылке в каждую руку и оглянулся. Нигде не было видно ни души. В соседних домах давно никто не жил. У одного из них крыша провалилась внутрь. Другой так сильно зарос травой, что подойти к нему можно было только уже с косой. Среди высоких лопухов стояла серая, почти незаметная доска с перекладиной ближе к верху — остатки забора, похожие на крест. Как грустная и удручающая память, оставшаяся от живших там людей.

Я отвернулся и пошел обратно к старикам, надеясь, что за это время они уже нашли то, что искали.

Когда я вошел в комнату, дед стоял на коленях перед шкафом и вытаскивал снизу валенки. Бабка сидела у столика с иконками перед листком бумаги, держа в руке карандаш, и о чем-то думала.

— Вернулся, сынок? — обрадовался мне дед.

— Я же обещал.

— Вы садитесь пока, — попросила старушка, — зачем на ногах стоите-то?

Я послушно подошел к столу в центре и присел на стул. В доме стало тихо. Только дед иногда чем-то шуршал в шкафу.

— А что, в деревне никто уже не живет? — спросил я ее, чтобы хоть чем-то занять себя.

— Молодые все разъехались. Работы здесь нет ведь никакой для них. А старики все уж умерли.

— А вы чего не уехали? — Вопрос был глупым, и мне стало неловко за него.

— Так, а где нас ждут-то? — горько спросила старушка. — Нет, нам тоже помирать здесь...

Я промолчал.

— Нас тут всего два дома осталось, — продолжала она. — Олеговна, да мы вот вдвоем. А вы издалеча едете-то? Что там нового в городе?

— Машин много стало, — ответил я первое, что пришло в голову. — Воздух от них грязный.

— Ну, это и отсюда видно, — усмехнулась бабка. — А вы к нам переезжайте. Раньше, конечно, здесь лучше было — люди жили, скот держали, поля засевали. Теперь нет этого. Но все равно тут и воздух чище, чем в вашем городе, и лес вокруг.

— Нет, не перееду, — улыбнулся я. — У меня тоже там работа. Да и куда я приеду? Даже дома тут нет.

— Да. Дом надо новый строить, — согласилась со мной старушка. — В старых не проживешь уже... Хотя вы правы, не надо ехать сюда.

— Не проживешь. Да и кресты у вас тут во дворах стоят, — пошутил я. — Как вот на соседнем с вами.

— А как же иначе? Ведь она православная была. Нельзя без креста. Никак...

— Ну, это понятно... — хмыкнул я, рассматривая на стене часы с кукушкой. — Просто как на кладбище получается...

Часы показывали половину третьего. Маятник неподвижно висел на месте, под ним, на тонких цепочках, замерли черные от времени шишечки, одна чуть повыше другой.

И вдруг тишина в доме стала слишком отчетливой. Я украдкой перевел взгляд на стариков. Дед стоял на коленях среди вороха вещей, опустив глаза на пыльный деревянный пол, а бабка печально смотрела на меня.

— Получается, что так... — тихо сказала она.

Мне вдруг стало нехорошо от какого-то предчувствия. По спине побежали мурашки.

— Как на кладбище, — еле слышно повторил дед, поднял голову и, посмотрев на меня, невесело улыбнулся: — Не бери в голову, сынок...

Где-то глубоко в моем сознании вдруг зашевелился какой-то страх. Во рту сразу сделалось сухо, а стул подо мной стал твердым и холодным, как камень. Я ощущал его каждой клеткой своего тела.

— Кладбище далеко. Некому их снести-то туда, чтобы по-человечески... — Бабка, отвернувшись, незаметно вытерла платком глаза. Потом взглянула на иконки и перекрестилась.

Я смотрел на них обоих, пытаюсь осмыслить услышанное, боясь что-либо спросить. То, что стало медленно вырисовываться у меня в сознании, было таким диким и невыносимым, что на мгновение я решил, что сплю.

Видимо, дед подумал о том же. Он глубоко вздохнул и, взявшись рукой за дверцу шкафа, тяжело поднялся с коленей.

— Так вот и живем, сынок...

Я молчал. Но дед и не ждал от меня никаких слов. Сев на табуретку в углу, он, как бы оправдываясь, с горечью продолжил:

— Лежат они у себя там... Ты не подумай только — мы не изуверы какие. Самих срам берет. Перед людьми стыдно... Мало нас здесь осталось. Все старики. Куда нам деваться? И нас тоже некому девать. Сил уже нет, чтобы ездить в райцентр и все оформлять, как надобно. А денег на это и подавно нет. Так и умираем здесь одни...

Он опять вздохнул и замолчал. Бабка сидела у себя в уголке, смахивая руками невидимые соринки со столика. И вдруг в этой тишине я ясно различил шум машин на дороге. Они проносились рядом с деревней, как ветер проносится сквозь листву деревьев. Дед тоже на мгновение прислушался к ним и заговорил снова:

— Федор тогда умер. Много он пожил. Всех своих пережил. Вот поэтому и не сразу узнали мы о нем. А когда к нему Михалыч зашел, то уж дома у него там нельзя было долго находиться. Телефона здесь нет. Позвонить неоткуда. Я на дорогу тогда пошел машину останавливать, просить, чтобы передали в городе, что нужно приехать сюда кому-нибудь. Пока мы их ждали, решили, что нельзя так покойнику лежать. Приедут, скажут, что же мы, мол, не могли его хотя бы в порядок привести, раз уж не доглядели вовремя. Бабы его обмыли и в несколько простыней завернули. А мужики в подвал спустили. Там прохладней было, чем в доме. — Дед остановился на мгновение, чтобы отогнать со лба муху. — Приехали из города только на следующий день, мы уже даже хотели снова идти на дорогу. Двое их было, на санитарной машине. Они даже спускаться вниз не стали. Как зашли в дом, так развернулись и вышли обратно. Тут же на скамейке составили бумагу с наших слов и уехали к себе. Только мы их и видели...

— А на что нам сдалась эта бумажка? С ней ведь в землю не закопаться, — раздался из угла голос старушки. — Мы и без нее все знали, что он мертвый. Он уже какой день лежал там. Мы ведь что думали — заберут они его с собой, потому как нам держать его даже было негде...

Дед пригладил рукой волосы на затылке и вздохнул:

— Мы тогда еще подумали, может, что прослушали что или недопоняли. В тот же день Михалыч с этой бумажкой уехал в наш центр, чтобы договориться о похоронах. А вернулся только через сутки. Да... Вернулся совсем стариком. Он ко мне тогда зашел закурить. Свой-то табак весь там выкурил, видать... — Он вдруг поднял голову и с надеждой в голосе спросил: — Сынок, а у тебя нет табачка? А то уже давно не курил ничего крепкого...

Я отрицательно покачал головой:

— Не курю я, дед...

Его плечи опустились, и он ссутулился.

— Это, конечно, правильно... И не кури, сынок. Вред один, говорят... Вот и Михалыч от этого помер...

Дед ушел в свои мысли и неподвижно сидел на табуретке. Я взглянул на старушку в углу. Она перехватила мой взгляд и попыталась улыбнуться:

— Что же вы так смотрите?... Так все и было... Что уж там говорили ему в городе, с кем он разговаривал, где ночевал — он нам никогда о том и не рассказывал. Одно только он сказал, Бог ему судья. Страшные слова сказал. Что не за тех он воевал... Постарел Михалыч очень, как воротился. Курить стал много и запил. — Ее голос осекся.

Я посмотрел на них. Дед сидел, прислонившись спиной к стене, и шарил рукой что-то в кармане своей рубахи. Бабка отвернулась от нас и глядела куда-то в сторону. Мне не хотелось заставлять их вспоминать и рассказывать дальше. И в то же время мне хотелось понять до конца, что здесь произошло. Я стал подниматься со стула.

— Уже уходишь, сынок? — очнулся дед.

— Да. Пора мне.

— Значит, пора, — понимающе кивнул он и тоже встал с табуретки. — Погоди еще минутку. Может, отыщется... — Подойдя к шкафу, он стал рыться на полках.

Я обернулся к старушке. Она как будто ждала этого и снова заговорила:

— Не знали мы тогда, что нам делать. Совсем растерялись. Ехать снова в город? Мы к Михалычу. Он нам свернутый лист бумаги из кармана молча достал. А в нем черным по белому написано, сколько будет стоить похоронить Федора. Мы такой суммы отродясь в руках не держали. А тут... Чтобы самим могилу вырыть — силы ведь нужны, а в деревне одни старики да старухи остались. А тех, кто смог бы держать лопату, — и того меньше. Хорошо, соседка была одна у нас расторопная. Всюду свой нос совала, до любого дела была охочая. Ее вся деревня за это ненавидела. К каждому, бывало, лезла со своими советами. А в тот раз она выручила нас, только мы не сразу поняли это. Федор-то, говорит, и так уже под землей лежит, так и незачем его более тревожить. Все ему, мол, лучше будет под своим родным домом, чем на чужом месте.

Мы как услышали такое — крепко ей досталось от нас. Разревелась она и ушла в свою избу. И долго еще после не показывалась, не могла простить. А мы потом поостыли и задумались — а что еще нам оставалось делать?

Один Михалыч не сразу сдался. Да оно и понятно — человек всю войну прошел. И стерпеть, чтобы кто-то остался лежать вот так не похоронен-

ным, он просто не мог. Он тогда в подвале до вечера пробыл. Все хотел выкопать яму для Федора. Да только земля там твердая, утоптанная, и дышать совсем не в состоянии. Вылез он оттуда весь черный от земли, сам как покойник, а в глазах слезы блестят... Старики потом гвоздями и досками заколотили в доме все окна и двери. А утром кто-то вдруг вспомнил, что крест-то забыли сделать Федору. Нехорошо получилось-то... А тревожить его — уже грех вроде как. Срубили ему яблоньку и поставили из нее крестик у калитки. А он по весне листики пустил. Видно, Федор благодарил нас оттуда...

Бабка замолчала. Слышно было только, как дед возится в шкафу. Я стоял у стула, так и не сделав ни шага. В голове было пусто и тяжело, как после долгого дневного сна.

— Да... — вдруг глухо протянул дед. — Многих мы уже похоронили так после Федора. Тут для каждого погребок будет. Когда строили избы, думали, копаем их для картошки, для банок с вареньями. Никто и подумать не мог, что они и для нас сгодятся... Вот и он. Помню, как сам клал его сюда. — Он вытащил свернутый листик бумаги, расправил его и протянул мне: — Не вижу уж слов-то, не поглядишь, сынок? Там где-то адрес должен быть. Оно это или не оно?

На пожелтевшей страничке красивым почерком было написано имя, а ниже указан телефон и адрес.

— То самое, — кивнул я и передал листок старушке: — А кто это?

— Сынок наш, — с теплом в голосе ответила она и надела старенькие очки. — Давно уж в город перебрался...

— А что же он вам не помог тогда? Вы бы его позвали, — спросил я, вдруг осознав, что совершенно упустил из вида этот момент. — Наверное, у кого-то еще в деревне тоже дети были?

Бабка медленно переписывала с листка и, казалось, не слышала меня.

— Почему не позвали? Позвали! — ответил вместо нее старик. — Только не приехал он. Видимо, не смог, дела помешали. А может, письма не получал. Другие тоже писали, если был кто. Да все без толку. В городе ведь другая жизнь, крутиться, вертеться там надо. А тут мы со своими заботами лезем. Куда уж за всем этим поспеть...

Бабка отложила в сторону карандаш, сняла со стены иконку, перевернула ее и развязала маленький мешочек, который висел с обратной стороны. Она вытащила из него мятую, давно вышедшую из употребления пятирублевую бумажку и протянула мне вместе с конвертом:

— Вот, возьмите. На почте деньги ведь нужны будут.

Я машинально взял их у нее.

— А вы так и не попили у нас чаю. Может, налить все-таки на дорожку? Я помотал головой и посмотрел на нее. Сказать мне было нечего.

Она улыбнулась мне той старческой улыбкой, которая одновременно бывает и доброй, и светлой, и печальной, и беспомощной. И прощальной.
— Вы уж киньте там его где-нибудь, пожалуйста...

Все такое же палящее солнце светило и высушивало все вокруг. Но оно уже не грело. Оно просто обжигало кожу, не способное добраться до холода внутри.

Дед медленно шел рядом со мной, шаркая ногами по земле. Мы дошли с ним до колодца и остановились. Помолчали минуту. Потом он протянул мне руку.

— Ну, будь здоров, сынок. Счастья большого. И спасибо тебе.

Я пожал ее, чувствуя, как слова застревают у меня в горле.

— За что, дед?

— Что заехал. Давно у нас никого не было. — Я хотел что-то возразить ему, но он только махнул рукой: — Да ты не забивай этим голову. Даст Бог, на том свете нас примут получше.

У меня сжалось сердце. Я не мог просто уйти. Не мог не сказать ему чего-нибудь ободряющего, важного, необходимого на прощание.

— Я приеду еще как-нибудь...

Дед грустно посмотрел мне в глаза:

— Нет, сынок. Не приедешь. Сюда никто не возвращается...

И он оказался прав. Я больше не вернулся.

Конечно, я мог сказать, что обратно ехал уже другой дорогой, что из-за разных дел было сложно снова выбраться так далеко от дома, что потом наступила зима.

Что, что, что... В жизни всегда и для всего найдутся оправдания, которые не сделают счастливее, не подарят надежды, не принесут радости, не смогут согреть.

Так и стоит где-то эта маленькая деревушка без названия. Подъезжая к ней, я им не интересовался, а, уезжая, думал совсем о другом. И на карте ее невозможно найти — вдоль той дороги их разбросано много десятков.

Я опустил конверт в ящик в почтовом отделении, зная наверняка, что на это письмо никто и никогда не ответит... □

Илья Рюмин

Двуглавый буревестник

Очень трудно писать о человеке, биография которого известна всем и каждому, который был живым классиком при жизни, а после смерти окончательно стал символом русской литературы. Очень трудно еще и потому, что практически нет человека, считающего Горького своим любимым писателем. В чем же заключается феномен Максима Горького? Попробуем разобраться.

Алексей Максимович Пешков родился в Нижнем Новгороде 28 марта 1868 года, в семье столяра (по другой версии — управляющего астраханской конторой пароходства), рано осиротел и провел детские годы в семье деда по отцовской линии. Уже в шесть лет Алеша под руководством деда освоил церковно-славянскую грамоту, затем — светскую. Обучался два года в слободском училище, за 3-й класс сдал экзамен экстерном и получил похвальный лист.

Семья не была зажиточной, поэтому с одиннадцати лет Алексей

вынужден был пойти «в люди», то есть самостоятельно зарабатывать себе на жизнь.

«Как это ни удивительно, до сих пор никто не имеет о многом в жизни Горького точного представления. Кто знает его биографию достоверно?»

Воспоминания. Бунин И.А.»

Мы действительно знаем только то, что счел нужным рассказать сам Алексей Максимович, уже став писателем. Он работал «мальчиком» при магазине, буфетным посудником на пароходе, пекарем, прислу-

гой у чертежника-подрядчика, десятником на ярмарочных постройках, статистом в театре, учился в иконописной мастерской...

И очень много, с жадностью, читал: сначала «все, что попадало под руку», а позже открыл для себя богатый мир русской литературной классики.

Летом 1884 года Алексей поехал в Казань, мечтая поступить в университет хотя бы вольнослушателем. Не удалось — пришлось опять зарабатывать на жизнь поденщиком, чернорабочим, грузчиком, подручным пекаря. Зато познакомился со студентами, бывал на их сходках, сблизился с народнически настроенной интеллигенцией, читал запрещенную литературу, посещал кружки самообразования...

Все эти совершенно новые для юноши идеи находили благодатную почву в постоянно ищущем сознании. Кто знает, куда бы завели восторженного юношу все эти искания, но в 1887 году умерла любимая бабушка Акулина — упала на паперти и разбила спину. Дед пережил ее на три месяца. А еще через полгода тяготы жизни, начавшиеся репрессии против друзей-студентов, личная любовная драма привели Алексея к душевному кризису: купив за три рубля на базаре тульский пистолет с четырьмя пулями, юноша попытался застрелиться.

Попытка оказалась неудачной — даже изучив в анатомическом атласе строение человеческой грудной клетки, он все-таки промахнулся,

сердца не задел, пробил легкое. Пожалуй, до этого момента он искренне пытался если не приспособиться к миру, то, по крайней мере, примириться с таким его устройством. Но раз он до такой степени чувствовал себя чужим всему этому — надо устранить себя. Кстати, в предсмертной записке он попросил вскрыть его тело, чтобы посмотреть, «что за черт в нем сидит».

После неудавшегося самоубийства девятнадцатилетний Пешков сделался другим человеком, твердо решившим не себя устранять, а мир переделать. Началось «хождение по Руси». Он исходил пешком, зарабатывая трудом на пропитание, средние и южные области России. В перерыве между странствиями жил в Нижнем Новгороде, выполняя разную черную работу, потом был письмоводителем у адвоката, участвовал в революционной конспиративной деятельности, за что был впервые арестован в 1889 году.

В Нижнем Новгороде Алексей познакомился с В.Г. Короленко, который поддержал творческие начинания «этого самородка с несомненным литературным талантом», посоветовав ему, правда, *«тщательнее работать над слогом и больше читать классики»*.

В том же 1889 году Алексей Пешков познакомился со своей первой — гражданской — женой Ольгой Юльевной Каминской, старше его на десять лет. Она была замужем, но будущего писателя это несколько

не смутило, и влюбленные начали семейную жизнь, о которой Максим Горький подробно поведал в рассказе «О первой любви». Неисправимый романтик, Горький и тут добавил выдумки о немислимых трудностях, которые приходилось преодолевать:

«Я поселился в предбаннике, а супруга — в самой бане, которая служила и гостиной. Особнячок был не совсем пригоден для семейной жизни, он промерзал в углах и по пазам. По ночам, работая, я укутывался всей одеждой, какая была у меня, а сверх ее — ковром и все-таки приобрел серьезнейший ревматизм... В бане теплее, но, когда я топил печь, все на-

ду, изолированный от уличного шума, что было большим плюсом для нас. Одна комната, побольше, была столовой и гостиной. Вторая — средняя комната — была моей спальней с Лелей, а третья, маленькая, принадлежала Алексею Максимовичу».

Не слишком романтично, зато — правда. Так или иначе, брак, точнее, сожителство, продлился чуть более двух лет и крайне редко упоминается в биографиях Горького. Алексей Максимович уже добился признания публики, ему хотелось постоянства и респектабельности, а не маленькой комнаты и женщины, на десять лет старше него.

Летом 1884 года юный Пешков поехал в Казань, мечтая поступить в университет хотя бы вольнослушателем. Не удалось — пришлось опять зарабатывать на жизнь поденщиком, чернорабочим, грузчиком, подручным пекаря. Зато познакомился со студентами, бывал на их сходках, читал запрещенную литературу, посещал кружки самообразования...

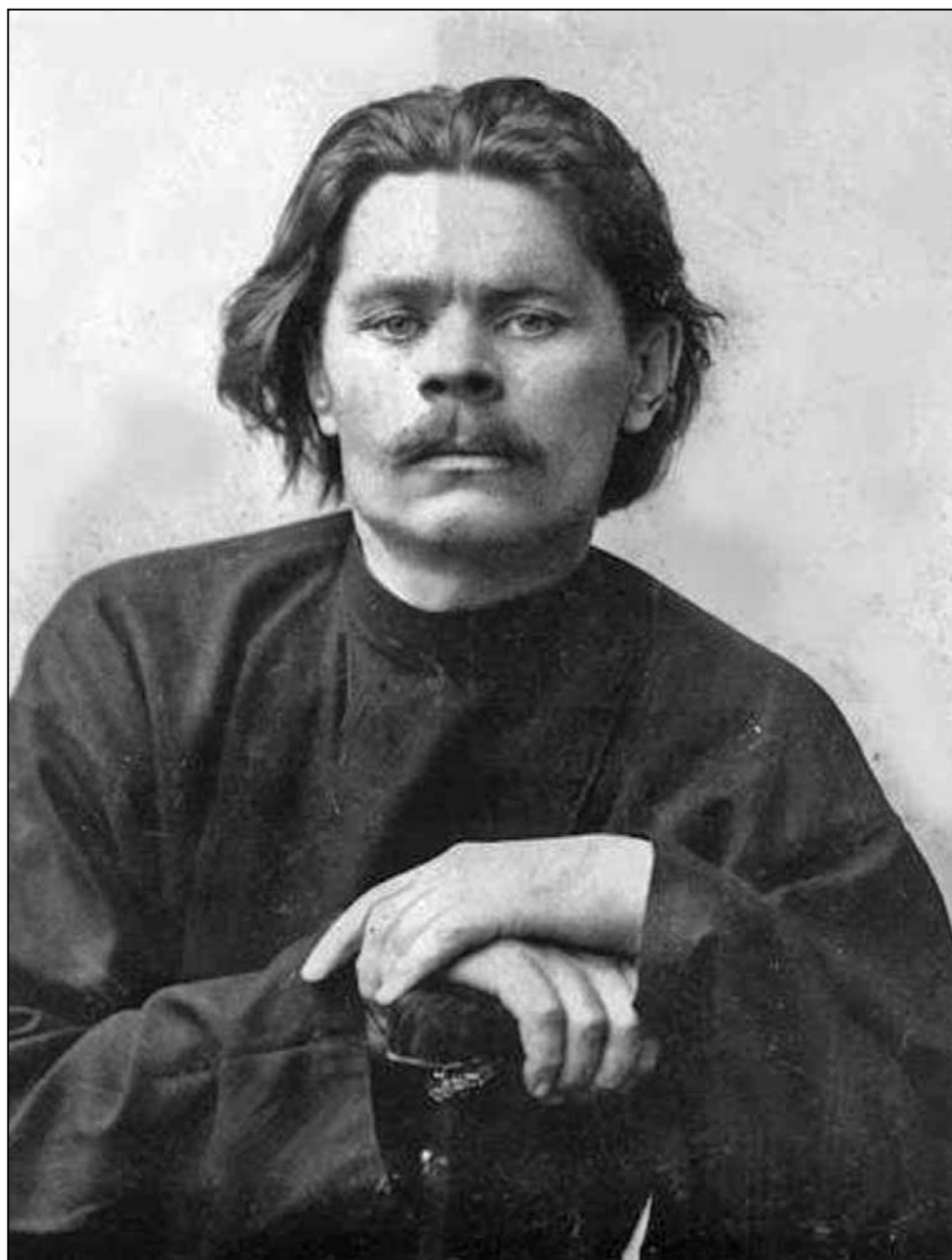
ше жилище наполнялось удушливым запахом гнили, мыла и пареных веников... А весной баню начинали во множестве посещать пауки и мокрицы, — мать и дочка до судорог боялись их, и я должен был убивать их резиновой галошей».

Однако сама Каминская вспоминала совсем другое:

«Приискали мы себе квартиру в три комнаты с кухней. Дом стоял в са-

«Мы уже достаточно много задали трепок друг другу — кончим! Я не виню тебя ни в чем и ни в чем не оправдываю себя, я только убежден, что из дальнейших отношений у нас не выйдет ничего. Кончим».

Справедливости ради стоит отметить, Ольга с самого начала знала, что ее союз с писателем не имеет будущего, поэтому восприняла разрыв совершенно спокойно. Тем бо-

лее что не раз и не два сталкивалась с тем «чертом», который так и сидел в нем...

Горький переехал в Самару, где встретил Екатерину Павловну Волжину, девушку из дворянской семьи, работавшую корректором в «Самарской газете». В 1895 году состоялось венчание. Это был первый официальный брак Горького, который, кстати, так никогда и не был

расторгнут, и о котором чрезвычайно мало написано исследователями творчества писателя. Слишком обыденно, слишком мещанисто...

Екатерина сумела создать для Горького уютный домашний очаг. Благо известность продолжала расти, а, соответственно, — и гонорары. Пешковы перебрались в Нижний Новгород, в удобную квартиру. Теперь у писателя был собственный

просторный кабинет, на кухне хозяйничала кухарка, уборкой занималась горничная. Респектабельный дом респектабельного человека... в душе остававшегося романтическим босяком.

В 1897 году у супругов родился сын Максим, а в 1898 году — дочь Катя, которая умерла в пятилетнем возрасте от менингита. Но размеренная, спокойная семейная жизнь вскоре наскучила Горькому. Он жаждал перемены обстановки, столь необходимой для вдохновения. Кроме того, к тому времени он был уже известным писателем. Его книги печатались неслыханными тиражами, а пьесы шли во всех ведущих столицах мира и пользовались неизменным успехом, ему выплачивались баснословные гонорары. Почему это происходило? Загадка. Хотя кто еще из писателей того времени мог так захватывающе описывать совершенные пустяки, щекоча при этом нервы читателям?

Слава Горького росла с невероятной быстротой и вскоре сравнялась с популярностью А.П. Чехова и Л.Н. Толстого. Читателя меньше всего интересовали социальные аспекты его прозы, он искал и находил в них настроение, созвучное времени. По словам критика М. Протопопова, Горький «подменил проблему художественной типизации проблемой «идейного лиризма».

Как и Достоевский, Горький наделял своих героев необычными чертами характера, надрывом, очень часто — презрением к окружающе-

Ольга Каминская с мужем

му миру. Вкладывал в их уста собственные парадоксальные мысли: «У каждого человеческого дела два лица. Одно на виду — это фальшивое, другое спрятанное — оно-то и есть настоящее. Его и нужно найти, дабы понять смысл дела». Здорово красиво, но не вполне понятно.

Может быть, поэтому он и прославился за рубежом, как «великий знаток русской души», каковым, на самом деле, никогда не был. Там признавали русских только с душевными вывертами, с сильными элементами цыганщины и вообще — экзотичных, и Горький вполне всему этому соответствовал.

В 1898 году издательством Дороватского и Чарушникова был выпущен первый том его сочинений тиражом в 3000 экземпляров, хотя в те годы тираж первой книги молодого автора редко превышал 1000.

Дело, по-видимому, было в том, что, как писал впоследствии критик-эмигрант Георгий Адамович: «...В девяностых годах Россия изнывала от «безвременья», от тишины и покоя... — и в это затишье, полное «грозовых» предчувствий, Горький со своими «соколами» и «буревестниками» ворвался, как желанный гость. Что нес он с собою? Никто в точности этого не знал. Был, с одной стороны, «гнет», с другой — все, что стремились его уничтожить, с одной сторо-

ны «произвол», с другой — все, что с ним боролось. Не всегда разделение проводилось по линии политической — чаще оно шло по извилистой черте, отделяющей всякий свет от всякого мрака. Все талантливое, свежее, новое зачислялось в «светлый» лагерь, и Горький был принят в нем как вождь и застрельщик...»

Россия ожидала взрывов, потрясений, катастроф, которые бы мгновенно развеяли предгрозовое затишье 80–90-х годов, в атмосфере ко-

*Максим Горький
с Екатериной Волжиной,
единственной законной
женой, и сыном
Максимом*

торого любой глоток свежего воздуха воспринимался как откровение и вызывал повышенный интерес. Так случилось и с прозой Горького.

В 1901 году вышла в свет его знаменитая «Песнь о буревестнике», и Горький навсегда стал «буревестником революции» и кумиром революционной молодежи.

Хотя, если включить здравый смысл, то призыв «пусть сильнее грянет буря» хорош лишь для того, кому эта буря ничем не грозит, кроме красивого зрелища. Зато как эффектно!

Примечательно, что «Песнь о буревестнике» стала одним из самых любимых литературных произведений Владимира Ильича Ленина, который открыто признавал его огромную агитационную ценность и даже посвятил ему несколько статей, в которых раскрывал феномен Максима Горького, как «поэта революции» и «предвестника бури», отмечая при этом удивительно живой и образный язык автора и его бесспорный литературный дар.

Кто же будет спорить с Лениным? Разве что Лев Толстой, который сначала принял Горького за мужика и говорил с ним матом, но затем понял, что все совсем не так просто.

«Не могу отнестись к Горькому искренно, сам не знаю почему, а не могу, — жаловался он Чехову. — Горький — злой человек. У него душа соглядатая, он пришел откуда-то в чужую ему Ханаанскую землю, ко всему присматривается, все замечает и обо всем доносит какому-то своему богу».

Горький платил интеллигенции той же монетой. В письмах к И. Репину и Л. Толстому пел гимны во славу Человека:

«Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека... Глубоко верю, что лучше человека ничего нет на земле...»

И в это же самое время писал жене:

«Лучше б мне не видеть всю эту сволочь, всех этих жалких, маленьких людей...»

О ком это написано? Да о цвете русской интеллигенции, радушно встретившей молодого писателя в Петербурге осенью 1899 года. Вот только несколько имен: В. Короленко, Н. Михайловский, И. Анненский, П. Струве, П. Милюков, А. Кони, В. Протопопов, Н. Ге.

Одновременно с «Буревестником» Горький написал и распространил прокламацию, призывающую к борьбе с самодержавием, за что был арестован, выслан из Нижнего Новгорода и безоговорочно признан «своим» в революционных кругах.

1901-й год был вообще знаменательным, своего рода вехой в жизни Горького. В том году он обратился к драматургии, написав пьесы «Мещане» и «На дне», которые сразу стали, как бы сказали сейчас, «театральными хитами». Но фактически все его пьесы — это пьесы о кругах ада. «Егор Булычев и другие» — ад купеческий, «Мещане» — ад семейный, «Дачники» — ад дачный, «На дне» — ад бомжовый. И только одна пьеса

о рае — «Дети солнца». Но и это рай в дачном аду.

Премьера «На дне» в МХАТе состоялась в Москве 18 декабря 1902 года, спустя четыре с половиной месяца после ее создания. В январе 1904 года пьеса получила Грибоедовскую премию. Она была разрешена к постановке только в МХАТе, зато многократно ставилась за рубежом: Берлин, Финский национальный театр, Краковский театр, Париж, Токио, Нью-Йорк, Лондон и многие другие.

объясняет то обстоятельство, что ни в один зарегистрированный брак Горький больше не вступал.

В феврале 1902 года М. Горького избрали в... почетные академики Императорской академии наук по разряду изящной словесности. Но радость оказалась преждевременной: его избрание было немедленно аннулировано правительством, так как новоизбранный академик «находился под надзором полиции». В связи с этим Чехов и Короленко отказались

Горький переехал в Самару, где встретил Екатерину Павловну Волжину, девушку из дворянской семьи, которая работала корректором в «Самарской газете». В 1895 году состоялось их венчание. Это был первый официальный брак Горького, который, кстати, так никогда и не был расторгнут, и о котором чрезвычайно мало написано исследователями творчества писателя. Слишком обыденно, слишком «мещанисто»...

Гонорары, естественно, выплачивались очень и очень неплохие, но, чем знаменитее и богаче становился Горький, тем меньше общего находилось у него с женой. Но окончательную точку в их браке поставила смерть маленькой дочери. Разошлись, точнее, разъехались они по взаимному согласию после этой трагедии в конце 1903 года. Однако у них «всю жизнь сохранялись особые отношения», — отмечала их внучка Марфа. Развод так и не был официально оформлен, что отчасти

от членства в академии, и она лишилась двух достойнейших членов.

Начинался новый этап в жизни Горького: он познакомился не только со Свердловым, но и с другими видными деятелями революционного движения в России, в том числе и с Лениным. За революционную прокламацию в связи с расстрелом 9 января был арестован, но почти немедленно освобожден под давлением общественности.

И каким давлением! В защиту Горького выступили известные дея-

тели искусства Г. Гауптман, А. Франс, О. Роден, Т. Гарди, Дж. Мередит, итальянские писатели Г. Деледда, М. Раписарди, Э. де Амичис, композитор Дж. Пуччини, философ Б. Кроче и другие представители творческого и научного мира Германии, Франции, Англии. В Риме прошли студенческие демонстрации. О Рос-

сии можно и не говорить — главной темой тех двух недель было немедленное освобождение Горького из царских застенков.

Конечно же, освободили — под залог, и не маленький. В ответ осенью 1905 года писатель... вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Душа «буре-

вестника революции» жаждала революционной романтики.

Основное влияние на него при этом оказывала новая (гражданская) жена — Мария Федоровна Андреева, актриса Московского художественного театра. В то время Андреева играла роль Наташи в спектакле «На дне». Но, как отмечают биографы, познакомились они несколько раньше, еще в Севастополе. Горький пришел за кулисы, чтобы похвалить актрису за блестящую игру, и был сражен наповал ее красотой и обаянием.

Сама Мария Федоровна так вспоминала их первую встречу:

«В дверь постучали. Из-за двери раздался голос Антона Павловича Чехова: "К вам можно, Мария Федоровна? Только я не один, со мной Горький". Дверь распахнулась, первым вошел Чехов, а вслед за ним в гримерке появилась долговязая фигура, облаченная в странный наряд. Горький не одевался ни по-рабочему, ни по-мужицки, а носил декоративный костюм собственного изобретения. Всегда одетый в черное, он носил косоворотку тонкого сукна, подпоясанную узким кожаным ремешком, суконные шаровары, высокие сапоги и романтическую широкополую шляпу, прикрывавшую волосы, спадавшие на уши.

— Черт знает! Черт знает, как великолепно вы играете! — пробасил Горький, стиснув в своей широкой ладони мою руку. Из-под длинных ресниц глянули голубые глаза, а губы писателя сложились в обаятель-

ную детскую улыбку. Его лицо показалось мне красивее красивого, радостно екнуло сердце...»

Именно эта встреча и положила начало их роману. Они были ровесниками — и Горькому, и Андреевой исполнилось по 32 года. В то время Горький уже был известен как писатель, а талантом Марии Андреевой восхищались и театральная публика, и самые строгие критики.

Хотя Мария Андреева была замужем, ни супруг, ни двое детей, сын Юрий и дочь Екатерина, не смогли сдержать страстную натуру актрисы. Ее муж, крупный чиновник Андрей Желябужский, был старше Андреевой на 18 лет и уже давно махнул рукой на увлечения жены.

В ту пору у Андреевой был бурный роман с известнейшим российским миллионером Саввой Морозовым. Их отношения развивались на глазах у всей Москвы. Морозов жертвовал огромные деньги в пользу театра, где играла Андреева, заваливал ее цветами и дорогими подарками. Он был женат, и многие осуждали Андрееву. Однако Марии Федоровне было плевать на общественное мнение.

После встречи с Горьким Андреева вдруг поняла, что влюбилась по-настоящему, и резко разорвала отношения с Морозовым (ходили слухи, что причиной самоубийства знаменитого предпринимателя было именно расставание с Андреевой), ушла из театра, увлеклась революционными идеями, а в 1903 году переехала к Горькому.

Из известной актрисы и светской львицы она превратилась в верную жену и соратницу: вела переписку Горького, спорила с издателями о гонорарах, переводила многочисленные произведения Алексея Максимовича на французский, немецкий и итальянский языки. И... была связующим звеном между Горьким и социал-демократами.

«Тащите с Горького, сколько можете», — писал Ленин в конце 1904 года. И тащили, правда, относительно цивилизованно. Известны даже «расклады»: приблизительно 20 процентов получал тот, кто доставлял деньги, 40 процентов шло в кассу большевиков, остальные честно переводилось на имя Горького в банк.

Мария Федоровна и тут не оставалась в стороне. Она фактически была финансовым агентом партии и повсюду изыскивала средства для революционной деятельности. За деловую хватку, умение «выбить» и достать Ленин называл Марию Андрееву «товарищ Феномен».

Феномену, на самом деле, приходилось нелегко. *«Алеша так много пишет, что я за ним едва поспеваю. Пишу дневник нашего заграничного пребывания, перевожу с французского одну книгу, немного шью, словом, всячески наполняю день, чтобы к вечеру устать и уснуть и не видеть снов, потому что хороших снов я не вижу...»* — писала Андреева.

Откуда могли взяться хорошие сны, если во время поездки в США в 1906 году в прессу просочились

слухи, что писатель так и не развелся со своей первой супругой. Алексей Максимович везде представлял Марию Федоровну в качестве своей жены, поэтому Горького обвинили в двоеженстве, начались неприятности с властями, сложности с отелями, и писателю пришлось уехать из Штатов в Италию с довольно тяжелым осадком.

А ведь задумывалась эта поездка социал-демократами как использование знаменитого писателя и драматурга для привлечения иностранных инвесторов, готовых оплачивать нужды русской революции. Но вместо восторгов газеты фонтанировали нелицеприятными статьями: Горький бросил жену и детей; Андреева оставила супруга и двух малюток, прелюбодеи, они живут во грехе, и так далее.

Горький тогда гневно заявил американским журналистам:

— Она моя жена. И никакой закон, когда-либо изобретенный человеком, не мог бы сделать ее более законной женой. Никогда еще не было более святого и нравственного союза между мужчиной и женщиной, чем наш.

«Город Желтого дьявола» написан именно на волне пережитых унижений — раздражение выплеснулось на бумагу. «Удушающая атмосфера самодержавия» оказалась чистым кислородом по сравнению с ханжески-пуританской атмосферой свободной Америки.

Здоровье Горького оставляло желать лучшего (напомню, с молодости

*Мария
Андреева*

писатель страдал туберкулезом и жил фактически с одним легким), поэтому Марии Федоровне приходилось еще и выполнять обязанности сиделки, сопровождая его в многочисленных заграничных поездках, где он лечился, а заодно и собирал средства в поддержку революции в России.

Наверное, это действительно была любовь — во всяком случае, со стороны Андреевой. Правда, Горь-

кий сделал очередной широкий жест: усыновил ее детей от не расторгнутого брака — Екатерину и Юрия. Но дальше этого укрепление «святого и нравственного союза» не пошло.

Начало двадцатого века, особенно первая русская революция и ее последствия, вообще были для Горького сплошным разочарованием. Пролетариат столкнулся в декабре 1905 года с той самой радикальной интеллигенцией, которая носила

Мария Будберг (Закревская)

Горького на руках, как с непримиримым противником.

Писателю пришлось совершить нелегкий выбор, и он сделал честное и, в своем роде, героическое усилие — повернулся лицом к пролетариату. Единственным и наиболее выдающимся плодом этого поворота остается роман «Мать». Горький понимал, что это — не самое сильное его произведение, но оправдывал его тем, что оно «нужно», «полезно» для революции и социализма. Сегодня трудно понять всемирную популярность этого романа, написанного по заданию социал-демократической партии и оплаченного деньгами из партийной кассы. Но факт остается

фактом. Миллионные тиражи на всех языках во всем мире. С «Митиной любовью» или «Темными аллеями» Бунина и сравнивать не приходится, а вот поди ж ты...

Из-за обострения туберкулеза Горький поселился в Италии на острове Капри, где прожил семь лет. Здесь он написал «Исповедь», где четко обозначились его философские расхождения с Лениным, но на это произведение мало кто обратил внимание, поскольку отчисления в партийную кассу за другие произведения производились по-прежнему исправно.

Незадолго до начала Первой мировой войны Горький и Андреева вернулись в Россию. С 1913 года Горький редактировал большевистские газеты «Звезда» и «Правда», руководил художественным отделом большевистского журнала «Просвещение», издал первый сборник пролетарских писателей. Сам же он написал «Сказки об Италии», а также серию рассказов и очерков, составивших сборник «По Руси», и автобиографические повести «Детство» и «В людях». (Последняя часть трилогии «Мои университеты» была написана в 1923 году за границей).

Весной 1917 года Горький приступил к работе над «Несвоевременными мыслями». Мысли были и впрямь несвоевременные: о дикости народа и жестокости друзей-большевиков. Мало кто знает, что в том же году, разойдясь с большевиками в вопросе своевременности социалистической революции в России, Горький

не прошел перерегистрацию членов партии и формально выбыл из нее.

Буря, которую он так неистово-романтически призывал, грянула, и оказалось, что все это совсем не так прекрасно, как мнилось многим, сочувствующим революционному движению и помогавшим ему деньгами.

В 1921 году Горький уехал за границу. Официально — из-за очередного обострения болезни, лечить которую в Италии настоятельно рекомендовал Ленин. На самом деле, Горький поссорился с вождем, и под угрозой ареста был вынужден эмигрировать из советской России.

Произошла перемена и в его личной жизни. Со временем «святой и нравственный союз» с Марией Андреевой затрещал по швам. Андреева устала обслуживать своего гения, тосковала без детей, страдала без театра. Единственной отрадой для нее осталась партийная работа — в нее она погружалась с головой, а Горького это совершенно не устраивало.

Точкой в романе стало новое увлечение Горького. Он влюбился в другую Марию. Молодую, яркую, экспрессивную баронессу Будберг, в первом замужестве Закревскую.

«Она неимоверно обаятельна, — описывал Закревскую Герберт Уэллс. — Однако трудно определить, какие свойства составляют ее особенность. Она, безусловно, неопрятна, лоб ее изборожден тревожными морщинами, нос сломан. Она очень быстро ест, заглатывая огромные ку-

ски, пьет много водки, и у нее грубоватый, глухой голос, вероятно, оттого, что она заядлая курильщица. Обычно в руках у нее выдавшая виды сумка, которая редко застегнута, как положено. Руки прелестной формы и часто весьма сомнительной чистоты. Однако всякий раз, как я видел ее рядом с другими женщинами, она определенно оказывалась и привлекательнее, и интереснее остальных».

Их познакомил Корней Чуковский, порекомендовав Горькому Марию Игнатьевну в качестве секретаря. Он же описал первое редакционное заседание, на котором присутствовала Закревская.

«Как ни странно, Горький хоть и не говорил ни слова ей, но все говорил для нее, распустил весь павлиний хвост. Был очень остроумен, словоохотлив, блестящ, как гимназист на балу».

Мария Закревская была моложе писателя на 24 года. Об этой женщине ходили самые невероятные слухи, ее подозревали в связях с английской разведкой и НКВД, называли «русской миледи». Горький увлекся и очень скоро сделал Марии Закревской предложение руки и сердца.

Андреева не простила измены. И даже не в измене было дело. Мария Федоровна не могла пережить, что человек, которому она отдала всю себя, запросто взял и выкинул ее из своей жизни. Закревская предложения писателя не приняла, однако поселилась в его квартире. А потом последовала за ним в Италию.

Если немногим менее двадцати лет назад Горький впервые покинул Россию, чтобы избавиться от преследований царизма, то во второй раз он вынужден был покинуть ее из-за того, что взаимное расположение его и новой власти становилось достаточно проблематичным. Жизнь

жинский обещал подарить ему автомобиль. По рассказу Максима, записанному Ходасевичем, в юности Максим работал в ВЧК.

Можно проследить, как партия «ухаживала» за Горьким, как настойчиво уговаривали вернуться. Первый раз Горький вернулся в 1928 году,

М

ожет быть, он и прославился за рубежом потому, что считался «великим знатоком русской души», каковым на самом деле не был. Там признавали русских только с душевными вывертами, с сильными элементами цыганщины и вообще экзотичных, и Горький всему этому вполне соответствовал

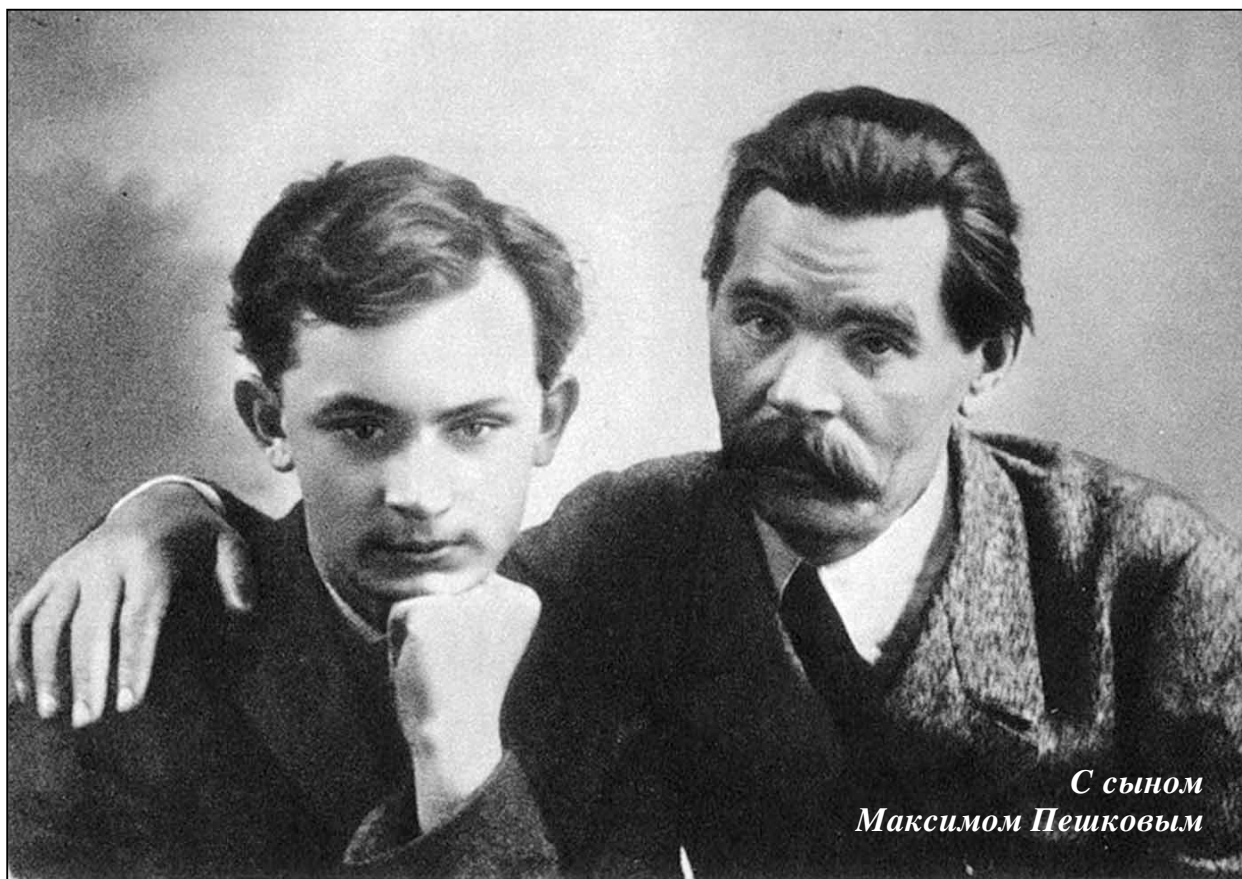
за границей оказала на него в этот раз благотворное влияние. Улучшилось самочувствие, он много и продуктивно работал, даже издали помогал и эмигрантам, и тем, кто остался в России.

В 1922 году к отцу приехал сын Максим с женой Надеждой Введенской (Тимошей), дочерью известного московского врача.

О Максиме Пешкове писал тогдашний секретарь Горького Владислав Ходасевич. 28-летний Максим предстает в его воспоминаниях как симпатичный, но предельно инфантильный молодой человек, имевший большие задатки актерского дарования, интересовавшийся кино, мотоциклами, фотографией и стремившийся в Москву, поскольку Дзер-

в связи с празднованием своего 60-летия, по приглашению Советского правительства и лично Сталина. Его встречали на Белорусском вокзале восторженные толпы людей, но среди них было и немало «людей в штатском» — работников сталинских секретных органов. Народ искренно приветствовал возвращение большого русского писателя, но помпезность самой встречи была, конечно, организована Сталиным. Он нуждался в Горьком, имел на него свои виды.

Горький совершил пятидневную поездку по стране: Курск, Харьков, Крым, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород. Достижения СССР, которые ему показали в этой поездке, были описаны Горьким в цикле очер-

ков «По Советскому Союзу». Но остаться в СССР он не согласился, это время еще не пришло, а вторично приехал в 1932 году.

В эти два приезда Горький убедился, что новая бюрократия всерьез взялась за подъем культурного уровня широких масс, и решил, что в этом процессе по праву может претендовать на центральную роль. К тому же он больше не мог жить в захолустном благополучии на Капри, не хотел и не мог. Сталин поманил полным собранием сочинений — и Горький вернулся в СССР в 1932 году.

Почти накануне возвращения две центральные советские газеты «Правда» и «Известия» одновременно напечатали статью-памфлет Горького под названием, которое

стало крылатой фразой — «С кем вы, мастера культуры?»

«Вы, интеллигенты, "мастера культуры" должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, откроет перед вами широчайшие возможности культурного творчества.»

Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот — разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе как о предателях.»

Самое интересное, что писалось это еще в эмиграции. Горький только собирался вернуться, но уже, как один он это умел, выкрикнул хлесткое оскорбление в адрес остающихся.

*М. Горький
и А. Чехов*

В очередной раз самовыразился — и уехал в СССР, спасаться от «бесславного вымирания».

Поссорился с Лениным, а мириться приехал со Сталиным. Его поезд усыпали цветами, дали особняк, созданный архитектором Шехтелем для мил-лионера-мецената Рябушинского, дачи в Горках и в Теселли (Крым), платили баснословные деньги.

Он не считал свое возвращение унижительным. Не посыпал свою голову пеплом и не собирался, как Алексей Толстой, слагать гимны во славу нового русского царя. Официальные газеты начали публиковать статьи М. Горького, в которых писатель воздавал хвалу правительству за достигнутые результаты и защи-

щал режим от нападок зарубежной интеллигенции.

Это было началом нового, последнего периода сложной и запутанной биографии писателя, которая и сейчас остается загадкой для исследователей. Горький не просто вернулся в Россию, как, например, Куприн. Он вернулся, чтобы стать одним из главных идеологов советской власти, оправдать своим мировым именем многочисленные преступления сталинского режима, но, одновременно, и спасти многих людей, вытаскивая их из тюрем и лагерей, помочь молодым талантливым писателям.

В 1934 году Горький провел 1-й Всесоюзный съезд советских писателей, на котором выступил с основ-

ным докладом. Его стараниями был создан Союз писателей СССР, множество газет и журналов: книжные серии «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX столетия», журнал «Литературная учеба». А существующая до сих пор «Литературная газета» была возрождена еще в 1929 году, также во многом благодаря усилиям Горького.

Так что Горький действительно был организатором культурного и научного прогресса в СССР. По его инициативе был реорганизован ВИЭМ, созданы десятки институтов, издательств, газет, журналов, серий книг, которые существуют до сих пор. Его значение для истории России трудно переоценить. Но многого мы еще не знаем или не хотим знать, предпочитая пикантные слухи о его не вполне обычных отношениях с невесткой или многочисленные версии убийства «великого писателя».

Считается, что термин «соцреализм» тоже придумал Горький. Оказывается, фразу «нам нужен реализм, но не критический, а социалистический» произнес Сталин в узком кругу писателей за круглым столом, а Горький просто вставил словосочетание «социалистический реализм» в свой доклад на 1-м съезде писателей. И сам, с его способностью почти мгновенно перевоплощаться, решил стать истинным соцреалистом.

К сожалению или к счастью — не успел. «Жизнь Клима Самгина» — од-

С Львом Толстым

но из лучших произведений Горького — осталось недописанным и не имело к соцреализму абсолютно никакого отношения. В России из-под пера автора «Буревестника» и «Сокола» стали вылетать потрясающие фразы:

«Классовая борьба — не утопия, если у одного есть собственный дом, а у другого — только туберкулез».

«Слезой грязи не смоешь, тем более не смоешь крови».

«Если враг не сдается — его уничтожают...»

Второе высказывание тем более интересно, что о слезливости самого Горького ходили легенды.

«Нередко случалось, что, разобравшись в оплаканном, он сам же

*Сталин,
Молотов,
Орджоникидзе
и Каганович
несут урну
с прахом
Горького*

его и бранил, но первая реакция почти всегда была слезы. Он не стыдился плакать и над своими собственными писаниями: вторая половина каждого нового рассказа, который он мне читал, непременно тонула в рыданиях, всхлипываниях и протирании очков», — писал секретарь писателя Владислав Ходасевич.

Но подобные процитированным выше фразы Горького звучали решительнее, чем речи Сталина, потому что обретали форму художественно-

го слова. Современник писателя, эмигрант И.Д. Сургучев не в шутку полагал, что Горький однажды заключил договор с дьяволом: «И ему, среднему в общем писателю, был дан успех, которого не знали при жизни своей ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лев Толстой, ни Достоевский. У него было все: и слава, и деньги, и женская лукавая любовь». Добавлю: и чрезмерная обласканность властью.

11 мая 1934 года скоропостижно скончался сын Горького — Максим

Пешков, оставив молодую вдову и двух маленьких дочек — Дарью и Марфу. Для Горького это было тяжелейшим ударом, хотя вся жизнь Максима была очень далека от нормальной и здоровой. Унаследовав от отца слабые легкие, он не получил в придачу железный организм отца, который ежедневно выкуривал больше семидесяти папирос.

В Горьком вообще было много загадочного. Например, он не чувствовал физической боли, но при этом настолько болезненно переживал чужую боль, что когда описывал как-

но живуча, да еще подкреплена «чистосердечными показаниями» самих врачей. Факты же таковы: в холодный майский день Максим Пешков, выпив больше обычного, заснул на скамейке в сквере. В результате — тяжелая простуда, перешедшая в двустороннее воспаление легких.

Как впоследствии показал на следствии домашний доктор Горьких Левин, «...больной был очень расслаблен, сердце было в отвратительном состоянии: нервная система, как мы знаем, играет огромную

В 1921 году Горький уехал за границу. Официально — из-за очередного обострения болезни, лечить которую в Италии настоятельно рекомендовал В.И. Ленин. На самом же деле, Горький поссорился с вождем и, под угрозой ареста, исходящей от него, был вынужден эмигрировать из России

то сцену, как женщину ударили ножом, на его теле вздулся огромный шрам. Он мог выпить сколько угодно спиртного и никогда не пьянел.

Сын тоже много курил и любил выпить, но пьянел быстро и тяжело-мертвецки, при этом, простужаясь от малейшего сквозняка, обожал гонять на мотоцикле в любую погоду с непокрытой головой.

Версия о том, что троцкисты руками врачей погубили сына, чтобы ускорить смерть отца, чрезвычай-

но роль в течение инфекционных болезней. Все было возбуждено. Все было ослаблено, и болезнь приняла чрезвычайно тяжелый характер... Ухудшило течение этой болезни то, что были устранены те средства, которые могли принести большую пользу для сердца, и, наоборот, давались те, которые ослабляли сердце. И, в конце концов... 11 мая, после воспаления легких, он погиб».

Неправильное лечение это, конечно, скрытая форма убийства, но,

как правило, неосознанная. Тем более, что версии о насильственной смерти Максима Пешкова, а затем Максима Горького до сих пор не нашли документального подтверждения. Показания, данные доктором Левиным (и не им одним) в ходе следствия, вряд ли можно считать абсолютно убедительными и неопровержимыми.

Надо сказать, что о своей будущей судьбе Горький догадался очень рано. Еще в 1899 году в письме к Чехову он сравнил себя с паровозом, который мчится в неизвестность:

«Но рельс подо мной нет... и впереди ждет меня крушение. Момент, когда я заруюсь носом в землю — еще не близок, да если б он хоть завтра наступил, мне все равно, я ничего не боюсь и ни на что не жалуюсь».

В одной из записок 1935 года он написал:

«Как собака: все понимаю, а молчу». Символичное перевоплощение для Буревестника, не правда ли?

На лето 1935 года был намечен Международный конгресс писателей в Париже. С Горьким в эти дни творилось что-то неладное. Ехать на парижский конгресс он не хотел, плохо себя чувствовал, да и не знал, что говорить. Видел уже, что идеи коммунизма в СССР продолжали осуществляться далеко не в белых перчатках, более того — в «ежовых рукавицах». Об этом не то, что говорить — думать порой было страшно. Не поехал. Послал лишь расплыв-

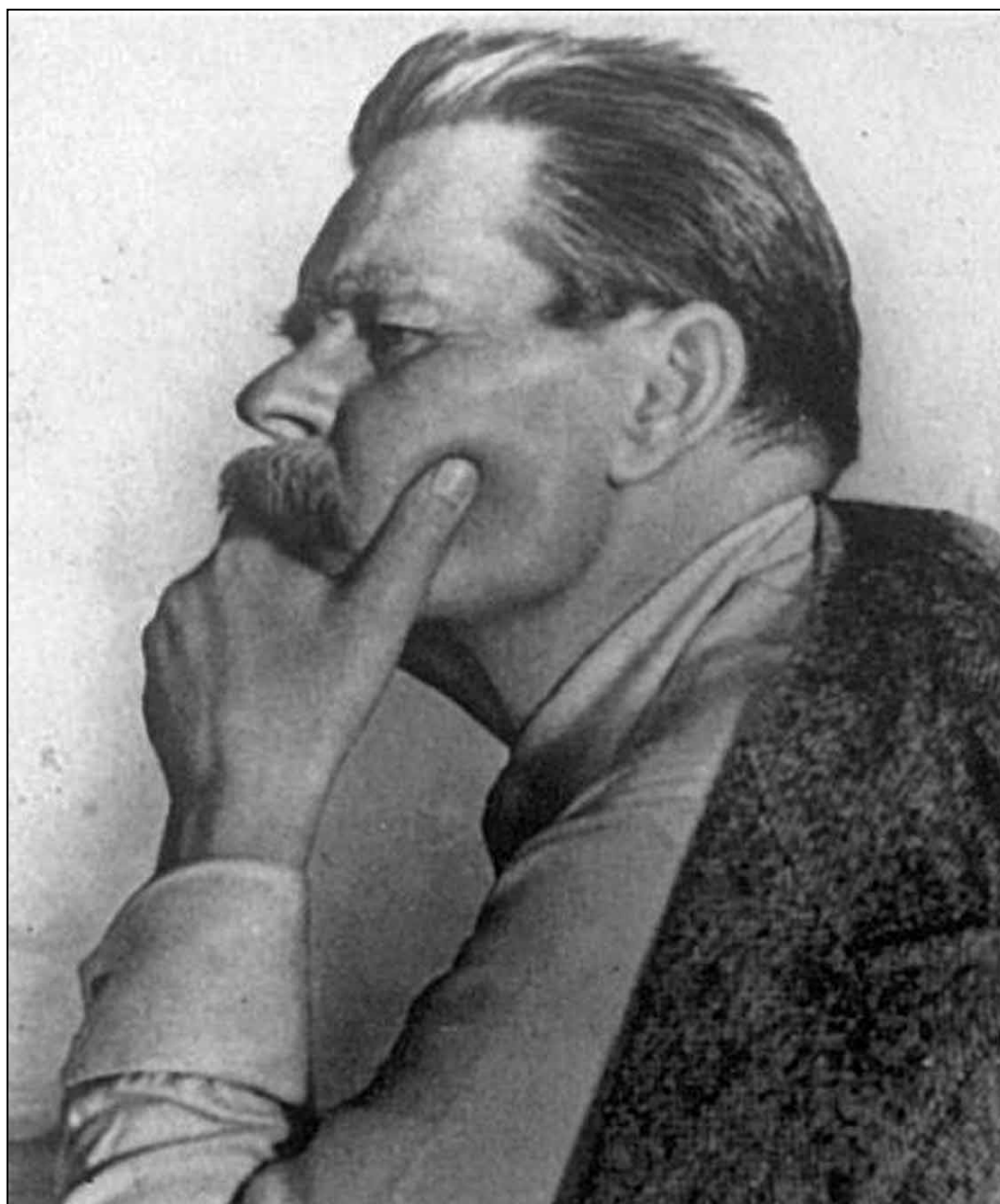
чатое приветствие, опубликованное в газете «Правда».

Состояние здоровья Горького действительно ухудшалось с каждым днем. Лечили его лучшие врачи (впоследствии оказавшиеся на скамье подсудимых по обвинению в убийстве великого писателя). Лечили впрочем, своеобразно (из показаний доктора Левина):

«В отношении Алексея Максимовича установка была такая: применять ряд средств, которые были, в общем, показаны для усиления сердечной деятельности. К числу таких средств относились камфара, кофеин, кардиозол, дигален. Эти средства для группы сердечных болезней мы имеем право применять, но в отношении его они применялись в огромных дозировках. Так, например, он получал до сорока шприцев камфары... в сутки. Для него эта доза была велика... плюс две инъекции дигалена... плюс четыре инъекции кофеина... плюс две инъекции стрихнина...»

Такими дозами здорового слона можно убить, а не больного человека. Поэтому вокруг обстоятельств смерти Горького ходили слухи об отравлении, которые, впрочем, не нашли весомого подтверждения.

27 мая 1936 года после посещения могилы сына Горький простудился на холодной ветреной погоде и заболел. Проболев три недели, 18 июня он скончался в Горках, пережив сына чуть более чем на два года. После смерти был кремирован, прах помещен в урне в Кремлевской

стене на Красной площади в Москве. Перед кремацией мозг М. Горького был извлечен и доставлен в Московский институт мозга для дальнейшего изучения.

Произошло это накануне приезда в Москву Андре Жида и Луи Арагона. Это также дало основание для слухов о том, что смерть не была случайной. К тому же шел 1936 год, близилась самая страшная волна репрессий. При этой буре

«буревестник» был бы совершенно лишним...

P.S. Памятник Горькому у Белорусского вокзала исчез, улица Горького снова стала Тверской, город Горький — Нижним Новгородом, станция метро — «Тверской».

Но сам Горький так и остался Горьким, никем до конца не понятый и не разгаданный «двуглавый буревестник революции». □

Судьба — складывающийся, независимо от воли человека, ход событий, стечение обстоятельств. Сила, предопределяющая все, что происходит в жизни человека.

Словарь русского языка

1

Хайвэй превратился в стоянку машин, протянувшуюся на мили. Игорь, чертыхаясь, со злостью ударил ни в чем не повинный руль. Прошло уже более часа с того времени, как он застрял в этой проклятой пробке. Где-то впереди, видно, случилась авария.

Он сам не понимал толком, почему вполне обычная задержка в пути сегодня так выводит его из себя. Ведь даже и спешить ему некуда. Все дела за день, проведенный в Нью-Йорке, были сделаны. А дома его никто не ждал.

Лена опять уехала в Москву, не спрашивая Игоря, что он думает по этому поводу. Каждый раз, когда она уезжала, Игорь с тайным страхом думал, что она никогда больше не вернется. Но она через какое-то время, как ни в чем не бывало, возвращалась. Бросалась на шею, увлекала в постель и устраивала сексуальный фейерверк. Игорь тут же забывал все свои обиды. И жизнь продолжалась обычным чередом до следующего ее отъезда.

Иногда ему казалось, что она просто использует его квартиру как бесплатную гостиницу. А его — как достойного сексуального партнера. И все.

Но у Игоря не было времени искать что-то другое. Работа занимала все пространство его жизни. А поиск серьезных отношений вполне можно было отложить и на будущее. Тридцать лет — еще не возраст для мужчины.

И все же секс, как развлечение, без душевной привязанности, без чувств уже начал раздражать Игоря.

У Лены был бизнес в России, и она делала большие деньги. В деловой сфере образовались незаполненные мужчинами ниши, и Лена решительно заняла одно из пустующих мест.

«Конечно, у нее там кто-то есть!» — вслух произнес Игорь и сжал руль так крепко, что пальцы побелели.

В это время он услышал недовольные гудки. Машины медленно двинулись, и впереди образовался свободный промежуток. Игорь нажал на газ и быстро догнал еле ползущую по шоссе вереницу машин. Но очень скоро все снова остановилось намертво.

Он нервно барабанил пальцами по рулю, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, он увидел, что из окна стоящей рядом машины на него, улыбаясь, смотрит молодая женщина. Блондинка, с волосами до плеч и смеющимися голубыми глазами. Ее полные губы покрывала ярко-красная помада.

«Знатная красотка!» — подумал Игорь и, широко улыбнувшись в ответ, легонько помахал женщине рукой.

Она засуетилась, стала что-то искать на сиденье машины. Через минуту он увидел приложенный к стеклу белый лист бумаги, на котором черным фломастером был написан номер телефона, а под ним имя — Vera.

Игорь изумленно расширил глаза, достал из бардачка русскую газету и прижал ее к окну. Женщина беззвучно рассмеялась и энергично несколько раз кивнула головой. Игорь записал на полях газеты номер телефона и еще раз приветливо помахал блондинке рукой. В это время машины тронулись с места. Полоса Игоря двигалась быстрее, и скоро машина с прекрасной блондинкой осталась далеко позади.

Добравшись, наконец, до дома, Игорь сразу же принял прохладный душ. Ласковые струйки воды быстро сняли дорожную усталость и успокоили напряженные нервы.

«Ну, и бабник же ты, man! — рассматривал он себя в зеркало в ванной комнате. — Ну, просто, сердцеед! — Затем подмигнул сам себе и проговорил вслух: — А-а! Все равно никто не любит! Да, может быть, ее и нет во все — любви-то этой!»

И тут же, не откладывая, набрал номер телефона случайно встреченной в пути блондинки. Оказалось, что они живут в одном городе. Только Игорь — в восточном районе, а Вера — в западном.

Они увиделись в центре города в небольшом, уютном и очень дорогом французском ресторане. Посмаковали крошечные порции изысканных блюд, запили бархатным бордо и, слегка заморив червячка, покинули гостеприимный островок Франции.

Вера пригласила Игоря к себе на чашечку кофе. А он предложил зайти в ближайший «Макдональдс» и купить настоящей американской еды. Чтобы не умереть в ближайшие часы от голода.

Вера жила в многоэтажном доме, возвышающемся на берегу широкой, полноводной реки.

— У тебя чертовски красиво! — похвалил Игорь, стоя у окна и любясь залитой веселыми огоньками набережной и яркими отблесками, вспыхивающими на черной воде.

Вера неслышно подошла сзади, обняла его за плечи и прижалась к спине. Он повернулся и сразу ощутил на своих губах сладковатый вкус ее губ.

Она отдалась ему сразу, не требуя ни клятв, ни уверений в любви. Когда же он разжал объятия, призналась, что влюбилась в него с первого взгляда, как только увидела за стеклом машины.

— Ты тогда разговаривал сам с собой, помнишь? — спросила она, ласково ероша его волосы. — О чем?

— Я не помню, — соврал Игорь. — Это было сто лет назад.

— Значит — о женщине, — с уверенностью в голосе произнесла она. — Ну, не хочешь говорить — не надо.

Игорь привлек ее к себе, и время снова остановилось...

Когда утром Игорь открыл глаза, Вера еще спала. Она лежала рядом, свернувшись клубочком, по-детски подложив ладони под щеку. Плотные шторы на окнах были задернуты, и в спальне царил полумрак.

Игорь осторожно, стараясь не разбудить ее, встал, на цыпочках вышел из спальни и тихонько прикрыл за собой дверь. В глаза ударил яркий солнечный свет. Ослепительный летний день ворвался в гостиную. Он с удивлением оглядывался по сторонам — вечером здесь все выглядело по-другому.

При свете дня гостиная напоминала набитый до отказа старинными вещами антикварный магазин. Повсюду — китайские вазы, фарфоровые статуэтки, замысловатого рисунка гобелены. На стенах — потемневшие от времени картины.

Одно полотно привлекло его внимание. На нем была изображена си-неокая молодая купчиха с короной золотых кос на голове. Она горделиво смотрелась в ручное зеркало. В ее ушах горели рубиновые серьги, бусы из крупного жемчуга обвивали полную шею, а округлое белое лицо пылало ярким румянцем.

В это время в дверном проеме появилась Вера, заспанная, в розовом халатике.

— Посмотри, Верочка, — показал на картину Игорь, — купчиха так похожа на тебя! Особенно, если сбросить килограммов тридцать! Правда?

— А ты угадал! — рассмеялась она. — Я и есть купчиха! Усовы мы! Фамилию, правда, прадеду после революции пришлось немного изменить. А что купцы — так это точно! У нас и имение где-то под Москвой сохранилось.

— Ну-у! — Игорь даже присвистнул. — Вот мы какие! Из торговой аристократии, значит! А сейчас чем мы занимаемся? Программируем что-нибудь? Или учитываем?

— Да так, всем понемножку! Покупаем и продаем недвижимость, в основном, — ответила Вера. — В командировки приходится постоянно ездить.

— Куда? — любопытствовал Игорь.

— В Европу. Во Францию — чаще всего.

— Недурно, недурно... — Игорь продолжал рассматривать картины на стенах.

— Ну а ты чем занимаешься? — спросила Вера.

— Ну а мы — программисты, конечно! Да-а! — Игорь важно надул щеки. — Нарождающийся класс техноаристократов! Правда, еще только в первом поколении. Но ничего-о! Мы свое место в истории займе-ем! Это уж то-очно! — И тут же сменил тему: — Ты знаешь, а купеческий размах в обстановке чувствуется!

— Да! Я люблю старинные вещи — вазы, картины, украшения... — Вера открыла шкатулку и достала браслет с коричнево-красными крупными камнями: — Посмотри, какие красивые гранаты! Браслету, наверное, больше ста лет! Жаль только, два камушка потерялись!

— Я в камнях ничего не понимаю, — пожал плечами Игорь, равнодушным взглядом скользнув по браслету.

— Послушай! — В глазах Веры сверкнул огонек. — А что, если найти похожие камни и починить браслет! И я бы его носила — себе на восхищение, всем на зависть! Вот было бы здорово!

— Займись поисками на досуге! — улыбнулся Игорь.

— На досуге я предпочитаю заниматься другим! — Вера подошла к нему и, обняв за шею, заглянула в глаза. — А ты?

— Спрашиваешь?! — Он легко поднял ее на руки и закружил по комнате.

2

Они стали встречаться часто. Их жизни пересеклись, как лесные тропинки. Одна петляла по светлой опушке, а другая, как оказалось, вела в таинственную лесную чащу.

Вера иногда неожиданно уезжала, но Игорь не чувствовал себя одиноким, она звонила каждый день.

Возвращаясь, привозила Игорю дорогие подарки — свитера, рубашки, перчатки. Однажды, вернувшись из Европы, протянула ему кожаную коробочку и сказала небрежно:

— Возьми. Это тебе. Пригодится.

— Что это? — Игорь открыл коробку. Внутри на черной бархатной подкладке вспыхнули серебристыми огоньками часы. Швейцарские часы, которые, как знал Игорь, стоили огромных денег.

Щеки его вспыхнули, но он промолчал, пытаясь сдержаться, чтобы не сказать лишнего и не обидеть Веру.

Правда, ее уже рядом не было. Она быстро скрылась в кухне и гремела там кастрюльками. Игорь неторопливо направился в кухню. Вера стояла к нему спиной, разрезая на кусочки маковый пирог.

— Послушай, Вера! — начал он.

Она мгновенно повернулась и посмотрела прозрачными голубыми глазами на его огорченное лицо:

— Что-то случилось, дорогой? Тебе не понравились часы?

— Зачем ты даришь мне такие дорогие подарки? Ты что, хочешь превратить наши отношения в гонку подарков?

— Не говори так, Игорек! Я так рада, что могу сделать для тебя что-то. А о деньгах не беспокойся. Они у меня, можно сказать, бешеные.

— Бешеные? Это как? — Брови Игоря поползли вверх. — Легко достаются? С неба падают?

— Почти, — кивнула головой Вера. — Подарок судьбы!

— Наследство, что ли?

— Можно сказать и так. Только его время от времени искать приходится, как тайник.

— Что-то я не вполне тебя понимаю, — задумчиво проговорил Игорь. — Впрочем, это не мое дело, — и он замолчал.

— Не сердись! — Вера дотронулась до его руки. — Понимаешь, до сих пор эти деньги были бешеные и бесполезные, потому что у меня не было цели, а сейчас она появилась. А про часы забудь, Игорек! Выброси их, если хочешь!

— Я как-то не привык бросаться такими дорогими вещами, — пожал плечами Игорь и примирительно добавил: — Ну, хорошо. Только больше не надо. Я не привык жить с купеческим размахом.

— А купцы неплохие люди, между прочим, были, — нисколько не обидевшись, улыбнулась Вера. — Возьми, к примеру, Третьякова. Какую галерею собрал! Многих художников от голодной смерти спас...

— А я не голодаю. Совсем не голодаю! — упрямо повторил Игорь.

3

Лена позвонила Игорю из Москвы. Один раз. Сказала, что дела задерживают, и когда приедет — точно не знает. Призналась со смехом, что приходится ей иногда отключаться от Игоря. Чувства и бизнес — две несовместимые вещи, а ей необходимо иметь «абсолютно холодную голову». Она ни о чем не спросила, а он ничего не сказал.

Игорь часто думал о Вере. Все произошло так стремительно. Совсем недавно она была для него совершенно чужим человеком. Там — за стеклом машины. А теперь? Она любит его. А он? Но, видно, не зря кто-то сказал, что сильное чувство никогда не остается безответным!

Вера вернулась внезапно, не предупредив Игоря о своем приезде. После работы он сел в машину и помчался к ней. Впрочем, «помчался» — сильно сказано. Он тащился еле-еле в вечерний час «пик», старался избегать перегруженных улиц и все-таки застревал в мучительных пробках.

Вера встретила его в махровом халате, с распущенными по плечам мокрыми волосами. Она устремилась к нему навстречу, повисла на шее. Изголодавшиеся по близости друг с другом, они не потеряли ни единой минуты...

Поздно вечером Вера встала, накинула халат и подошла к дорожной сумке, небрежно брошенной возле двери. Порылась в ней и с самого дна достала белый конверт.

— Что это? — приподнявшись на локте, спросил Игорь.

— Портрет незнакомки, — ответила она, улыбаясь. — Здесь фотографии усадьбы, которая когда-то принадлежала моим предкам. Помнишь, я тебе о ней говорила? По моей просьбе ее разыскали, сфотографировали и передали мне снимки. Можешь полюбоваться. — Вера протянула конверт Игорю и уселась рядом с ним на край постели.

— Фотографии усадьбы?! Насколько я помню, она тебя тогда совершенно не интересовала! — удивился Игорь.

— Тогда — нет, теперь — да!

— Что же изменилось с той поры? — продолжал недоумевать Игорь.

— Многое!

— Что именно?

— У меня появился ты!

— Ну, и при чем тут я?!

— Давай лучше фотографии посмотрим! — вместо ответа предложила она, доставая из конверта несколько снимков, и стала показывать их один за другим Игорю.

Он вертел в руках фотографии и рассматривал их все с большим и большим удивлением:

— Верочка! Ты шутишь, наверное! Какая же это русская усадьба! Это, скорее, вилла на Французской Ривьере! Посмотри на эти лоджии, террасы, купола! Скульптуры на фасаде! Тебя, дорогая моя, кто-то разыграл, а сам неплохо оттянулся на берегу Средиземного моря! За твои денежки, должно быть?

— Да нет, Игорек! — рассмеялась Вера. — Не сомневайся! Это, правда, та самая усадьба в Подмосковье. Да и название у нее соответствующее: Усачевка.

— Никогда ничего подобного в России не видел! — с сомнением покачал он головой.

— А больше такой и нет! — уверенно проговорила Вера. Потом достала из пачки одну из фотографий и показала ее Игорю: — Смотри, какие великолепные вазы! У входа и на балконе! Мне особенно нравится вот эта! — Она ткнула пальцем в вазу на балконе второго этажа. — Правда, очень необычная? С широким горлом, ребристая! А какие красивые лепные кисти!

— Ну, что ты! — недоуменно пожал плечами Игорь. — Ваза как ваза, ничем не хуже и не лучше других!

— Нет, нет, Игорек! — Вера настойчиво приблизила снимок к его глазам. — Посмотри на нее внимательно! Она явно отличается от всех!

— Ну, хорошо! — согласно покивал он головой. — Пусть будет по-твоему! Именно эта ваза лучше всех! Никто, правда, кроме Веры Усовой не знает, почему! — Игорь вдруг рассмеялся, крепко схватил ее, опрокинул на кровать и зажал рот поцелуем...

4

С момента приезда Вера с головой погрузилась в одной ей известные дела, пропадая где-то с утра до вечера. Впрочем, это не мешало ей два раза в день звонить Игорю и справляться, как поживает ее «сокровище».

Потом она неожиданно объявила, что ей необходимо срочно ехать по делам во Францию и в Россию.

— Хочу навестить усадьбу, между прочим. Познакомиться с ней поближе, — говорила Вера, уютно устроившись у Игоря на коленях.

— Не забудь полюбоваться на свою любимую вазу, — усмехнувшись, сказал он.

— Обязательно! — заверила его Вера. — А ты веди себя хорошо! Не поддавайся соблазнам! А то — смотри! — Она схватила его за уши и крепко сжала мочки.

— Нет, нет! Что ты, что ты! — Игорь мотал головой, безуспешно пытаясь вырваться. — Как только у тебя язык повернулся говорить такое! Чтобы я с кем-то! Да ни в жисть! Да никогда! Да умереть мне на самом этом месте! Клянусь прекрасной вазой на балконе!

Вскоре Вера улетела, а Игорь остался один и ужасно скучал.

Как-то рано утром раздался телефонный звонок.

— Игорек! Как ты? — Это была Вера.

— Нормально! А ты?

— Все хорошо! Я все дела закончила в Москве. Завтра вылетаю в Париж. А потом неделю буду в Монако. Послушай, у тебя ведь есть отпускные дни. Прилетай! У меня хороший номер в Монте-Карло. А? Я очень хочу, чтобы ты приехал! Ближайший к Монте-Карло аэропорт — в Ницце.

— Это так неожиданно! — Игорь несколько замялся, но тут же в его голосе зазвучали радостные нотки: — А ты знаешь, Вер, наверное, я смогу прилететь! Проект на этой неделе заканчиваем, и, кажется, намечается некоторое затишье.

— Прекрасно! Я тебе завтра позвоню. Ты спешишь? Подожди минуту! У меня к тебе просьба! Поезжай ко мне на квартиру, найди мою старую записную книжку и привези ее сюда. Мне нужны кое-какие телефоны.

— Хорошо! Сегодня вечером заеду. А где она лежит?

— В стенном шкафу, в черной обувной коробке.

— Странное место для записной книжки... Ну, ладно! Не волнуйся! Я все сделаю!..

5

После работы вечером Игорь заехал на квартиру к Вере. Ключ она дала ему уже давно. Бегом поднялся на пятый этаж. Открыл дверь. Нащупал в темноте выключатель и повернул его. Прихожая осветилась неярким, розоватым светом.

Он прошел в спальню, на ходу включая освещение, раздвинул дверцы необъятного стенного шкафа. Внизу, под развешенной на плечиках одеждой, были расставлены многочисленные коробки с обувью.

Игорь сразу увидел черную коробку с золотистой крышкой. Осторожно вытащил ее из-под пирамиды других — серых, белых, голубых, и раскрыл. Там лежали остроносые короткие сапожки на высоких тонких каблочках. Выложив их на пол, он приподнял покрывающую дно тонкую папиросную бумагу. Пусто! Никакой записной книжки в ней не было.

— Черт возьми! — выругался вслух Игорь. — Куда же делась эта книжка?

Он еще раз внимательно осмотрел содержимое стенного шкафа. Других черных коробок не было. «Наверное, Вера перепутала и положила записную книжку в какую-нибудь другую коробку» — подумал Игорь. Его удручала перспектива пересматривать весь наличный запас обуви.

Он взял в руки остроносый сапожок, перевернул его голенищем вниз и потряс. Ничего. Прodelал то же самое со вторым, и вдруг на пушистый

ковер выпала маленькая записная книжка. Игорь взял ее в руки. Черная обложка была потертая, тусклая, но на ней еще можно было различить рисунок палехского художника. Молоденький пастушок, в белой, отороченной красной тесьмой рубашке, играл на дудочке.

Игорь засунул книжку в карман. Поставил коробку на место, задвинул дверцы шкафа и устремился к выходу. Он был уже в прихожей, когда раздался телефонный звонок, и ему пришлось вернуться в комнату. «Алло!» Молчание. «Алло! Алло!» Тишина. Пожав плечами, он положил трубку. Но звонки начались снова. «Алло! Алло!» — откликнулся он — в ответ ни звука. Игорь сердито бросил трубку на рычаг. Телефон прозвенел еще несколько раз и замолк. «Странно», — подумал он, закрывая дверь и выходя из квартиры.

Сев в припаркованную у подъезда машину, Игорь неторопливо поехал домой по знакомому маршруту. Час «пик» уже миновал, и полосы были свободны. Он встал на свою любимую — среднюю, и прибавил газ.

Уже почти рядом с домом, проезжая мимо небольшого магазинчика, Игорь вдруг вспомнил, что у него нет хлеба, и стал поворачивать на стоянку магазина. Внезапно сзади раздался резкий визг тормозов, и он оглянулся. Какая-то машина на полной скорости едва не врезалась в него. В голубоватом свете витрины Игорь успел разглядеть сидящего за рулем человека в темной одежде. Его лицо скрывал накиннутый на голову глубокий капюшон. Машина проехала мимо, и в последнее мгновение Игорь увидел на заднем сиденье огромного черного ротвейлера. Свирепо оскалив пасть, он злыми желтыми глазами смотрел на Игоря. «На хозяина рычи! Едва аварию не устроил! Иди от какой-то!» — выругался он про себя.

На следующий день вечером позвонила Вера:

— Ну что, Игорек, ты приезжаешь?

— Да! Я уже билет заказал! В пятницу вылетаю!

— Отлично! Я очень рада! Записную книжку нашел?

— Нашел! Что же ты ее в сапог засунула? Тоже мне, сейф нашла! Скажи спасибо моей сообразительности! Я догадался потрясти сапожок как следует, а то бы до сегодняшнего дня твой обувной склад ревизовал!

— Ой, извини! Я совсем забыла, что я книжку в сапог засунула! А ты молодец! Просто Эйнштейн!

— А то! Но учти — с тебя за мои подвиги лишний раз причитается!.. Сама знаешь, что!

— За этим дело не станет! — рассмеялась Вера. Она помолчала минуту, потом сказала: — Знаешь, Игорь, ты эту книжку в багаж не сдавай. Возьми с собой, в самолет. В ручную кладь положи, а лучше — в нагрудный карман. Хорошо?

— Да что же это за брильянт такой?! По правде говоря, вид довольно потрепанный. Ладно уж, буду у сердца держать. Между прочим, ты случайно не звонила вчера в свою квартиру? А то кто-то звонил, но не ото-звался. Я думал, это ты про сапог вспомнила.

— М-мм. Нет. Я не звонила.

6

В аэропорту Ниццы Игорь довольно долго простоял в ожидании багажа. Перед его глазами монотонно кружилась пустая транспортерная лента. Наконец из скрытого барьером отверстия начали важно появляться чемоданы и чемоданчики, дорожные сумки и разного размера свертки. Он сразу увидел свой маленький черный чемоданчик на колесиках, к которому перед отъездом прикрепил сбоку ярко-красную круглую наклейку.

Чемодан приблизился. Игорь протянул руку, чтобы ухватить его за ручку, но стоящий рядом высокий грузный джентльмен опередил его. Неожиданным для своей комплекции ловким движением руки смахнул чемодан с транспортерной ленты и поставил его рядом с собой на пол.

— Извините, сэр, это мой! — показал пальцем на красную наклейку Игорь.

— Нет, нет! — Джентльмен ткнул пальцем себя в грудь, решительно проговорил: — Он мой! — и, схватив ручку чемодана обеими руками, прижал его к ногам.

— Нет, сэр! — Игорь все больше удивлялся непонятной настойчивости джентльмена. — Посмотрите на наклейку. — Он наклонился и, для большей убедительности, провел по ней ладонью.

Джентльмен соорудил недовольную гримасу и раздраженно помотал головой. Некоторое время они стояли друг против друга и перекидывались недоуменными взглядами. Наконец джентльмен обреченно вздохнул, растегнул молнию на боковом кармане чемодана, порылся там, вытащил газету и развернул ее на груди как плакат. Это была французская газета «Figaro».

Игорь в изумлении таращился на газету, не понимая, откуда в его чемодане, летящем из Нью-Йорка, могла оказаться французская газета. Француз, тем временем, не спеша, сложил газету и засунул ее в карман чемодана. Потом посмотрел куда-то через плечо Игоря, улыбнулся и слегка дотронулся до его локтя.

Игорь обернулся. На пустой транспортерной ленте сиротливо крутился небольшой черный чемоданчик. Он подбежал к нему, перевернул — на запыленной боковой поверхности был приклеен яркий красный кружок. Игорь подхватил чемодан и стал искать глазами француза, чтобы изви-

ниться перед ним и обсудить такое невероятное совпадение, но рядом уже никого не было. Француз исчез, как сквозь землю провалился.

Когда Игорь вышел в зал ожидания, он сразу увидел Веру. А она его. Бросив чемодан на пол, он схватил Веру в объятия и закружил. Она смеялась, запрокинув голову и болтая в воздухе ногами.

Они сели в машину и поехали по извилистому узкому шоссе, ведущему от Ниццы до Монте-Карло. С двух сторон к шоссе подбирались невысокие предгорья. Покатые склоны были покрыты низкорослыми деревьями и редкими кустами. Местами, в проплешинах между растительностью проглядывали голые серые камни.

По дороге Игорь рассказал Вере забавное происшествие с чемоданом. Она внимательно слушала его, а потом неожиданно спросила:

— А где моя записная книжка?

Игорь достал из внутреннего кармана куртки потертую книжечку, протянул ее Вере и с шутливым упреком произнес:

— Возьми свое сокровище! Похоже, ты эту книжку ждала больше, чем меня!

— Ну, что ты, что ты! — успокоила она его. — Просто там записан очень важный для меня номер телефона.

— Ладно, ладно! Не оправдывайся! — Игорь обиженно отвернулся и уставился в окно, провожая взглядом покрытые неяркой зеленью горы.

7

Петляя по горной дороге, они вскоре добрались до Монте-Карло. В просторном номере многоэтажной гостиницы Игорь после душа и всяких прочих приятных дел принялся распаковывать свой нехитрый багаж. Настроение у него было прекрасное.

Вдруг он заметил, что вещи в чемодане как-то странно скручены, помяты, как будто кто-то в спешке засовывал их внутрь. На него это было непохоже, собираясь в дорогу, он всегда складывал вещи аккуратно, чтобы потом не заботиться о глажке.

Игорь расстегнул боковой карман и удивился еще больше. Он положил туда плотный желтый пакет с фотографиями, а сейчас фотографии лежали отдельно, а пакет — отдельно.

— Послушай, Вер, — с растерянным видом сказал Игорь, держа в одной руке желтый пакет, в другой — пачку фотографий. — Ты знаешь, кто-то явно копался в моем чемодане. Вот взгляни, фотографии вытащили из пакета...

Вера лежала на широченной кровати и читала какой-то журнал. Она внимательно посмотрела на него и спокойно проговорила:

— Выборочный досмотр. Сейчас это часто делается. Мой чемодан тоже недавно досматривали. Могли бы аккуратнее, конечно. Проверь обязательно, все ли цело.

— Вроде, все... — вздохнул Игорь. — А фотографии? Почему их обратно в пакет не положили? Вот безобразия!

— Послушай, я голодная как волк, — перевела разговор Вера. — Пойдем в ресторан, пообедаем!

— А, правда! — махнул он рукой. — Не будем терять время на ерунду!

Игорь уговорил Веру не тратить деньги и время на дорогие французские рестораны, а закусить в какой-нибудь уютной пиццерии с видом на средиземноморскую бухту.

Они прошли пешком по городу, словно созданному фантазией неизвестного сказочника. Туристический сезон закончился, и людей на улицах было мало. Лишь у роскошных клумб возились многочисленные садовники. Казалось, что именно они составляют основное население Монте-Карло.

В крошечной пиццерии на набережной Вера и Игорь заказали бутылку красного вина и пиццу. Ее принесли очень быстро — огромную как луна, с золотистыми, поджаристыми краями. Расплавленный сыр, в котором утопали маслины и прочая разнообразная начинка, еще булькал и пузырился.

Кроме них в пиццерии никого не было. Они не успели расправиться и с половиной разрезанной на ровные куски пиццы, как дверной проем загородила мощная фигура еще одного посетителя. Он постоял какое-то время на пороге, потом снял солнцезащитные очки, оглядел помещение бесцветными глазами и вдруг уронил их. Наклонившись за ними, он неловко оступился и едва не раздавил хрупкие стекла.

— Проклятье! — выругался мужчина скрипучим голосом и, нацепив очки обратно на нос, удалился, сердито поводя плечами.

«Где-то я его видел!» — мелькнуло у Игоря в голове.

И почти тут же из Верочкиной сумочки раздались звонки мобильного телефона. Она вынула телефон, посмотрела на экран и проговорила извиняющимся тоном:

— Мне нужно срочно удалиться! Неотложное дело. Сделка горит.

— Ну вот! Встретиться не успели, а уже расстаемся! — скорчил недовольную гримасу Игорь.

— Не забывай! — улыбаясь, потрепала его по плечу Вера. — Ты отдыхаешь, а мы работаем! Заканчивай с едой и возвращайся в гостиницу, жди меня. Я думаю, что задержусь ненадолго.

— Хорошо, — вздохнул Игорь. — А знаешь, Вер, я хотел в казино зайти! Здесь, говорят, казино шикарное!

— Нет, нет! — энергично замотала она головой. — Это оставь для меня. Я приготовила для тебя потрясающую экскурсию по Монте-Карло, включая казино! Не отнимай у меня хлеб. Договорились?

— Ну, ладно! — согласился Игорь. — Я тогда немного погуляю по набережной. День сегодня уж больно хорош!

Вера кивнула и быстрой, деловой походкой устремилась к выходу. Игорь остался наедине с половинкой съедобной луны и недопитой бутылкой вина.

Вдруг он вспомнил, что не спросил, когда она собирается вернуться, и выскочил на улицу, но ее уже нигде не было видно. Игорь осмотрелся вокруг, и ему показалось, что на противоположной стороне в машину втискивает свое необъятное тело несостоявшийся посетитель пиццерии, едва не раздавивший свои очки.

Верочка вернулась в гостиницу довольно поздно. Вид у нее был усталый. Строгий черный костюм, в ушах горели крупные бриллианты.

— Встреча была официальной. Пришлось заехать в гостиницу переодеться, — объяснила она Игорю.

Затем быстро скинула с себя жакет, юбку, вытащила из ушей серьги и, небрежно бросив их на журнальный столик, выключила свет. Вспорхнула Игорю на колени, прижалась к нему и, покрывая его лицо поцелуями, шепотом спросила:

— Ты ведь любишь меня, Игорек? Любишь? Нет... Не бойся... Не вообще... А сейчас... Сию минуту... А, милый? Любишь?

— Люблю... Люблю... — ответил он тоже шепотом, возбужденно дыша.

Он торопливо стягивал с нее что-то тонкое, шелковистое, ощущая руками и всем телом ее теплую кожу. Ее запрокинутое лицо белело в темноте. Глаза были закрыты, губы шевелились, произнося какие-то слова. Но он ничего не слышал, любя ее то яростно, то нежно...

8

Утро было свежее, прохладное. Пухлые белоснежные облака неторопливо проплывали по лазурному небу. Темно-синее море, приближаясь к земле, светлело, как будто радовалось встрече со сказочным городом, с его свежесмытыми, холеными улицами.

Завтрак был славный — смесь французского с английским. Холодный апельсиновый сок, яичница с беконом, круассаны с маслом и ароматным малиновым джемом. В завершение — горячий, крепкий кофе в крошечных чашечках из тонкого, почти прозрачного фарфора.

— Казино открывается после полудня, — сказала Вера, вставая из-за стола. — У нас времени достаточно. Можем прогуляться по Монте-Карло.

Неторопливая, беззаботная жизнь города протекала на узком пространстве между морем и горами, на плоском основании скалы. Гуляя по городу, Вера с Игорем заглядывали в маленькие и большие магазинчики. В витрине ювелирного магазина Вера вдруг заметила тяжелый гранатовый браслет с крупными камнями густого, кроваво-красного цвета.

— Ты только посмотри, Игорек, как этот браслет похож на мой, старинный! Помнишь? — заговорила она взволнованно. — И размер камней такой же, и форма!

— Какой браслет? — рассеянно спросил Игорь. — Нет, не помню! Пойдем отсюда, Вер, пожалуйста! Мне смертельно надоело по магазинам ходить! — И он потянул Веру за руку, прочь от сверкающей витрины.

— А давай, Игорек, мы тебе запонки купим! — воскликнула Вера. — Вот эти! С янтарем!

Игорь посмотрел на нее так выразительно, что она, смеясь, выбежала на улицу, приговаривая на ходу:

— Подожди! Скоро ты увидишь настоящую жемчужину!

— С меня на сегодня довольно драгоценностей! — буркнул Игорь, проводя ладонью поперек горла.

Невдалеке уже виднелся парк. По пологому склону от гор к морю спустились малахитовые травянистые газоны, ухоженные лужайки, яркие цветочные клумбы. Тихие пруды заросли высоким камышом. Высокие стебли тесно прижимались друг к другу, соприкасаясь длинными заостренными листьями. Фонтаны выбрасывали вверх гибкие упругие струи.

Но взгляд Игоря приковало к себе здание, видневшееся на противоположной стороне парка. На фоне бледно-голубого неба вырисовывался его причудливый силуэт. Барочные башни, медные купола, покрытые зеленой патиной. Фасад украшала пышная лепнина, скульптуры, изящные балконы.

Игорь растерянно развел руками и, обратившись к Верочке, воскликнул:

— Вера! Что за чертовщина! Посмотри! Это же точно твоя усадьба! Ну, просто копия!

— Я же тебе говорила, что усадьба необыкновенная! — рассмеялась она.

— Как же так получилось? — Игорь не мог поверить своим глазам. — Такое невероятное сходство!

— Так вот, слушай! Как настоящий гид, я расскажу тебе одну легенду. Мой далекий предок служил приказчиком у богатого помещика. А помещик тот сильно увлекался азартными играми. Монте-Карло много раз посещал. Молодой приказчик, глядя на своего хозяина, тоже отдался во власть порочной страсти. И неожиданно выиграл кучу денег. Вернулся в Россию.

Службу у помещика бросил и вложил деньги в свое собственное торговое дело. Со временем так разбогател, что усадьбу купил. И решил он особняк построить — копию известного игорного дома в Монте-Карло. В память о своей внезапной удаче. Правда это, или нет — трудно сказать! Только посмотришь на эти два здания и, действительно, начинаешь верить легенде...

— Вот она — фортуна! — усмехнулся Игорь. — А мне в карты никогда не везло!

— За везение тоже приходится расплачиваться, — заметила Вера.

Они долго гуляли по парку и молчали. Наконец Вера взяла Игоря за руку и сказала:

— Давай отойдем в сторонку. Я должна рассказать тебе еще кое-что.

Они присели на скамейку в тени невысоких пальм.

— Послушай, Игорь! — медленно начала она. — Я открою тебе один секрет. Предок мой, приказчик, был посвящен в тайну рулетки... Случилось это так: однажды в Монте-Карло к нему подошел какой-то человек и сказал, что в дороге его ограбили, и он остался без гроша. Человек признался, что деньги ему нужны на игру в рулетку, и, если кто-то даст их ему, он клянется, что вернет сумму в удвоенном размере. Приказчик поверил незнакомцу и дал ему денег. — Вера вздохнула и отпустила руку Игоря. — Человек выполнил свою клятву и вернул обещанные деньги сполна. Он поведал приказчику, что когда-то принадлежал к древнему монашескому ордену. Но продал душу дьяволу за секрет рулетки и с тех пор скрывается от членов ордена, опасаясь заслуженной кары. Он сказал, что уже стар и накопил достаточно денег. А наблюдая за приказчиком во время игры в рулетку, понял, что он человек азартный, не боится рисковать. Поэтому, в знак благодарности за одолженные деньги, готов передать приказчику тайный код для расчета выигрышного номера. Но для этого нужно заключить сделку с дьяволом. Продать душу. — Верочка бросила на Игоря мимолетный взгляд и продолжила: — В тот вечер мой предок получил исходные числа и порядок расчета. А на следующее утро в газетах Монте-Карло было напечатано, что какой-то человек упал со скалистого берега в море и разбился о прибрежные камни. Когда тело вытащили на берег, то увидели, что ноги погибшего искусаны какими-то дикими зверями... Это был тот самый бывший монах... А шифр с тех пор передается в нашем роду из поколения в поколение... И каждый, кто его получает, тоже должен душой расплатиться...

— Это и есть те самые «бешеные» деньги, о которых ты мне говорила? — усмехнувшись, спросил Игорь.

— Да, — едва слышно ответила Вера. — В старой записной книжке — секрет удачи. Но использовать шифр становится все более и более опасным... Раньше семьи были большие. Родственники соглашались быть под-

ставными лицами. А сейчас я осталась одна... Последняя... Правда, мне помогают... Я им хорошо плачу... Но, боюсь, доверять уже никому нельзя... Я чувствую, что за мной следят...

Игорь недоверчиво посмотрел на Веру, взял ее за плечи и повернул к себе лицом.

— Надеюсь, дорогая, ты шутишь! Бред какой-то! Какой шифр? Какая сделка с дьяволом? Счастливый случай рассчитать невозможно! — решительно проговорил он.

Вера ничего не ответила, но внезапно резко отстранилась от Игоря и тряхнула головой:

— Конечно, я пошутила! Выдумала я все это, Игорек! Забудь, что я тебе наговорила! Ты прав — удачу не считаешь! А было бы неплохо уметь? Правда?

— Тоска была бы зеленая! Вот что! — облегченно рассмеялся Игорь. — Фантазерка ты, Вера!

Казино было рядом — рукой подать, но они попали в него только к вечеру. Многочисленные ресторанички манили к себе, а от витрин кондитерских, заполненных изысканными французскими пирожными, невозможно было оторвать глаз.

— Надо бежать отсюда, пока не поздно! — Вера потянула Игоря, вдохновенно сопящего возле очередной западни для сладкоежек. — А то юбка на мне уже угрожающе трещит! А без юбки в казино, как известно, не пускают — не полагается по этикету! Кстати, и без галстука тоже! — Она открыла сумочку, достала предусмотрительно захваченный из гостиницы галстук, ловко накинула его Игорю на шею и мгновенно завязала аккуратный узелок.

— Приятно, черт возьми, когда о тебе заботятся! — проговорил он, довольной улыбаясь.

— Я люблю о тебе заботиться, — серьезным тоном произнесла Вера. — Очень люблю.

Фойе казино сверкало. Стены, облицованные мрамором. Ионические колонны из пестрого оникса. Игорь остановился и крутил головой по сторонам, но Вера потянула его за рукав в игорный зал.

Здесь не было ни бьющего в глаза внешнего великолепия, ни вызывающей пышности, ничего поддельного. На стенах — картины, фрески, изображающие времена года, сельские пейзажи. С потолка, на разгоряченных игроков смотрели вальяжные нимфы, благодушно покуривающие сигары. Тяжелые хрустальные люстры освещали все вокруг ярким праздничным светом.

Игорь обратил внимание на публику. Она вполне соответствовала обстановке казино. Мужчины — в элегантных костюмах, дамы — в вечерних туалетах сверкали бриллиантовыми украшениями.

Игорь с Верой подошли к рулеточному столу, и он сразу же почувствовал царящее вокруг стола возбуждение. Глаза игроков лихорадочно следили за крутящимся рулеточным колесом.

— Хочешь, сыграем? — предложила Вера, с интересом наблюдая за игрой.

— Ты знаешь, я ведь человек не азартный! Судьбу не привык искушать! — поморщился Игорь.

— Верно! Это не для тебя, — усмехнулась она и потянула его за собой в следующий зал.

В это же мгновение за их спиной раздался неясный шум, зазвучали взволнованные голоса. Они оглянулись. У рулеточного стола приводили в чувство сухонькую даму с бриллиантовой диадемой в седых волосах. «Десять тысяч долларов просадила!» — раздался чей-то громкий шепот.

Игорь бросил взгляд на публику, и ему показалось, что среди игроков мелькнула расплывшаяся физиономия посетителя пиццерии. «Этот тип явно мозолит мне глаза», — подумалось ему, и он хотел сказать об этом Вере, но она увлекла его за собой, и Игорь мгновенно забыл о толстяке.

— А ты знаешь, что всю эту красоту соорудили всего за шесть месяцев! — говорила на ходу Вера. — А тебе известно, кто был архитектором?

— Понятия не имею!

— Шарль Гарнье!

— Вот тут могу блеснуть эрудицией! «Гранд-Опера» в Париже! Угадал?

— Точно! — кивнула она и повела Игоря дальше — в поход по анфиладе игральных залов.

9

На следующий день рано утром Вера уехала по делам.

— А ты спи, спи, — прошептала она Игорю в ухо. — Времени у нас много! Все успеем посмотреть!

В полдень Игорь в одиночестве прогуливался по солнечным террасам, спускающимся от оперного театра к бухте. В каменных формах фасада театра причудливым образом соединились иллюзия и реальность. Словно беспокойные морские волны оставили на нем затейливый след и откатились вдаль, чтобы любоваться своим застывшим в камне творением.

Внезапно раздалась тревожно-бодрая музыка позывных мобильного телефона. Он вытащил из кармана серебристый плоский аппаратик. Звонила Вера.

— Послушай, Игорь! — проговорила она сухо, почти официально. — Я задерживаюсь по делам. Приеду поздно вечером. Примерно в двадцать три часа.

— В одиннадцать? — переспросил Игорь.

— Да, — ответила она, помедлив. — В двадцать три.

— Ну, хорошо, — расстроено протянул Игорь. — А мне что прикажешь делать?

— Зайди в казино, развлекись. Ну, все, Игорь, извини, больше говорить не могу. Буду в двадцать три часа. Пока.

— Пока-а, — кисло проговорил он и засунул аппарат обратно в карман.

Делать и впрямь было нечего, и Игорь нехотя потащился в казино. Галстуки и бриллианты были на месте. Он подошел к рулеточному столу. Крупье — невысокая брюнетка, с широким скуластым лицом и пристальным взглядом узких карих глаз, неожиданно подвинула Игорю грудку фишек и спросила:

— Ваш выигрыш?

— Нет, не мой, — недоуменно помотал головой Игорь. — Это ошибка. Я не ставил.

Крупье молча кивнула и передвинула фишки другому игроку. Мгновение Игорь колебался, потом сделал ставку, взглянул на табло и произнес быстро: «Двадцать три». Рулетка закрутилась. Он не сводил глаз с прыгающего шарика и почти не удивился, когда тот замер на цифре «двадцать три».

Забрав деньги, Игорь сразу же вышел из казино. Сердце у него взволнованно стучало, в голове шумело. «Как просто! «Двадцать три» — и в дамки! — думал он. — А почему, собственно, «двадцать три»? Где-то сегодня он уже слышал эту цифру, только где? А-а! Вспомнил! — Игорь от возбуждения даже прибавил шаг. — Вера по телефону несколько раз повторила: двадцать три часа. Он еще удивился, почему она так странно сказала — не одиннадцать вечера, а двадцать три. В Америке так только военные говорят».

Немного придя в себя от неожиданной удачи, Игорь решительно направился в сторону маленького ювелирного магазина, в котором они были вчера с Верочкой. Гранатовый браслет по-прежнему лежал под стеклом на бархатной витрине. Не торгуясь, он заплатил нужную сумму, получил браслет, упакованный в плоскую атласную коробочку, и положил ее в нагрудный карман пиджака.

Он допоздна бродил по улочкам и переулкам, выходил к морю, прислушиваясь к его умиротворяющему плеску. Зашел в кондитерскую и выбрал пару пирожных. Потянулся за третьим, но, подумав про себя, что Верочка вряд ли одобрила бы его поступок, остановился.

Когда совсем стемнело, ему вдруг стало неуютно и одиноко, и он решил вернуться в гостиницу и дожидаться Верочку там.

Что произошло дальше, Игорь помнил очень смутно. Он заворачивал за угол невысокого дома, как вдруг почувствовал, как кто-то огромный схватил его сзади за плечи и с невероятной силой швырнул на стену дома. Игорь не успел защититься руками и с размаху ударился головой о шершавый острый камень. Он попытался повернуться, но в глазах у него потемнело, и он медленно сполз на тротуар. Красно-черная пелена застилала глаза, но он успел рассмотреть могучую спину мужчины, тяжелым бегом скрывшегося за углом. «Человек из пиццерии», — мелькнуло у него в голове, и он отключился.

Сколько времени Игорь просидел, бессильно прислонившись спиной к еще источавшей дневное тепло стене, он понятия не имел. Очнулся, когда услышал тихий, незнакомый голос:

— Сэр, вы в порядке?

Он разлепил губы, чтобы ответить, и почувствовал во рту соленый привкус крови. Приподнял голову и увидел склоненные к нему два очень похожие друг на друга лица, с узкими раскосыми глазами и черными, как смоль, короткими волосами. Только одно лицо было женское, другое — мужское.

— Все в порядке, — пробормотал он, медленно поднимаясь с тротуара.

Японка порылась в сумочке, достала стопку бумажных платков, протянула ему и показала пальцем на его лоб. Игорь понял, что у него рассечен лоб и принялся бумажными платками промокать рану. Японцы что-то говорили между собой негромко, ему послышалось слово «police».

Он испугался, что они собираются вызвать полицию. Ему не нужен был скандал, да и Верочку не хотелось вмешивать в эту историю. Он растянул разбитые губы в вымученной улыбке и жестами попытался объяснить, что бежал, споткнулся, упал, с размаху стукнулся головой о камень и разбил лицо.

— Спасибо, спасибо, — повторял он до тех пор, пока японцы, наконец, не раскланялись и не удалились неслышными шагами.

Игорь нетвердой походкой брел по направлению к отелю. Неясные, сумбурные мысли кружились у него в голове: «двадцать три... шифр... выигрыш... человек из пиццерии...» Вспомнив о выигранных деньгах, он тут же вспомнил о браслете и лихорадочно полез во внутренний карман — коробочка была на месте. Затем расстегнул сумку, нащупал кошелек и вытащил его. Внушительная пачка денег распирала кожаные внутренности кошелька.

«Странно, странно... — пробормотал Игорь. — Все на месте. Почему же тогда?..»

Наконец он добрался до гостиницы и, войдя в номер, сразу поспешил в ванную комнату. Не решаясь посмотреть на себя в зеркало, открыл кран с холодной водой и долго плескал в лицо ледяные струи, чувствуя сильную боль и жжение и, даже не глядя, уже зная, где у него кровоподтеки и царапины. Затем взял полотенце, осторожными касаниями промокнул лицо и только тогда решился посмотреть в зеркало. Ничего особо страшного нет, кроме разбитого лба. К приходу Верочки все можно будет замазать, запудрить, заштукатурить.

Он достал из чемодана стерильный биндаж и аккуратно заклеил рассеченный лоб. Кровь уже едва сочилась и вскоре совсем остановилась.

Выйдя из ванной, Игорь прошел в комнату и опустился на край кровати. Да, играть ему, действительно, нельзя, госпожа Удача явно не на его стороне.

Поднявшись, он взял с кресла свою сумку, открыл ее и вытряхнул содержимое на яркое нейлоновое покрывало. Так и есть — пропала его записная книжка.

«Им нужна была Верочкина старая записная книжка, — подумал он. — Они видели, как я поставил и выиграл в казино, и решили, что книжка у меня. Наверное, в ней действительно зашифрованы какие-то числа. Верочка ведь так прямо мне и говорила, а я, дурак, не поверил. Да и сейчас не верю... Но если это так, они теперь будут искать Веру. Надо ее встретить!»

Игорь посмотрел на часы. Было уже пятнадцать минут двенадцатого. И в ту же минуту раздался телефонный звонок.

— Игорь?!

— Вера! Ты где? — Молчание. — Ты меня слышишь? Где ты? Тут происходят странные дела. Я хочу тебя встретить!

— Игорек, с тобой все в порядке?

— Да. Вера, где же ты все-таки?

— Знаешь, Игорь, — Верочкин голос дрогнул, — я не в Монте-Карло. Я через полчаса вылетаю в Париж. Так получилось. Срочная сделка. Прости, что я испортила тебе отпуск!

— Дело не в этом! — Голос Игоря сорвался на крик. Он торопился и глотал слова. — Я вчера в казино выиграл бешеные деньги! В рулетку! Поставил на «двадцать три», как ты сказала! А потом вечером на улице кто-то стукнул меня головой о каменную стену! Я решил, что ограбить хотели! Но, понимаешь, ничего не взяли!! Кроме моей записной книжки! Ты говорила, что шифр — ключ к выигрышу в твоей старой записной книжке! Они твою книжку ищут! Понимаешь? Теперь ТЕБЯ искать будут!

— О книжке не волнуйся, Игорек! Я сделала все, что нужно. Тайна шифра сохранится!

— Да черт с ней, с этой тайной! — Игорь задохнулся от волнения. — Я о тебе волнуюсь, дурочка! В Америку нам надо возвращаться, от греха подальше! И тебе, и мне! Я не хочу тебя одну оставлять. Плюнь на этот Париж! Приезжай сюда немедленно! Или лучше я в Ниццу приеду, и вылетим в Нью-Йорк первым же рейсом!

— Ничего уже изменить невозможно, — услышал он далекий голос. — Тебя никто не тронет! Не волнуйся! Я возвращусь в Нью-Йорк восемнадцатого. Еще в Москву заскочу на пару дней. Вазочку надо проверить. Помнишь, в усадьбе? Мою любимую?

— Какая Москва?! Какая вазочка?! Ты что, с ума сошла! Помнишь мужика в пиццерии? Я его потом в казино видел! Мне кажется, это он меня о стенку приложил! Неизвестно, кто он!..

— Успокойся! Все будет хорошо, Игорь! Я должна идти. Объявили посадку. Гостиница в Монте-Карло оплачена еще на неделю. За вещами я заскочу. Запомни, я возвращаюсь в Нью-Йорк восемнадцатого!

— Вера! Не уезжай! Прошу тебя! — Игорь сжал в руке маленький аппаратик так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Вера! Пстой! Не вешай трубку! — кричал Игорь. Но в ответ доносились только едва слышимые тревожные гудки.

10

Игорь был ошеломлен внезапным поворотом событий. Он нервными шагами мерил номер от стенки до стенки, пытаясь понять, что ему делать, но в голове было пусто, и он, упав на кровать, уставился в лепной потолок, повторяя шепотом: «Возвращаюсь восемнадцатого, возвращаюсь восемнадцатого...», пока незаметно для себя не заснул. Вот так — не раздеваясь — в сером выходном костюме и в лаковых черных ботинках.

Утром Игорь проснулся поздно. Встал, стянул с себя ботинки, пиджак, брюки и в трусах и майке побрел в ванную комнату. Внимательно рассмотрел в зеркале свою побитую физиономию. Голова гудела. Он нашел в прикроватной тумбочке аспирин и на ходу проглотил таблетку.

Потом открыл стенной шкаф. Снял с вешалки песочного цвета костюм. Тщательно рассмотрел коллекцию галстуков. Выбрал золотисто-коричневый. «Верочке бы понравился, — подумал он, неловко завязывая узел. — Вот мне уже тебя и не хватает, дорогая! В самом прямом смысле!» На душе было тоскливо и как-то нечисто. «Что он делает? Зачем? Ступил в зловещий чужой круг... — Игорь потрогал рукой разбитый лоб. — Надо вырваться, пока не поздно!» Захлопнув шкаф и схватив с кресла свою злосчастную сумку, он направился к двери.

Есть совершенно не хотелось. Игорь выпил чашечку кофе в первом попавшемся кафе. Побродил по городу, все такому же вылизанному и нарядному. Постоял на набережной, полюбовался видом на залив — синезеленый, зеркально-неподвижный. Белоснежные яхты стайками прижимались к берегу.

Игорь сам не знал, сколько прошло времени с того момента, как он покинул гостиницу, но неожиданно для себя понял, что стоит на площади перед казино. Видно, ноги сами принесли его сюда.

Войдя в знакомый зал, он сразу направился к рулеточному столу. Небольшая группа игроков окружала стол. Сегодня крупье был другой. Молодой человек с гладко зализанными назад волосами. Взгляд серых глаз был профессионально-равнодушным.

Крупье мельком взглянул на Игоря, и вдруг в его глазах загорелся огонек. Игорь понял — надо ставить. Он несколько секунд разглядывал таблицу, цветные квадраты и цифры, а потом тихо произнес: «Восемнадцать». Рулетка бешено закрутилась. Игорь и крупье, не отрываясь, смотрели друг на друга. Шарик подпрыгнул в последний раз и остановился. «Восемнадцать! Я выиграл», — без всякой радости подумал Игорь, отрешенно наблюдая за тем, как крупье придвигает ему груды фишек и скользит удивленным взглядом по его безразличному лицу.

Получив деньги, он вспомнил о том, что произошло с ним вчера, и внимательно оглядел зал. Никаких знакомых лиц не было. Человека из пиццерии тоже. Приехав на такси в гостиницу, Игорь вывалил из кошелька на стол выигранные деньги, сел рядом и уставился на них. Воздух из кондиционера тихонько шевелил деньги, и они как будто пересчитывали сами себя.

«Где же все-таки я видел человека из пиццерии? — напряг он память. — Да, конечно! Это же мужик, с которым я поспорил о чемодане в аэропорту Ниццы! Конечно! Толстяк отвлекал меня. А в это время кто-то копался в моем чемодане, а потом поставил его снова на ленту транспортера. Скорее всего, искали Верину записную книжку! Неужели, действительно, существует ключ к выигрышу в рулетку?! А, кстати, где же он, мой кожаный путешественник? — Игорь достал из шкафа чемодан и поставил его на пол, рядом с кроватью. — Пора собираться. Завтра — в обратную дорогу».

Что делать с деньгами, он решил давно. Он оставлял их Верочке. Сначала гранатовый браслет Игорь хотел взять с собой, чтобы вручить его дома, в Америке, но потом передумал. Пусть это будет неожиданный привет Верочке от него. Игорь добавил к выигранным деньгам сумму стоимости гранатового браслета из своих денег и аккуратно сложил все в черный целлофановый пакет. На дверце гостиничного сейфа набрал код и, засунув пакет в сейф и захлопнув дверцу, облегченно вздохнул.

Вернувшись в номер, он сел за стол, придвинул к себе узкий листок бумаги. Тревога за Верочку не покидала его, но он взял себя в руки и написал торопливым почерком:

«Верочка! Улетаю в Нью-Йорк. Буду ждать твоего звонка. Загляни в СЕЙФ. Там ждет тебя сюрприз. Думаю, тебе понравится. Целую. Твой Игорь».

Вложил записку в приготовленный конверт и заклеил его. Завтра он оставит конверт с запиской у портье. Потом улегся на кровать и стал ждать завтрашнего дня. Вот так, лежа на кровати, не выходя из номера. Без Верочки, без сказочного Монте-Карло и без заманчивого казино.

11

Вернувшись в США, Игорь включился в свою обычную жизнь: работа — дом, дом — работа. Он ждал Верочку и считал дни до ее возвращения.

Иногда вспоминал и Лену. Его несколько удивляло ее молчание, но он подумал, что у Лены всегда бизнес был на первом месте, и, если она не объявляется, значит, с бизнесом и с самой Леной все в порядке.

Наконец наступило восемнадцатое число, суббота. Весь день Игорь был как на иголках, ждал звонка, часто с тоской посматривал на телефонный аппарат. Поздно вечером он не выдержал и набрал Верочкин домашний телефон. К его изумлению, приятный женский голос, записанный на магнитофонной ленте, сообщил ему, что абонент выбыл в неизвестном направлении и своего нового номера не сообщил. С мобильным телефоном была такая же история.

Рано утром в воскресенье Игорь сел в машину и помчался к Вере. Набрал код, распахнул дверь подъезда и очутился в знакомом прохладном холле, заставленном цветами и карликовыми деревьями. Перескакивая через ступени, вбежал на пятый этаж и нетерпеливо нажал кнопку звонка. Дверь тут же отворилась. На пороге стояла пожилая дама, в белом, до пола, одеянии, напоминающем халат. Ее голову плотно облегал капюшон. Глаза скрывали толстые линзы очков. Обеими руками дама прижимала к себе книгу в изрядно потрепанной обложке. Из глубины квартиры доносился пряный запах какой-то травы.

Игорь некоторое время недоуменно смотрел на даму.

— Hello! — проговорил, наконец, он.

Дама улыбнулась и быстрыми жестами показала, что она не понимает по-английски. Игорь некоторое время растерянно потоптался на месте, не зная, что делать, затем вытянул шею и заглянул поверх головы дамы внутрь помещения. То, что он сумел рассмотреть, ничем не напоминало обстановку Верочкиной квартиры, и он подумал, что впопыхах перепутал двери. Взглянул на номер, прикрепленный к входной двери. Нет, все точно.

Дальше стоять на пороге было уже неудобно. Игорь вежливо поклонился даме и пробормотал: «Вуе!» Дверь захлопнулась. А он вдруг опустил глаза, и его внимание привлек коврик, лежащий на полу у двери. Игорь наклонился, чтобы лучше его рассмотреть. На всю величину коврика был изображен силуэт черной собаки. Собака с яростью разгрызала на куски какой-то предмет. Вглядевшись, Игорь с удивлением узнал в нем рулеточное колесо. На некоторых кусках можно было разглядеть цифры: 0, 23, 18, 36. 0 — первая цифра, 36 — последняя, 23 и 18 — те самые, «Верочкины».

Душный травяной аромат ударил в лицо, и у Игоря закружилась голова. Он повернулся и побежал по лестнице вниз. Все быстрее и быстрее. Внезапно нога его подвернулась, и он, не успев ухватиться за перила, упал и кубарем скатился по ступенькам. Спина, колени, локти больно ударялись об острые выступы ступеней. Пролетев до самой нижней площадки, Игорь плашмя растянулся на ней. Кряхтя и охая, встал, потирая ушибленные места. Побился изрядно, но вроде все цело.

Ругая себя за неуклюжесть, он вышел из подъезда, сел в машину и отправился к себе домой. Голова была как в тумане, мысли путались. Что все это означает? Во всякую чертовщину с тайнами и проклятиями он по-прежнему не верил. Но куда девалась Верочка? Что с ней стряслось? И где ее теперь искать?

Дома на письменном столе среди бумаг он нашел телефон гостиницы в Монте-Карло. Позвонил и у дежурного портье узнал, что Вера приехала в гостиницу на следующий день после его отъезда, и что конверт с его запиской ей передали. «Она, случайно, не говорила, куда собирается ехать? — без всякой надежды спросил Игорь. Но портье неожиданно ответил: «Мадам собиралась в Москву. Говорила, что там уже холодно, и ей нужна шубка. Я посоветовал магазин, здесь, недалеко, где продают шубы». Игорь поблагодарил портье и повесил трубку.

Если Верочка вернулась в Монте-Карло на следующий день после его отъезда, значит, что-то случилось, и она вынуждена была изменить свои планы!

Он решил не впадать в панику, а набраться терпения и подождать несколько дней. Никаких нитей у него в руках не было. А Вера сейчас могла находиться где-то в глубинке в России, откуда нет возможности позвонить.

Игорь несколько дней ждал звонка от Веры, но так и не дождался. Тогда он отыскал номер офиса и позвонил туда. Ему сказали, что квартиру Вера снимала, но внезапно, через доверенное лицо разорвала договор и съехала, заплатив неустойку. Нового адреса не оставила, сославшись на то, что будет некоторое время жить в гостинице, до тех пор, пока не определится с новым местом работы.

Никого из Верочкиных друзей и знакомых Игорь не знал, и где теперь искать бесследно пропавшую Веру, понятия не имел.

Прошел месяц, Вера по-прежнему не давала о себе знать. Чтобы перестать терзаться неизвестностью, Игорь постепенно пришел к спасительной мысли, что она его бросила. Не пропала при невыясненных обстоятельствах, а бросила. Решила разорвать с ним все отношения, как с ничемным мужиком, не способным на рискованные поступки. Хотя эта мысль и была по самолюбию, но была не такой невыносимой, как ее странное, таящее в себе опасность исчезновение.

12

Незаметно подкралась зима. Она была странная, непохожая на прошлые зимы. То потрескивал легкий морозец, и лужи покрывались тонким льдом, а на следующий день наведывалась весна, и теплое солнце ласкало удивленную землю. Потом вдруг небо затягивалось мрачными тучами, и лил нудный осенний дождь.

Наконец пошел снег. Он падал, не переставая, день и ночь, еще день и еще ночь. Жизнь замерла под толстым снежным покрывалом.

К счастью, снегопад совпал с выходными, и Игорь полдня в воскресенье откапывал свою машину. Рядом возвышался сугроб, неясными очертаниями напоминающий автомобиль, но никто не пришел освобождать засыпанную машину из снежного плена.

Через пару дней в город неожиданно вернулось тепло, и толстый покров снега стал исчезать, таять, испаряться беловатым дымком в нагретом воздухе.

Игорь возвращался с работы и, подъезжая к дому, вдруг увидел, что парковка оцеплена желтой заградительной лентой. Вокруг стояли несколько полицейских машин с мигающими огнями на крышах. Он завернул к соседнему корпусу и не без труда нашел свободное место для парковки. Выйдя из машины, приблизился к небольшой группе жильцов дома, столпившихся на тротуаре, и услышал взволнованный женский голос:

— Я просто в шоке! Я подъехала к подъезду. Вышла из машины, хлопнула дверцу, и в этот момент снег, лежащий на соседней машине, рухнул на землю. Я взглянула в боковое стекло и увидела жуткую картину! За рулем, скорчившись, сидел залитый кровью мужчина! Я закричала... Выбежал сосед и вызвал полицию!.. — Голос женщины дрожал.

— Полицейские сказали, что мужика убили несколькими выстрелами в голову, — раздался хрипловатый бас.

Игорь почему-то сразу подумал, что речь шла о той самой, засыпанной снегом машине. Не останавливаясь, боковыми проходами он поспешил к своему подъезду. Произошедшее убийство сильно встревожило его, но он не понимал, почему, а по пути домой все время беспокойно оглядывался по сторонам.

Закрыв на ключ дверь квартиры, рухнул в кресло и так просидел весь вечер. Позже, в кромешной тьме нащупал лежащий на журнальном столике переключатель каналов, включил телевизор. Передавали ночные новости. В криминальной хронике сообщили об убийстве, произошедшем в тихом, спокойном районе, где жил Игорь. Диктор сообщила, что личность убитого установлена. Им оказался французский бизнесмен Поль Краше, приехавший заключить сделку с одной из местных компаний. На экране появилась фотография убитого. Вглядевшись в обрюзгшее лицо, Игорь чуть не свалился с кресла. Это был толстый француз из пиццерии! Он сразу его узнал! Между тем диктор продолжала сообщение: в руке убитого был зажат брелок с изображением собаки, несущей горящий факел...

«Невероятное совпадение! Невероятное!.. — прошептал Игорь. — Сомнений нет — за мной следили. Верочка пропала, теперь — моя очередь. Ясно, что они ищут записную книжку. Или ждут, когда я опять выиграю в рулетку? Если выиграю, значит, знаю тайный шифр! — Он досадливо поморщился: — Постой! Но кто — они? И что означает брелок? Где-то я уже видел подобное изображение!»

Игорь перебирал в памяти события последнего времени, пока, наконец, не вспомнил прошлогоднюю новогоднюю вечеринку в доме своего друга Вадима. Женская половина гостей тогда столпилась на кухне, помогая хозяйке с последними приготовлениями к праздничному столу, а мужская сосредоточилась в кабинете Вадима, ведя бесконечные разговоры о новейших компьютерных программах и модных марках машин. Игорь сидел в кресле у журнального столика и машинально листал внушительных размеров альбом в кожаном переплете. Случайно его внимание привлек рисунок на одной из страниц. Огромный пес, с сильной широкой грудью, нес в пасти горящий факел.

Игорь тогда спросил у Вадима, что означает этот рисунок. Вадим объяснил ему, что давно интересуется геральдикой — собирает изображения разных гербов и их историю. Собака с факелом — герб Доминиканского ордена. Этот нищенствующий католический орден был основан в 1215 году испанским монахом Домиником. Герб символизирует призвание ордена — оберегать церковь от ереси и бороться с людскими пороками. Сами доминиканцы называли себя *Domini canes*, что на латинском языке означает — Псы Господни.

Игорь вскочил с кресла, зажег свет и бросился к телефону. Набрал номер Вадима. Долго никто не откликнулся. Наконец послышался сонный голос: «Алло!»

— Вадим, мне нужно срочно с тобой встретиться! — взволнованно заговорил Игорь. — Можно я к тебе завтра вечером заеду?

— Игорь — это ты? Ты что, с ума сошел?! Знаешь, сколько времени?

— Нет, не знаю, — честно признался Игорь.

— Два часа ночи!

— Ой, извини, друг! Я тут в темноте сидел, задумался и про время забыл!

— Ненормальный! Иди спать, а завтра — приезжай! — И в трубке раздались короткие гудки.

Вечером следующего дня Игорь был у Вадима. Он рассказал другу все, что с ним произошло с того момента, как он случайно увидел Верочку из окна машины.

Вадим слушал молча, не прерывая Игоря ни единым словом. Когда тот закончил, он встал, подошел к письменному столу, открыл ящик, покопался в нем немного и протянул Игорю ключ:

— Возьми. Это ключ от моего передвижного домика. Здесь, недалеко, у озера. Поживи недельку-другую. Обычно несколько старичков-рыболовов живут там всю зиму, а больше — никого. Не вздумай играть в рулетку, и вообще про казино забудь! А теперь слушай! — Вадим взял с книжной полки альбом в кожаном переплете, опустил в кресло напротив Игоря и, машинально перелистывая страницы альбома, начал: — Я изучал в свое время историю Доминиканского ордена. Герб ордена показался мне очень интересным. Собака, факел! всю историю я тебе рассказывать не буду. Нет смысла. А вот с рулеткой связь у них, действительно, есть.

Игорь внимательно слушал друга. По словам Вадима, Доминиканский орден в середине семнадцатого века начал свою миссионерскую деятельность в Китае. Деятельность эта особого успеха не принесла, но некоторые усердные монахи в своих странствиях добрались до Тибета. Там, в тибетских монастырях одного из монахов познакомили с древней игрой. В магическом прямоугольнике в определенной последовательности нужно было расставить тридцать семь фигурок животных.

Монах увлекся игрой и, когда вернулся к себе на родину, в своей уединенной келье усовершенствовал китайскую игру. Он заменил фигурки цифрами — от ноля до тридцати шести — и разместил их вдоль края вращающегося круга. Таким образом, была изобретена рулетка.

Многие монахи, забыв строгие монастырские уставы, предавались запрещенной игре. Но участь монаха-изобретателя была predetermined.

По доносу он был арестован и передан в руки инквизиции. Именно Доминиканскому ордену, как непреклонному защитнику веры, Папа Римский поручил руководить инквизицией. Доминиканцы славились своей жестокостью и бескомпромиссностью.

После допросов и страшных пыток на дыбе монах был приговорен святым судом к смерти — за растление душ человеческих и преступления против христианской веры. Монаха повесили на эшафоте, а затем сожгли на костре, чтобы душа его разлучилась с телом навсегда.

Вадим сказал, что женщина, которую видел Игорь в квартире Верочки, скорее всего, Доминиканская монахиня. По уставу ордена, монахини носят белые сутаны и вуаль. Выходя на улицу, сверху надевают черный плащ с капюшоном.

— Черный плащ с капюшоном? — Игорь вскочил и заметался по комнате.

Он рассказал Вадиму про случай с машиной, чуть не врезавшейся в него, когда он возвращался из Верочкиной квартиры. И про громадного черного ротвейлера, злобно скалившегося на него из машины.

— Тебе немедленно нужно исчезнуть из города! — внимательно посмотрев на него, произнес Вадим. — А как был одет толстяк-француз?

— Обычно! — пожал плечами Игорь. — Брюки, рубашка, галстук. А что?

— Странно, — протянул Вадим. — Знаешь что, мужик! Ты уезжай на озеро! А я пороюсь в книжках, может быть, удастся что-нибудь еще раскопать. У меня мелькает одна мысль, но надо поработать. Я приеду к тебе сам, как только найду нужный материал.

13

В передвижном домике на берегу лесного озера было все необходимое для жизни — плита для готовки, маленький холодильник, металлическая раковина, узкая кровать вдоль стены, даже душ в углу за плотно закрывающейся дверцей. Игорь, к своему удивлению, быстро привык к полному уединению и тишине.

Старик, живущий в таком же домике ближе к лесу, оказался неразговорчивым. Он только гордо сообщил Игорю, что живет на проценты с акций «Кока-Колы», и что рыбная ловля его давнишняя страсть. А больше никого в окрестностях поселка передвижных домиков Игорь не видел. Возможно, кто-то и был, но на глаза ему не попадался.

Однажды вечером он расставлял на откидном столике картонные коробочки с едой, захваченные по дороге с работы из китайского ресторанчика, и тут раздался стук в дверь. С коробочкой в руках Игорь бросился к двери и распахнул ее. Это был Вадим. Он неторопливо поднялся по ступенькам и вошел в домик. Вид у него был нахмуренный.

— Ты что же, дверь вот так запросто открываешь, даже не спросив: «Кто это?»! — сердито проговорил он. — А ведь это могла быть и инквизиция с топорами и щипцами! Тогда бы тебе, милый мой, несдобровать!

Игорь растерянно молчал.

— Ну, ладно! — Вадим улыбнулся. — Запугал я тебя совсем! Но в следующий раз советую быть осторожней! — Он снял куртку, бросил на диванчик, уселся сам и, помолчав минуту, заговорил: — Так вот, приятель, удалось мне найти кое-что, проливающее свет на таинственного толстяка-француза. Скорее всего, он принадлежал к секретной организации, которая называется «Полиция Иисуса Христа». Она была создана Доминиканским орденом для мирян, желающих содействовать целям ордена, не покидая светскую жизнь. Они не произносят обетов, но постоянно носят при себе герб ордена — собаку, несущую факел. Для них был принят особый устав. Мне удалось разыскать его. Меня поразили один факт: как оказалось, членам организации запрещено прибегать к оружию, за исключением случаев защиты римско-католической церкви и собственных земель.

— Ты хочешь сказать, что благодаря этому уставу я до сих пор жив, — усмехнулся Игорь.

— Вполне возможно, — кивнул Вадим. — По всей видимости, Доминиканский орден до сих пор ведет борьбу со своим собственным изобретением — рулеткой. Она ведь никуда не исчезла! И особенно с теми, кому сопутствует удача. Они считают, что выигрыш принадлежит сатане. Для этой борьбы они привлекают и мирян — членов «Полиции Иисуса Христа». Я думаю, орден поставил перед собой задачу — найти секретный код и уничтожить его. И монахиня не зря поселилась в Верочкиной квартире. Вполне вероятно, что кроме книжки Верочка могла записать код в любом месте. В ящике кухонного стола, например, или в стенном шкафу.

— Но почему все так круто повязано с казино? — удивленно спросил Игорь.

— У меня тоже возник такой вопрос. Пришлось покопаться. Но что только не сделаешь для друга!

— За мной ресторан!

— погоди, успеешь расплатиться! А история интересная, между прочим! Как оказалось, в середине девятнадцатого века два француза, братья-близнецы Луи и Франсуа Бланк, придумали новую рулетку. Вернее, усовершенствовали старую. Вместо двух нулевых ячеек оставили одну. Вероятность выигрыша возросла. Но в то время во Франции азартные игры были запрещены. Тогда братья переехали в Германию и там открыли свои игорные заведения, где и представили новую рулетку. Их игорные дома пользовались бешеным успехом среди богачей, желающих растрясти свои кошельки.

— Но при чем тут Монте-Карло? — нетерпеливо перебивая друга, снова спросил Игорь.

— Да уймись ты на минутку! Дай договорить! Так вот! В то время у княжества Монако возникли серьезные финансовые проблемы. И князь Чарльз Гримальди решил привлечь в Монако игорный бизнес. Но как его организовать, он понятия не имел. Поэтому пригласил специалистов в этой области — братьев Бланк. И не ошибся! Ребята оказались шустрые. Они заключили договор на пятьдесят лет на строительство и управление казино в Монте-Карло. Убедили французов построить дорогу от Парижа до Монте-Карло, а также железнодорожную ветку, связавшую Монте-Карло и Ниццу. Наняли лучших архитекторов того времени и воздвигли на Лазурном побережье роскошный дворец азарта. Аристократы всего мира устремились в Монте-Карло. И княжество с тех пор процветает. Даже налоги, и те ему не нужны, доходов от игорного бизнеса хватает на все.

Игорь молча слушал Вадима, потом вдруг спохватился:

— Садись к столу! У меня тут тоже кое-что китайское есть! Не рулетка, конечно! Нечто более съедобное! — и он показал на картонные коробочки с китайской едой.

Вадим переместился на табуретку возле столика, открыл одну из коробочек и, ловко орудуя палочками, стал поедать мелко нарезанные, еще дымящиеся кусочки мяса, заедая горячим рассыпчатым рисом.

— А между прочим, — проговорил он с набитым ртом. — В свое время ходили слухи, что один из братьев — Франсуа Бланк — продал душу дьяволу за секрет рулетки.

Игорь перестал жевать и уставился на друга удивленным взглядом.

— Да ты ешь, ешь! — улыбнулся Вадим. — А то остынет! Все это давно было!

Скоро коробки были опустошены и выброшены в мусорную корзинку. Игорь поставил на плиту чайник. Не поворачивая головы, он проговорил, как будто обращаясь к самому себе:

— Кто же все-таки убил толстяка-француза? Да еще таким зверским способом!

— До профессионального детектива мне далеко, — усмехнулся Вадим, — но предположить кое-что можно. Очень похоже на мафию. Не исключено, что Доминиканцы перебежали дорогу мафии, орудующей в игорном бизнесе Монте-Карло. Допустим, мафия узнала про код и решила добраться до него любыми путями. А потом доить рулеточную корову до скончания века. А Доминиканец подобрался к тебе, держателю шифра, слишком близко. Вот они его и убрали.

— Но я не знаю никакого шифра! — воскликнул Игорь.

— А кто тебе поверит! Девушка была влюблена в тебя как кошка! Чувствовала опасность и передала тайный ключ к богатству самому близкому человеку.

— Вадим! Ты же образованный человек! Ты что, серьезно веришь в существование нечистой силы?

— А как же! И образование здесь ни при чем! Ты сам припомни, что с тобой происходило в последнее время! Выигрыши неожиданные, коврики, кровь черная, собаки разные... Ты только перестань в эту силу верить — она сразу же тут как тут! И кто знает, что она еще может натворить! Напрасно только девушка втянула тебя в это дело!

Игорь вспомнил Верочку и тяжело вздохнул:

— Она это понимала, но, видно, очень хотела богатым меня сделать. Она еще говорила мне, что ей некому шифр передать. Вера — последняя в роду... Я не поверил тогда ничему, не стал расспрашивать...

— Ну, ничего! Авось пронесет! — похлопал Игоря по плечу Вадим. Видно было, что он хотел еще что-то сказать, но промолчал.

14

Приближалось Рождество. Оно принесло в город слякоть, мокрый снег и сырой, пронзительный ветер. Внезапно позвонила Лена и, к удивлению Игоря, пригласила его на Новый год в Москву. Она сказала, что долго не появлялась, потому что строила себе за городом особняк. Сейчас все закончено, и она приглашает Игоря отпраздновать одновременно новоселье и Новый год.

Игорь обрадовался и охотно согласился. Он совершенно озверел от одиночества и неизвестности. На работе царил предпраздничное затишье. Игорь позвонил Вадиму и сообщил о намечаемой поездке. «Уезжай, — сказал Вадим. — Чем дальше, тем лучше!» Игорь взял неделю отпуска и вылетел в Москву.

Лена встретила его в Шереметьево. Погода в Москве как две капли воды была похожа на ту, что он оставил за океаном. Почерневший снег по обочинам дорог, кусачие льдинки зимнего дождя, голые деревья.

Новенький «мерседес» шустро катился по пустынному шоссе. Лена лихо крутила руль и постоянно поворачивала к Игорю свое улыбающееся лицо. Она ни о чем не спрашивала его. Так было и раньше. Личная жизнь Игоря никогда не интересовала Лену. Интересовал ее только он сам. Лакомый красивый кусочек.

Она болтала без остановки, описывая ему только что завершённую «стройку века» — свой особняк, который назвала «Ленские горки».

— Полы в ваннных комнатах тепленькие, мягонькие, со специальным подогревом, — говорила она и даже жмурилась от удовольствия. — Такие вам, в вашей Америке, даже не снились!

Игорь благодушно кивал головой. Он сидел рядом с Леной, а думал о Верочке. «Какая я все-таки скотина! Позвали — и побежал! А ведь неизвестно,

что с Верой произошло! Или происходит! Может быть, она где-то ждет его помощи! Не в состоянии дать о себе знать!» — От досады он так резко мотнул головой, что Лена, покосившись на него, озабоченно спросила:

— Что с тобой? Голова болит? Скоро приедем! Я тебе хорошую таблетку дам. В миг все пройдет!

— Да, есть немного, — поморщился Игорь. — Я в самолете почти не сплю.

— Это мы тебе устроим, — улыбнулась Лена. — Полноценный отдых, с массажем и сауной!

Игорь промолчал.

— Да ты не думай, что я тебя в гаремное заточение везу! — правильно оценила она его молчание. — Я тебе вторую машину отдам. Можешь ехать, куда хочешь! Полная свобода! И ключи я тебе приготовила от московской квартиры. Полюбуйся столицей! Давно ведь не был? А она за это время еще большей красавицей стала! Умницей! Видишь, все женского рода! Женщины у нас теперь в бой за богатство пошли. А что?! Еще Некрасов писал: «Коня на скаку остановит. В горящую избу войдет!» Вот и пришло оно, наше времечко, мужиков усталых заменить. В разных сферах.

— Интересно, в каких же именно? — усмехнулся Игорь.

— Бизнес не делают в белых перчатках, — после короткой паузы ответила Лена.

— А-а! — протянул Игорь. — Где-то я уже это слышал.

Машина остановилась у глухого, бесконечно длинного забора. Игорь вышел из машины, и, осмотревшись, заметил:

— Веселенький заборчик!

— В хозяйстве вещь необходимая! — серьезно проговорила Лена.

15

Бесснежный, слякотный Новый год они встречали, не выходя из дома. Вдвоем. В огромной спальне с высоким зеркальным потолком. Везде — на столах и столиках с витыми ножками, на полу были расставлены горящие свечи. Бутылки шампанского, фужеры отражали их мерцающие огоньки. Фрукты в хрустальных вазах, крошечные пирожные на серебряных подносах...

На следующее утро по пути в ванную комнату Игорь заметил на одном из журнальных столиков кипу красочных проспектов. Взял в руки один из них, и сердце его екнуло. На глянцевой фотографии было изображено казино в Монте-Карло. Он долго держал в руках яркую бумажку, а потом засунул ее в середину пачки.

За завтраком, принимая от Лены бутерброд, густо намазанный черной икрой, Игорь кивнул головой на столик и спросил:

— Французской Ривьерой интересуешься?

— Ты тоже? — улыбнулась Лена.

— А что? — пробубнил Игорь, с удовольствием пережевывая бутерброд. — Места дивные, говорят.

— Да, отличные места — и для отдыха и для бизнеса, — сказала она, бросив на него быстрый взгляд.

— И чем же они хороши для бизнеса? — спросил Игорь, правда, без особого интереса, а просто так, чтобы дать ей возможность поговорить на любимую тему.

— Ну, во-первых, практически отсутствует налогообложение. Во-вторых, тайна банковских вкладов, практически невозможно обнаружить принадлежность счетов. В-третьих — денежки легко «отполоскать». Несколько удачных операций с недвижимостью, и грань между «грязными» и «чистыми» деньгами становится невидимой. И потом, игорный бизнес — жутко выгодная штука. Знаменитое казино «Монте-Карло»! Слышал о нем?

— Краем уха, — буркнул Игорь, внимательно разглядывая узор кружевной скатерти. Он явно не желал продолжать разговор. Но Лена, казалось, не замечала этого.

— Ты не представляешь, Игорек, какие в тех краях с нашими бизнесменами смешные случаи бывают. Один мой знакомый рассказывал, что, когда приехал на Лазурный Берег, хотел машину роскошную на прокат взять, «бентли», кажется. Ему стали объяснять, что для этого кредитная карточка нужна, порядок такой, а он ответил, что в кредит жить не любит, характер не позволяет, взял и купил эту самую машину. За наличные. Стодолларовыми купюрами расплатился. Все служащие в обмороке валялись!

Игорь рассеянно улыбнулся. Лена посмотрела на него внимательно, но ничего не сказала.

16

На следующий день Игорь заявил, что собирается поехать в Москву, у него намечены встречи с друзьями. Лена не роптала. Вручила ему ключи от квартиры, машины, мобильный телефон и, улыбнувшись, потрепала по щеке:

— Держи меня в курсе своих передвижений, чтобы я тебя не потеряла. На волнение у меня нет времени!

Но на уме у Игоря было совсем другое. Во внутреннем кармане куртки лежал маленький листок бумаги. На нем был записан адрес Верочкиной усадьбы. Игорь потратил много времени, чтобы с помощью Интернета и через знакомых найти ее местоположение.

Имение находилось недалеко, почти на границе Москвы и области.

Игорь довольно быстро доехал до нужной железнодорожной станции. Оставил машину у небольшого пристанционного рынка. Спросил у старушки, продающей вязанные шерстяные носки, как пройти к Усачевке.

— Да вот так и иди прямо, милоч! Дорогу перейдешь, там парк будет. По тропочке иди, никуда не сворачивай, к Усачевке и выйдешь. Ее не проморгаешь — красивенькая больно!

— Спасибо, бабуля. — Игорь заглянул в слезящиеся светлые глаза. Потом посмотрел на носки и поинтересовался: — А носки-то, бабушка, почему продаешь?

— Да недорого! Возьми, сынок! Носки теплые, хорошие. Доволен будешь!

Игорь купил совершенно не нужную ему пару носков и поспешил по указанной старушкой дороге.

Он перешел узкое шоссе и торопливо зашагал по протоптанной дорожке через парк. Мимо заросшего, неухоженного, похожего на грязную лужу пруда. Могучие деревья старинного парка протянули к серому небу темные обнаженные ветви.

Скоро Игорь разглядел между стволами белое здание. Оно было удивительно похоже на казино в Монте-Карло, и он сразу подумал о Верочке, но тут же недовольно тряхнул головой — пора за дело! — и медленно пошел вдоль фасада усадьбы.

Гривастые мраморные львы, возлежащие на широких перилах лестниц, проводили его равнодушными взглядами. Скульптурные женские фигуры в широких одеждах не поднимали грустно склоненных голов.

Игорь завернул за угол здания. Вот он, балкон на втором этаже! Крышу, нешироким козырьком выступающую над балконом, поддерживали четыре стройные кариатиды. По углам балкона, на приземистых тумбах стояли ребристые вазоны.

Здание казалось вымершим. Игорь подошел к темно-коричневой двери, похожей на служебный вход, и нажал кнопку звонка. Никто не откликнулся. Тогда он начал стучать в дверь, все сильнее и сильнее. А потом принялся одновременно звонить и стучать. Внезапно он услышал поворот ключа в замке, и дверь распахнулась. На пороге стоял приземистый мужичок, заспанный, всклокоченный, и почему-то в белом халате.

— Ну, чего тебе? — вежливо спросил он. — Закрыты мы. Ремонт скоро начнется. Понял? А ты что, больной, что ли? Не похож, вроде....

Игорь объяснил мужичку, что ему нужно.

— Не положено в лечебное учреждение постороннему заходить. Порядок такой.

Игорь полез в карман, вытащил приготовленные сто долларов и протянул ему. Мужичок сразу встрепенулся:

— Ну, если только в порядке исключения... Учитывая, так сказать, обстоятельства... Проходите...

Игорь шел по длинному коридору за мужичком, упершись взглядом в его белую спину.

— Так тебе балкон на втором этаже нужен, что ли?

— Да.

— Там у нас кладовка. Балкон заколочен, но открыть можно.

Они поднялись на второй этаж. Мужичок ввел Игоря в просторную кладовку и приказал:

— Стой здесь!

А сам направился к балконной двери, вытащил из картонной коробки какой-то инструмент и стал, тяжело сопя и отдуваясь, явно для вида, открывать балконную дверь.

— Пажалте, — проговорил он через какое-то время. — Ищите ваш любовный сувенир! — И захихикал: — Бабы — они такие! Любят кочевряжиться! Ну, закинул на балкон под горячую руку! Подумаешь, «подарок в знак вечной любви!» В магазине, небось, таких подарков полным-полно! — Мужичок направился к выходу, крикнув через плечо: — Ну, я пошел! Не буду мешать! Только ты не задерживайся, а то мне обедать пора! — и с силой захлопнул за собой дверь.

А Игорь поспешил на балкон. Он представления не имел о том, что ищет. Но что-то точно должно быть в ребристой вазе, украшенной каменными кистями. Не зря Верочка так упорно привлекала к ней его внимание. Только — какая из двух? Он пожалел, что отмахнулся тогда и не посмотрел как следует на фотографию. Кажется, вот эта — справа. Ваза была заполнена слежавшейся землей, каким-то мусором. Сверху валялась пустая металлическая банка из-под кока-колы.

Игорь достал из кармана приготовленную резиновую перчатку, натянул ее и погрузил руку во влажную вязкую почву. Рука была в грязи уже почти по локоть. Видимо, в этой вазе ничего не было, и он собрался перейти к другой, как вдруг почувствовал, что пальцы уперлись во что-то твердое и скользкое. Он на ощупь подхватил предмет и вытащил его на свет. Это был черный целлофановый пакет, точно такой, какой он оставил для Верочки в сейфе в гостинице в Монте-Карло.

Он отряхнул его и положил в висящую через плечо сумку. Потом засунул руку в вазу еще раз и нащупал второй пакет. Потом третий. Сложил все в сумку и, торопливо устремившись к другой вазе, порылся там, но ничего не нашел. Стянул с руки резиновую перчатку, собираясь выбросить ее в вазу, тут же передумал и тоже засунул в сумку. Из бокового кармана сумки достал маленького игрушечного медвежонка с золотым сердечком на серебряном пояске, обвалял его немного в земле и вышел из кладовой.

Мужичок стоял возле входной двери с папироской в зубах. Неодобрительно прищурившись, спросил: — Ну что, нашел?

— Нашел! — ответил Игорь и сунул мужичку под нос медвежонка. — В вазу залетел! — Потом полез в карман, достал купюру в пятьдесят дол-

ларов и протянул мужичку: — Спасибо, мужик, выручил! А то пропадай, моя головушка! Вся любовь врозь!

— Сумасшедший народ пошел! — качал головой сторож, закрывая за Игорем дверь. — Деньги совсем девать, видно, некуда! На бабу тратить — самое пропащее дело! Ни тебе благодарности, ни тебе почета! Одни капризы!

Игорь обогнул здание и углубился в парк. Пройдя несколько шагов, оглянулся, махнул рукой, прошептал: «Прощай, российское Монте-Карло!» — и зашагал к станции.

В машине он вытащил из сумки пакеты и развернул их. В каждом лежали аккуратно запечатанные пачки зелененьких купюр. Много пачек.

Игорь совершенно не удивился, другого он и не ожидал. Но когда раскрыл последний пакет и заглянул в него, сердце его упало. Сверху купюр лежала атласная коробочка. Он открыл ее, и в сумрачном зимнем свете блеснул темно-красными камнями гранатовый браслет. Положив браслет на ладонь, Игорь долго смотрел на него. Затем порылся еще в пакетах в поисках записной книжки, но ее нигде не было. Положил пакеты обратно в сумку и бросил под заднее сиденье.

Чтобы унять охватившее его волнение, он вышел из машины и прошелся по рынку. Продавцов было уже мало, а покупателей и того меньше.

— Молодой человек! — вдруг раздался за его спиной тихий голос.

Игорь обернулся и увидел у пустого деревянного прилавка человека. Это был немолодой уже мужчина с костлявым темным лицом. На худые плечи было наброшено нечто черного цвета, напоминающее плащ-палатку. Игорь опустил глаза и с изумлением заметил, что мужчина, несмотря на промозглый зимний день, обут в старые сандалии на босу ногу. Голые грязные пальцы торчали между потертыми ремешками.

В ногах у мужчины лежала облупившаяся клеенчатая сумка, набитая книгами, и в руке он держал какую-то потрепанную книгу.

— Молодой человек! Купите книгу! — протянул он ее Игорю.

При этих словах из-за спины человека в плащ-палатке появилась огромная собака. В зубах она держала короткую палку, по форме похожую на бейсбольную биту. Собака положила палку на землю, зевнула, широко раскрыв пасть, и уселась рядом с хозяином.

— Не бойтесь, пес не кусается, — проговорил мужчина и улыбнулся.

— А как его зовут? — спросил Игорь.

— У него очень простое имя. Его зовут Кан, — ответил хозяин и потрепал пса по лобастой голове. — А книжку вы все-таки купите, — снова обратился он к Игорю. — Очень интересная книжка. Не пожалеете. Она вам пригодится.

— А о чем она? — спросил Игорь, вглядываясь в почти стертые буквы названия.

— Очень полезная книга! — продолжал мужчина, не отвечая на вопрос и глядя на Игоря пристальным взглядом небольших темных глаз.

Пес тоже поднял на него умные карие глаза. Игорь мог поклясться, что это два существа смотрели на него одинаково строго и взыскательно.

— Я беру! — сказал он и, протянув деньги, поспешил к машине.

Сев за руль, Игорь сначала положил книгу на сиденье рядом с собой, но потом передумал и засунул ее в боковой карман сумки, в которой лежали пакеты с деньгами.

Он крутил руль по уже темнеющим ранними зимними сумерками улицам. Деньги по-прежнему не волновали его. Верочка любила деньги и оставила их ему на хранение. Он вернется в Америку, откроет специальный счет и положит все деньги на него. И тогда они вместе — он, Игорь, браслет и деньги будут ждать возвращения своей хозяйки.

Вдруг Игорь понял, что не хочет сегодня возвращаться к Лене, и, круто развернув машину, помчался обратно к Москве. Ключи от квартиры лежали у него в кармане. Он позвонил Лене. Ее дома не было. Обрадовавшись, что не надо ничего объяснять, он оставил на автоответчике сообщение, что переночует в Москве.

17

Квартира Лены была в самом центре города, в большом кирпичном доме. Из окон открывался захватывающий вид на залитую огнями Москву-реку. По широкому мосту, поблескивая фарами, сновали юркие машины.

Игорь постоял немного у окна, радуясь, что не поехал сегодня в «Ленские горки». Ему хотелось побыть одному. Он вспомнил про книгу, вытащил ее из сумки и, разглядывая на ходу мятую, местами рваную обложку, направился в кухню.

Положил книгу на кухонный стол. Пошарил по полкам старинного массивного буфета. Нашел пакетик молотого кофе. Налил воды в электрический чайник, воткнул штепсель в розетку. Из многочисленных чашек выбрал вместительную кружку — синюю, с золотым ободком, и при этом все время посматривал на книгу, лежавшую на столе.

Чайник моментально вскипел. Игорь высыпал кофе из пакетика в кружку и залил его кипятком. «Бессонная ночь обеспечена, — подумалось ему. — Но это даже к лучшему. Займусь чтением».

Он опустился на стул с высокой резной спинкой и, задумчиво попивая горячий кофе из кружки, поглаживал немало повидавший на своем веку переплет.

Закончив с кофе, ополоснул кружку, поставил ее обратно в буфет и со словами: «Пройдемте, сударыня!» — осторожно взял книжку со стола и направился в комнату. Просторная гостиная была сплошь заставлена пухлыми креслами и диванами, обитыми белой атласной материей.

Игорь выбрал себе глубокое, уютное кресло и, погрузившись в него, раскрыл книгу. Сколько прошло времени, он не знал, но вдруг ему показалось, что кресло приподнялось вместе с ним на воздух, вылетело бесшумно из окна, взмыло вверх и зависло над городом. А может, это был усеянный серебряными звездами ковер?..

Игорь был спокоен. Ни одна жилка внутри него не дрогнула. Он был готов к чудесам и понимал, что вступил в чужой круг жизни — полный азартных страстей и опасный.

Опустив глаза, Игорь взглянул на титульный лист потрепанной книги. С пожелтевшей страницы на него смотрел пес по имени Кан. В зубах он держал горящий факел.

Не хрустальная люстра под высоким потолком и не серебряная россыпь звезд на ковре освещали все вокруг, а нестерпимо яркий и притягивающий к себе огонь факела.

Пес Кан, крупными прыжками рассекая темноту ночи мощной грудью, приближался к Игорю. Голова его была слегка повернута в сторону, но он не отрывал от Игоря горящего взгляда.

Так вот они — Псы Господни! ДоминиКаны!!!

Игорь почувствовал, как книга вливается в него вместе с мистическим, дивным светом факела, словно он прочел ее залпом от корки до корки и принял всю на веру, даже не пытаясь разобраться и постигнуть разумом.

Пес Кан неожиданно испарился. Но огонь факела разгорался все ярче и ярче, и сине-золотые искры летели в неведомые миры. Спустя мгновение они вспыхнули снопами золотых огней и соединились в подрагивающий, изменчивый прямоугольник. Внутри него, как на экране, три человека, закутанные в оранжевые покрывала тибетских монахов, склонились над игровой доской, разделенной на клетки. Монахи пытались расставить в магическом прямоугольнике фигурки животных, вырезанные из желтоватой кости. «Тридцать семь фигурок!» — мелькнуло в голове у Игоря.

Он сделал движение рукой, как будто перевернул страницу, и тибетские монахи исчезли, а на их месте возникла фигура, закутанная в черный плащ. Глубокий капюшон, накинутый на голову, полностью скрывал черты лица сидящего за столом человека. Но Игорь мог поклясться, что это был продавец книг с пристанционного рынка.

Приглядевшись внимательней, он заметил выглядывающую из-под капюшона белую сутану. «Доминиканец! Это, должно быть, тот самый хитроумный доминиканский монах, что перенял у китайцев игру! Заменял фигурки цифрами от нуля до тридцати шести и разместил их вдоль края вращающегося круга! Вот и вышла рулетка!»

Игорь наблюдал за монахом, который, низко склонившись над столом, перебирал худыми руками темные четки. Из-под стола торчали костлявые ступни ног, обутых в старые сандалии.

Внезапно, из-за спины монаха выпрыгнул пес с горящим факелом в зубах и уставился на него свирепым, беспощадным взглядом. Нестерпимое белое пламя полыхнуло в лицо Игорю, и он локтем попытался заслонить глаза от пронзающих насквозь лучей света. Так вот они какие, свирепые псы инквизиции! Вдруг пес напряжился, поднялся в воздух, пролетел мимо Игоря в медленном прыжке и беззвучно ударил монаха лапами в грудь. Факел вспыхнул костром, а монах, вскинув вверх руки и корчась, стал исчезать в испепеляющих лучах.

На фоне укутанного в темноту неба блеснули кроваво-красные буквы. Игорь мучительно пытался прочесть извивающиеся, как горящие змеи, слова, но их смысл ускользал от него. Только последние четыре буквы были видны четко — «ВЕРА». Сердце Игоря сжалось. Но буквы знакомого имени исчезли так же внезапно, как и появились.

Игорь попытался перевернуть страницу книги и увидел в голубом, как далекое Средиземное море, квадрате знакомые очертания казино в Монте-Карло. По порталу забегали огоньки, образуя обрывочные фразы: «Хочешь познать секрет рулетки — продай душу дьяволу!.. Сосчитай сумму всех чисел рулетки... Это дьявольское число — шестьсот шестьдесят шесть! — И крупными ярко-красными буквами последнее слово три раза: — Берегись! Берегись! Берегись!» Затем быстро замелькали какие-то картинки — монахи в оранжевой одежде, злобный ротвейлер в машине, коврик с разрушенным рулеточным колесом. Игорь слышал длинные, пронзительные телефонные звонки. И человек в черной плащ-палатке грозил ему пальцем...

Внезапно все закончилось. Наступил беспросветный мрак. Книга выскользнула из рук Игоря и мягко шлепнулась на расшитый серебряными звездами ковер. Он вздрогнул и очнулся, словно от тяжелого, дурного сна. Голова трещала, в комнате царила такая темень, что не было видно, где дверь, где окно. И все-таки Игорь на ощупь добрался до окна и раздвинул шторы. В гостиную тут же проник голубоватый свет ночных фонарей.

Он включил торшер, разложил первый попавшийся под руку диван, улегся на нем, не раздеваясь, закрыл глаза и постарался уснуть, не думая ни о чем.

18

Оставшиеся дни пролетели незаметно. В аэропорт Игорь ехал, несколько утомленный, лениво посматривая в окно машины. Лена как всегда мастерски вела машину, временами лукаво улыбаясь Игорю, но он делал вид, будто не замечает ее улыбок. Мысли его были далеко, он думал о том, что выполнил все, что запланировал.

С особенным удовольствием вспоминал мастерски проведенную, почти детективную операцию в усадьбе. Через закадычного школьного друга Игорь переправил деньги в Америку. Дружок стал крупным бизнесменом и лишних вопросов не задавал. Когда Игорь сказал ему, что нашел клад, он только усмехнулся и понимающе покивал головой.

Потрепанная книга, купленная на пристанционном рынке, лежала на дне сумки. Игорь надеялся, что круг завершен, а с ним и все беды. И Вера скоро вернется к нему.

Они приехали в аэропорт задолго до отправления самолета. Но, поскольку в связи с повышенными мерами безопасности было введено много дополнительных проверок, времени оказалось в обрез. Лена повсюду была рядом с Игорем, не отходила от него ни на шаг. Они почти не разговаривали, только улыбались друг другу ничего не значащими улыбками.

Особенно длинной была очередь на проверку личного багажа.

Перед самой стойкой, через которую Игорь должен был пройти для проверки наличия у него металлических предметов, они простились. Лена обняла и крепко поцеловала его в губы.

— До встречи в городе братской и небратской любви! — провозгласил Игорь.

Лена молча кивнула.

Когда объявили посадку, Игорь вошел в самолет одним из первых. Засунул сумку в отделение для ручного багажа над сиденьем и уютно устроился у окна. Вдруг у него в кармане зазвонил мобильный телефон. «Кто бы это мог быть?» — удивленно подумал он и тут же услышал голос Лены:

— Игорь! Слушай внимательно! Ты Веру не ищи и не жди! Она не вернется. Никогда! Слышишь? Никогда! — Игорь окаменел, не в состоянии проговорить и слово, а холодный, спокойный голос продолжал: — Она погибла в автомобильной катастрофе. Нелепая случайность. Жалко, конечно. А ты мне здорово помог! Мы перерыли всю усадьбу, а тайник найти не могли. Нам нужна была записная книжка. Мои ребята расшифровали бы код... К сожалению, ее там не оказалось. Понимаешь, Монте-Карло — моя территория. Там все еще только начинается, но я уже застолбила. От Веры нужны были или выигрыши, или код. К сожалению, она отказалась делиться... А деньги и браслет я решила оставить тебе. На память о ней... и обо мне! Свой мобильник я выбрасываю...

— Молодой человек, выключите, пожалуйста, ваш телефон. Скоро взлетаем.

Игорь повернул голову и непонимающим взглядом уставился на склонившуюся к нему бортпроводницу. Голубоглазая блондинка приветливо улыбалась ему.

— Телефончик ваш выключите, пожалуйста, молодой человек! — повторила она.

Игорь машинально нажал на кнопку и выключил телефон. Спустя мгновение, вскочил с места и рванулся, чтобы выбежать из самолета.

— Господа пассажиры! Пристегните ремни! — раздался из микрофона бодрый голос пилота.

Голубоглазая проводница ласково, но сильно нажала на плечо Игоря:

— Присядьте, пожалуйста!

Он покорно опустил в кресло...

Игорь не знал, сколько времени просидел вот так неподвижно, упершись взглядом в одну точку. Голубоглазая стюардесса приносила еду, ставила поднос на столик, но так как он ни к чему не притрагивался, она, легонько вздыхая, убирала поднос.

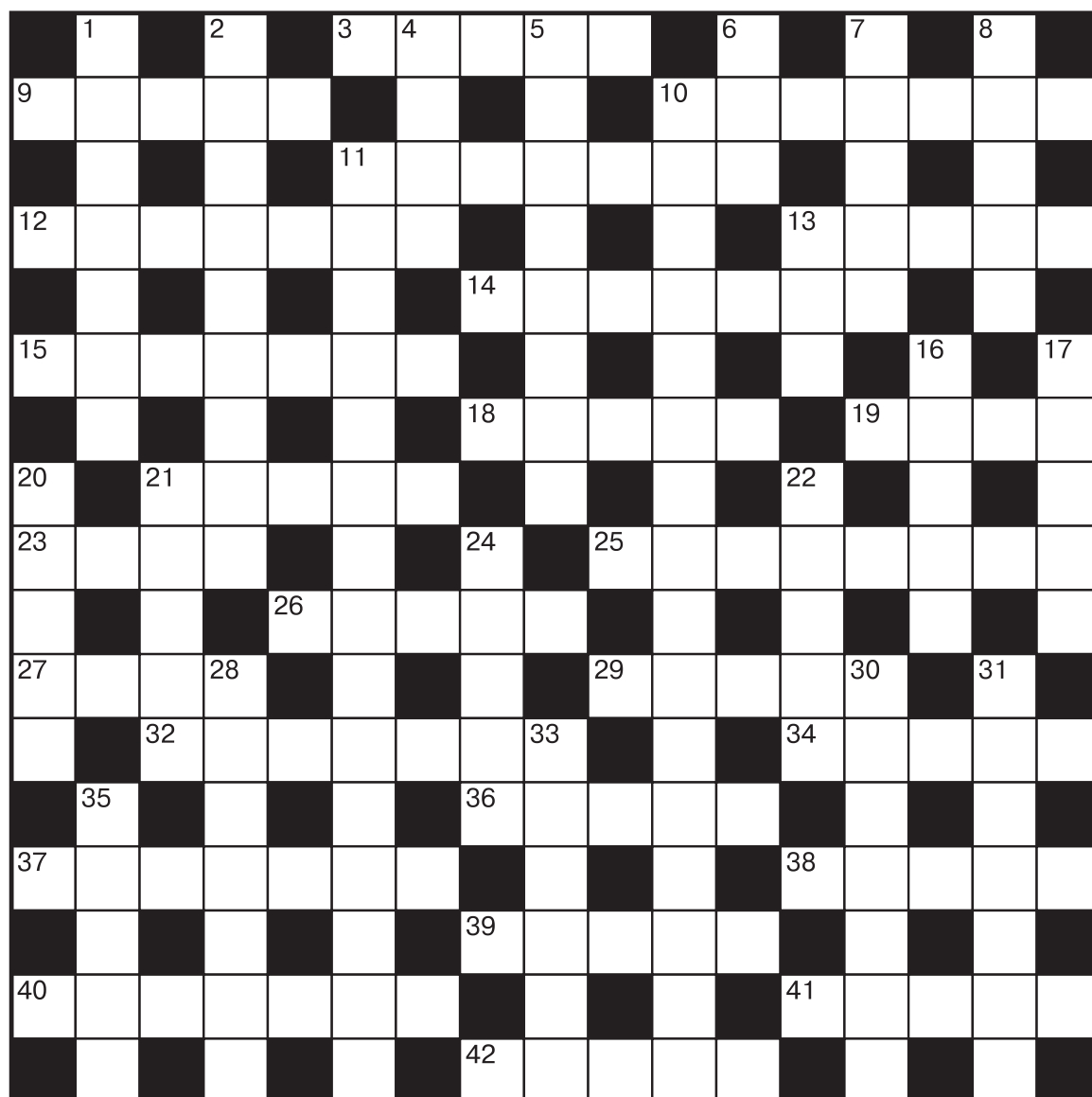
Погасили свет, и в салоне самолета стало темно. Пассажиры закутались в одеяла, подсунули под головы подушки, заерзали на сиденьях, стараясь найти удобную для сна позу.

Игорь достал с полки сумку, открыл ее и вынул гранатовый браслет. Камни не сверкали, как там, в витрине ювелирного магазина в Монте-Карло, а были черны и зловещи, как запекшиеся капли крови. Он поднял руку, включил маленькую лампочку над головой и направил луч света на браслет.

Камни тут же вспыхнули красно-коричневым блеском, и Игорь, как замороженный, не мог оторвать взгляд от их холодного блеска. Он поворачивал браслет то одной стороной к свету, то другой. И вдруг сердце его замерло. Внутри одного из камней он разглядел темнеющие очертания какой-то цифры — то ли тройки, то ли восьмерки. Игорь перевел взгляд на другой камень — и в нем крохотным червячком извивалась какая-то цифра.

«Проклятый секрет удачи!» — мелькнуло у Игоря в голове. Его рука дрогнула, и яркий луч света ударил в самый крупный камень, расположенный в середине браслета. Внутри отполированных граней ясно проступили три цифры: шестьсот шестьдесят шесть. Он разжал пальцы, браслет скользнул по его коленям и неслышно пропал в темном пространстве между креслами... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Былинный герой, побывавший в гостях у морского царя. **9.** Последним для Анатолия Солоницына стал фильм «Остановился ...» **10.** Кто из артистов зарабатывает ловкостью рук? **11.** «Осенний марафонец». **12.** Кто из голливудских суперзвезд стал киношным телохранителем, снимаясь в одном фильме с очаровательной Уитни Хьюстон? **13.** Восточная «ву-

аль». **14.** Порода Джека из рассказа «Собачье счастье» Александра Куприна. **15.** Домна Белотелова с лицом Нонны Мордюковой из фильма «Женитьба Бальзамина». **18.** «Не волноваться, а волновать!» (звезда мирового кино). **19.** Вечеринка бомонда. **21.** Какое хвойное дерево наш бард Юрий Кукин назвал «лесной Венерой»? **23.** Нефтяная республика. **25.** Что символизирует горох, подан-

ный к новогоднему столу, у японцев? **26.** Папка с личным делом. **27.** Какой «мусор» появился благодаря рекламе финансовой пирамиды в 1986 году? **29.** Награда для прошлого, опьянение для настоящего, горячее для будущего. **32.** Таксист без лицензии. **34.** «Походный ...» у солдата. **36.** «Если нужно отменить смертную ..., пусть господа убийцы начнут первыми». **37.** Русский художник, чью картину «Переход Суворова через Альпы» писатель Лев Толстой критиковал за отсутствие жизненной правды. Солдаты скользят в пропасть, не отвинтив штыков! Ведь переколют друг друга! **38.** Что послужило к «личной катастрофе» героя новеллы «Без дыхания» Эдгара По? **39.** «Прошу послать меня на ... повышения зарплаты». **40.** Какое из итальянских блюд Юлия Высоцкая любит готовить с шампанским? **41.** Кто мог сыграть одну из главных ролей в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»? **42.** Какое рукоделие скрывается за «пэчворком»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Всем попугаям попугай» из фантастической повести

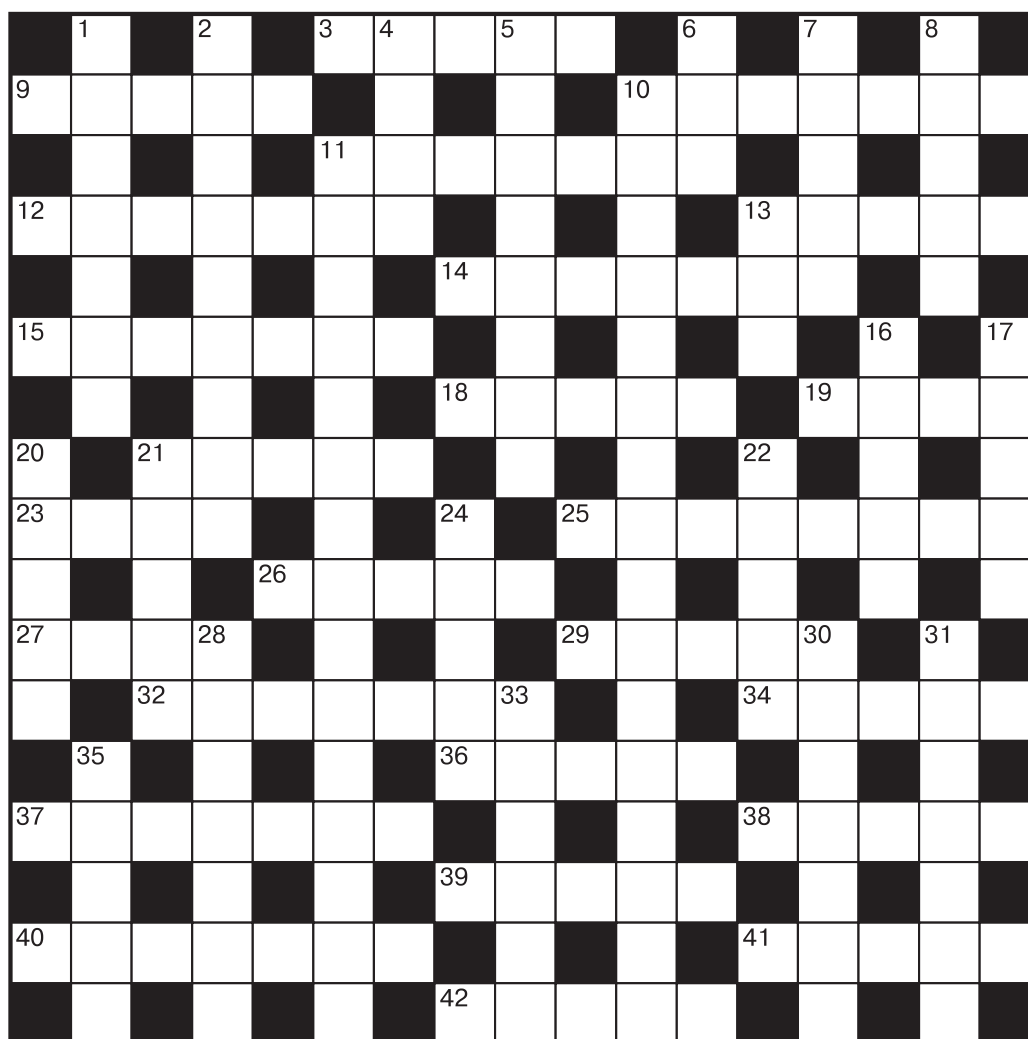
«Алиса и три капитана» Кира Булычева. **2.** Кто получает «гонорары» от благодарных посетителей? **4.** Снайпер любви. **5.** Кем числится в штате Британского музея каждая из шести кошек? **6.** «Потустороннее общение» для Марины Цветаевой. **7.** Дикая кошка, легко прокусывающая панцирь черепахи. **8.** Безоблачная погода. **10.** Качество от уныния. **11.** Какая черта характера позволяет другим обвести нас вокруг пальца? **13.** Квиток из кассы. **16.** Сладкое лакомство из чайханы. **17.** Крепок и мускулист. **20.** Хрустящие ломтики картошки. **21.** «Мститель во имя народного блага» из времен Великой Французской революции. **22.** Дискбол, четырехжды олимпийский чемпион. **24.** Марка автомобиля Стампа из фильма «Приключения Электроника». **28.** Первый из помещиков, которого навестил гоголевский Чичиков. **30.** Патрисия, чей первый роман лег в основу фильма «Незнакомцы в поезде» Альфреда Хичкока. **31.** Цветок «мимолетного увлечения». **33.** «Театральный мальчишник» из Японии. **35.** Русский писатель в друзьях Федора Шляпина.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Ермак». **9.** Блеск. **10.** Будущее. **11.** Аппарат. **12.** Харизма. **13.** Хиппи. **14.** Бавария. **17.** Отвар. **20.** Гроб. **23.** Кидала. **24.** Разработчик. **25.** Лаос. **26.** Брют. **27.** Тираж. **29.** Букет. **31.** Метан. **32.** Чили. **33.** Орган. **34.** Ангел. **35.** Синди. **37.** Айова. **38.** Стилист. **39.** Пьеха. **40.** Земля. **41.** Скандал. **42.** Казнь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Алмаз. **2.** Эскиз. **4.** Репа. **5.** Аватар. **6.** Бут. **7.** Гурия. **8.** Хеопс. **10.** Баран. **11.** Амстердам. **13.** Химик. **14.** Барби. **15.** Уголь. **16.** Ворот. **18.** Гавриил. **19.** Гастрит. **21.** Басилашвили. **22.** Стоун. **23.** Кибернетика. **28.** Женитьба. **29.** Балдахин. **30.** Бройлер. **32.** Челлини. **36.** «Оскар».

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Харита, отвечавшая за женскую красоту. **9.** «Волнистая линия» на самых старых самурайских мечах. **10.** Студент в помощниках у профессора. **11.** Золотая цепь с драгоценными камнями. **12.** Кто из любопытства нанес великому фокуснику Гарри Гудини ставшие после смертельными удары? **13.** «Элемент Воздуха» у Парацельса. **14.** Наш остров с уникальным «слоеным озером», где одновременно пресная вода и соленая. **15.** Мигающая наклейка на мо-

бильник. **18.** Античный скульптор, упомянутый в рассказе «Психея» Александра Куприна. **19.** «Но длится полдень, зреет злоба, и ослепителен ...» **21.** Кубышка для рыбы из словаря Владимира Даля. **23.** «Самая пламенная» богиня древних египтян. **25.** «Лошадиный хвост» среди комнатных растений. **26.** Англичанин, который мог бы стать первооткрывателем планеты Нептун, но этому помешала косность королевского астронома. **27.** Художник из крепостных в учителях Ива-

на Айвазовского. **29.** Потайной карман фокусника. **32.** Фаворитка, сбегавшая с драгоценностями супруги английского короля Эдуарда III. **34.** Сказочная звезда нашего кино, пережившая блокаду Ленинграда. **36.** Материал для пошива рабочих рукавиц. **37.** «Ювелир Его Императорского Величества и ювелир Императорского Эрмитажа» с именной площадью в Санкт-Петербурге. **38.** Чем великий Рембрандт тени на коже рисовал? **39.** Японский сладкий чай на день рождения Будды. **40.** Инструмент для плетения лаптей. **41.** Лекарственная трава, чьи желтые цветки заваривают, чтобы лечить простудный кашель. **42.** Традиционный мужской костюм у греков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Туркменская слоеная лепешка. **2.** Испанский линкор, принимавший участие в Трафальгарской битве. **4.** «О, возвратите мне священный ... отцов и тень мирные наследственных садов». **5.** Итальянский пони. **6.** Блокировка права доступа на сервер. **7.** Ком-

понент нашей слюны. **8.** Какой французский поэт подавал советы Гюставу Флоберу при написании его «Мадам Бовари»? **10.** Каждый из преступников, кому во времена Петра Великого заливали в горло расплавленный свинец. **11.** Маленький город, где Анна Каренина якобы бросилась под поезд. **13.** Младший брат Тома Сойера. **16.** Какому сантехнику поставили памятник в Ярославле? **17.** Кого из римских императоров прославили Дунайские кампании? **20.** В каком французском графстве впервые приготовили сыр «рокфор»? **21.** Сосуд, используемый в процессе трансмутации веществ, в книгах по алхимии. **22.** Какую старинную ткань считали «воздушнее облаков»? **24.** Ветер со скоростью более ста метров в секунду. **28.** Кто отправил материки «в свободное плавание»? **30.** Пророк в греческом стиле. **31.** Сливочный ликер из Южной Африки. **33.** Она моет голову только дождевой водой, которую ей привозят в Нью-Йорк из Лондона (голливудская звезда). **35.** Первый мифический персонаж, встречающийся в дантовом «Аду».

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Сахар. **9.** Статут. **10.** Тучерез. **11.** Вермеер. **12.** Кирхгоф. **13.** Хинин. **14.** Бренуаз. **17.** Чокои. **20.** Эфор. **23.** Талион. **24.** Луначарский. **25.** Флюд. **26.** Каид. **27.** Сытин. **29.** Уокер. **31.** Кейпл. **32.** Шерл. **33.** Чалоп. **34.** Эглет. **35.** Хепри. **37.** Бюсси. **38.** Сунерсы. **39.** Руть. **40.** Цадик. **41.** «Герника». **42.** Псков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Стриж. **2.** Субха. **4.** Азеф. **5.** Азмари. **6.** Мур. **7.** Шемиз. **8.** Бетил. **10.** Терно. **11.** Волосатик. **13.** Халай. **14.** Бочар. **15.** Тэффи. **16.** Болюс. **18.** Филалет. **19.** Анадолу. **21.** Рудыковский. **22.** Есхол. **23.** Тизенгаузен. **28.** Непентес. **29.** Упорство. **30.** Карюкай. **32.** Шеверни. **36.** Аська.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

1 сентября открывается основная подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2016 года, в любом отделении почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 70656 — годовой индекс Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

